

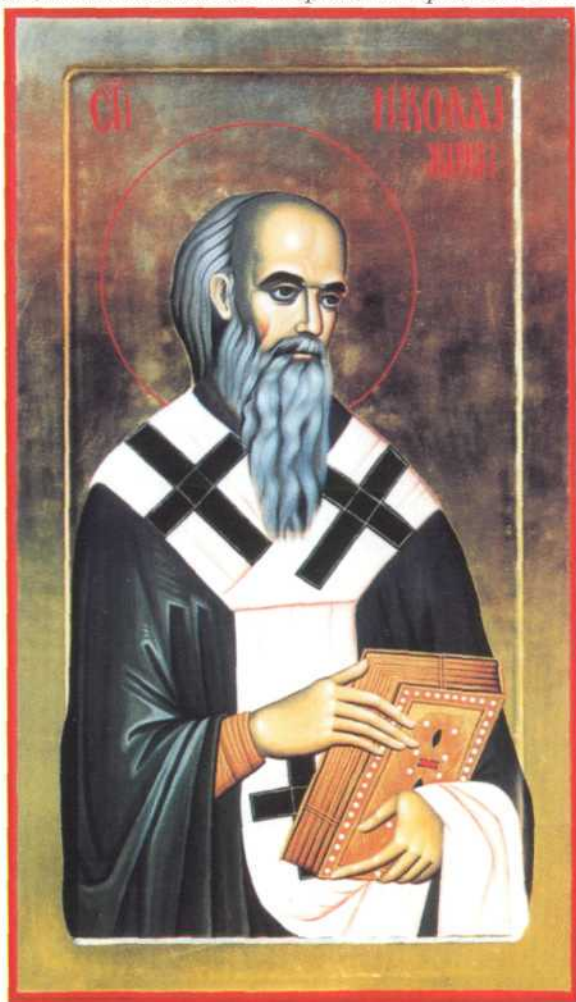
**СВЯТОЙ
ВЛАДЫКА**

**НИКОЛАЙ
СЕРБСКИЙ**

**ЗА КРЕСТ ЧЕСТНОЙ!
И СВОБОДУ ЗОЛОТУЮ!**

Чудотворная икона Святого Владыки Николая
из монастыря Святых Архангелов на Косове,
утраченная в албанском погроме в марте 2004 года

Тропарь сѣлю нїколаю, гласъ ѿ:

Златоустый проповѣдникъ воскресшаго хрѣта, пѣтеводителю рс
сѣрвскаго крѣтоноснаго въ вѣкахъ, блгогласнаго луго дха сѣаго, славо
любви монаховъ, радованіе и похвало сѣенниковъ, оучителю покажи
всенародный блго, предводителю бгомольна воннства хрѣтова, сѣ
нїколае сѣрвскій и всеправославный, со всѣми сѣыми нѣныа сѣрвїи мс
ѣдинаго члвколюбца даровати миръ и ѣдиненіе родѣ нашемѣ.

**РУССКО-СЕРБСКОЕ БРАТСТВО
СВЯТЫХ ЦАРЯ НИКОЛАЯ И ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ**

Альманах

**ЗА КРЕСТ ЧЕСТНОЙ
И СВОБОДУ ЗОЛОТУЮ!**

Второй выпуск

посвящён годовщинам
СВЯТОГО ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ
(Велимировича)

**125 лет со дня рождения,
50 лет блаженного упокоения,
15 лет перенесения честных мощей**

МОСКВА
2006

Многоуважаемые читатели,

Русско-Сербское Братство Святых Царя Николая и Владыки Николая с радостью представляет вам второй выпуск альманаха *За Крест Честной и Свободу Золотую!*

На сей раз он полностью посвящён одному из святых покровителей, или по-сербски *Крестной Славе*, Братства — Святому Владыке Николаю (Велимировичу), епископу Жичскому и Охридскому, известному в России как Святитель Николай Сербский. В 2006 году мы празднуем тройной юбилей Владыки: 125-летие со дня рождения, 50-летие блаженной кончины и 15 лет перенесения честных мощей.

Представление в разнообразных материалах многогранной деятельности и творчества Святого Владыки породило известную мозаичность сборника. Взяв за основу хронологическую канву его жизни, не удалось избежать некоторых анахронизмов. Извинением могло бы служить лишь то, что подобной книги о Владыке Николае пока нет ни в России ни в Сербии.

Мы были вынуждены ограничиться данным объёмом сборника в связи с ограниченностью (отсутствием) средств на его издание, несмотря на гораздо больший объём подготовленного материала. В частности, в этом году отмечается 60 лет со дня мученической смерти верного монархиста и борца за свободу Сербии генерала Драголюбa Михайловича. Надеемся, что эта тема, поданная, в основном, в аспекте его отношений с Владыкой Николаем будет отражена в следующем выпуске альманаха.

Наряду с сочинениями самого Владыки представлены работы о нём, в первую очередь, его духовных наследников. Это святитель Иоанн (Максимович) и, в известном смысле, духовный сын Владыки преподобный авва Иустин (Попович) и, через него, следующее поколение — аввины чада митрополит Амфилохий, епископы Артемий и Афанасий. (Интересно, что умудрённого жизнью епископа Николая со временем стали любовно звать *Дека Владика*, то есть Деда Владыка, при том, что, например, боснийские сербы сохранили со средневековья народное уважительное название для архиерея *дјед*.) Сюда же входят собственно духовные чада Владыки Николая игумения Анна (Аджич) и поныне здравствующий о. Иоанн (Радосавлевич).

Письмо Патриарха Павла дано дабы окончательно развеять циркулировавшие до всецерковной канонизации клеветы, что, якобы, Владыка Николай не может быть прославлен при жизни Святейшего. С целью показать духовную преемственность Патриарха Павла от Святого Владыки и в связи с 5-летней годовщиной упокоения приводим статью об о. Иулиане (Кнежевиче), рукоположенном Владыкой Николаем и, в свою очередь, постригшем в монахи теперешнего Патриарха.

Предлагаются материалы о важнейших храмах и монастырях, связанных с именем Николая (Велимировича).

Как всегда, Братство не оставляет темы Косова и Косовского завета в понимании Владыки Николая.

Многочисленные рассказы о чудесах Святого Владыки Николая и *Акафист* ему предполагается напечатать отдельным изданием; развёрнутые повествования о Царской Лавре Жиче и о монастыре Святого Наума на Охриде, как и об отношении Святого Владыки Николая к Святому Царю Николаю — в очередном выпуске альманаха *За Крест Честной и Свободу Золотую!*, который намерееваемся посвятить другому святому покровителю Братства и вообще Царской теме. Если, однако, будем живы, если Бог благословит и пошлёт благотворителей — на что надеемся, как и на вашу читательскую снисходительность.

Просим молитвенно помянуть наших благотворителей, первыми оказавших помощь в издании данного выпуска альманаха:

ЕПИСКОПА АФНАСИЯ (Евтича) б. Захолмско-Герцеговинского,
ИЕРОМОНАХА НИФОНТА (Василиади),

МИРКО Латиновича,

АЛЕКСАНДРА Ульянова;

а также тех, кто понёс основные труды по выходу альманаха в свет:

АННУ, ЗИНАИДУ, ОЛЕГА, ГЕОРГИЯ, НИКОЛАЯ, НАТАЛЬЮ,
МАРИЮ.

Наша молитвенная багодарность всем, оказавшим моральную поддержку.

Преподобный ИУСТИН (Попович)

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ ЖИЧСКИЙ — РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ ВЛАДЫКА, СЕРБСКИЙ НОВЫЙ ЗЛАТОУСТ

Комар должен говорить о полётах орла! Величайшего сербского орла в истории Сербского народа и сего святого края. Что комар может пропищать? Что?! Что свечка скажет о Солнце? Как свечка похвалит Солнце? Простите, но мы все, теперешние Сербы, — грошовые свечки против Солнца, плывущего по сербскому небу, а второе солнце есть Владыка Николай. Мы, как клещ, не можем увидеть Солнца. Впились мы в руно европейской культуры — кино, театры, достаток, одежда, меню... Клещи! Нам сияет Солнце, а мы его очами не видим. Многие намеренно ослепили себя теперь. Слушай, разве ты можешь оценить солнце, когда Творца солнца не признаёшь? Ты, потухшая свечка сербская! Даже если бы Господь всякое моё слово претворил в Херувима, в Серафима, в Ангела, я бы и тогда не смог достойно, ни в меньшей мере достойно, воздать хвалу величайшему Сербу после Святителя Саввы — Равноапостольному Святому Владыке Николаю Сербскому.

Два человека есть у Сербской Церкви и Сербского народа. Первый — Святитель Савва, единственный покуда Равноапостольный. Прости, Владыко Святой! Я же, как и все здравые сербские души, почитаю тебя вторым Равноапостольным Владыкой Жичским, Сербским Святым Златоустом!

И всё, что он изрёк, — Небесное есть благо. Всё, что написал, — непреходящая, Небесная, вечная драгоценность.

Воистину, воспарив умом к великим угодицам Божиим, великим святым писателям Церкви Христовой, за Святым Иоанном Златоустом, царьградским светилом, обретём ближайших ему Святых Владыку Николая, Иоанна Дамаскина, Григория Паламу и немногих ещё других. Как он несказанно велик! А Сербы, бедные, несчастные Сербы! Видели ли своего Владыку в Академии наук и искусств сербских? Нет, нет и нет!

Сербы, немотствующий народ, немой... Да если б не сей славный Златоуст Сербский, разве была бы ещё поэзия у Сербов и Сербства? Вот вам Сербский Святой Дамаскин. Вот поистине величайший поэт сербский. Величайший среди всех славных великих песнотворцев. Когда б оставил нам только *Духовную Лиру*, был бы уже равен Святому Дамаскину. А он? Всякое его слово песнь, песнь вечная, песнь о Вечности. Песнь о Вечной Истине, песнь о Вечной Правде, песнь Единому и Истинному Богу всех миров — Господу Иисусу.

Теперь это миф, легенда! Легенда для кого? Для кого?! Для многих и многих Сербов после Святителя Саввы. Господи, Поборниче рода человеческого и сей прокажённой звезды, что землёй зовётся, прости Сербов!

Что Серб знает о сербской науке? О сербской церковной науке? О науке вообще? Вот вам Сербский Василий Великий. Кто был Святитель Василий? В четвёртом веке он был величайшим и научённейшим человеком своего времени и Святителем Божиим. Он знал, однако, что учение ничего не значит без святости в Боге. Сегодня у нас, Сербов, есть он — Сербский Святой Василий Великий, воистину Великий. И все тайны, тайны великие, тайны всех миров Божиих, найдём в его произведениях. Вспомните, начиная с проповедей, которые произносил молодым иеромонахом, вплоть до дивных гимнов Господу Иисусу, до акафиста Иисусу Победителю смерти. Всякую тварь, от молекулы до Архангелов, всё объяла его святая

*О. Иустин, беседа на парастасу
Епископу Николају у Леличу 1971. године*

*Отец Иустин говорит проповедь на панихиде в память
Владыки Николая в храме с. Лелича в 1971 году*

и великая душа. Его громадный ум создал учение, которого сербский человек и Сербский народ не знал. Все немые, все немые рядом с ним! Через него блестяще выразилась свято-саввская сербская душа, по-херувимски, громогласно проговорила оглохшей сербской душе. Оглохшей от политики, от иностранщины... Оглохшей для всего, что вечно, для всего, что Христово, для всего, что свято-саввско. И он, он простой иеромонах, осмеянный инок сербский, ходит по белградским улицам в убогой рясе. Многие стыдятся и гнушаются его. А он? Он тем временем подымает восстание, величайшее восстание после Святителя Саввы, учинённое в роде Сербском. Это духовное восстание произвёл молодой иеромонах Николай. Начал как молодой иеромонах, а завершил как Равноапостольный Святитель Охридский и Жичский. Вот где церковная философия, церковная мудрость! А сербская философия, философия наших университетов? Увы!

А он! В философии сербской, в действительности, единственный философ! Он — Сербский Григорий Богослов. Эти-

ми словами я выражаю наилучший комплимент, величайшую похвалу, какая может быть произнесена. Святитель Григорий Богослов, высший ум, созерцавший тайны Божественного Существа. Наивысший из людей по дару Божьему. И подобного ему дал Господь Сербскому роду. Сербский вечный Григорий Богослов.

Однако комар всё ещё пищит!.. Евангелист среди Святых Евангелистов. Вот Сербский Святой Евангелист. Представьте, всякое его слово есть благая весть. Всякая речь его — малое Евангелие. Как благовонный корень, чем сильнее его тереть, тем сильнее благоухает. Так, чем больше читаешь Владыку Николая, тем больше молишься благодаря чтению и ощущаешь, сколько Небесного благоухания архангельского в его книгах. Сколько Евангелия Вечного, того Евангелия, в кое Ангелы желают заглянуть. Он, он нам, Сербам, эту Благоую Весть поведал столь красноречиво. Красноречиво для человека — но и для Ангелов.

Среди Святых Апостолов — вот Сербский Святой Апостол! О, кто так Сербскую землю исходил, Благовестие Христова проповедуя, как он? От Охрида до Будима, от Пирота до Враня, от Прохора Пчиньского до Рибеки. Никто, как он, Апостол-епископ. Апостол и Епископ — Равноапостольный Святой Владыка Николай.

Вот величайший Мученик Сербский после Святителя Саввы. Почему после Святителя Саввы? Потому, что Мученик Святой Савва не давал покоя врагам Креста Христова. Врагам Истинного Бога не давал покоя, покуда не сожгли его мощи на Врачаре в Белграде. Мученик и после смерти, Святой Савва — Мученик ещё и сегодня, когда, глядя на Сербский род, видит в нём тысячи предателей свято-саввского завета. Владыка Николай был Мучеником на земле. Кто знает его молодость, его внутреннюю жизнь, знает и его плач частый. Знает его ры-

Фреска святых
Владыки Николая и Аввы Иустина
в Кафедральном соборе г. Чикаго

дание любостыньское в военное время. Немцы, враги тогдашние наши, понимали, что значит для них Владыка Николай. Что ему надо уста заградить, чтоб молчал он, молчал Сербский род. Смотрите, он, оплакавший в святой Любостыне скорбную сербскую судьбину военного времени, оплакавший братоубийственную войну меж Сербам и Сербам, он был заточён в монастырь Войловицу, потом препровождён в Дахау на смерть Бога

ради, за нас всех Сербов. Мученик над Мучениками — это Владыка Николай!

И сегодня, сейчас он на Небесах более плачет над нами, Сербам земными, нежели радуется. И ради чего? Что является главным для Святого Божия, для человека, созерцающего с Небес все міры? Что главное? Бог, Истинный Бог, Его Вечная Правда — Господь Иисус Христос. А что Сербам Господь Иисус? Что Сербам их вера? Что Сербам своя Крестная Слава? Малодушные! Многие славу не славят, многие иконы выносят из дома, многие прячут их по шкафам, скрывают по подвалам и чердакам. Безстыдная толпа, стадо, отпавшее в слепоте своей от Святого Саввы. Что это, какой это заячий

дух вошёл в сербскую душу? Где Обилич? Где Обилич, чтоб защитить свою веру, чтоб спасти свой вечный образ, чтоб сохранить свою историю? Да, Святой Мученик Сербский — вот кто Владыка Николай.

Среди Святых Исповедников — Сербский Святой Исповедник, равный Святому Максиму Исповеднику, Святому Феодору Студиту, Святому Николаю Грузинскому Исповеднику и многим другим святым исповедникам. Он столь смело, столь неустрашимо проповедовал и исповедовал Истину Господа Иисуса Христа, Истину твою, бедный Серб! Истину целой сербской истории! Истину всего рода человеческого. Никто не исповедовал, как он, никто в Сербском роде.

Когда во время тяжких скорбей умолкли многие сербские уста, он немецким тиранам говорил: «Вот я перед моей паствой. Вы расстреливаете моих чад в Кралеве, я пришёл, чтобы сначала меня расстреляли, а уж после их». Смутились немцы офицер и комендант. Он в совершенстве говорил по-немецки.

Потом Любостыня. Вместе с профессором Пешичем и другими препровождён в Крушевац под конвоем немецких солдат. И там держался так же безстрашно. Немцам говорил всю правду, всё им предсказал. Да, действительно, сербский Святой муж.

Среди Святых Целителей, среди лекарей, среди чудотворцев вот сербский чудесный доктор — Святой Владыка Николай. Скажите, кто исчислит все те души, которые Владыка Николай своим словом и своею молитвой исцелил? Кто бы мог обозреть многих и многих, чью недужную совесть Святой Владыка излечил, наделив их истинной верой в Истинного Бога? Кто? Поистине, он лекарь душ и совестей сербских. Небесный лекарь совести сербской.

А среди Святых ктиторов — кто он? Новый Сербский Задушбинар. Величайший после Святых Неманичей. Да, вы

свидетели тому. От Охрида до Жичи воздвигал и обновлял монастыри, и в сердце Шумадин, и вне Шумадии. Всюду его дух. Он, неутомимый строитель, неутомимый зодчий, возрождал задушбинство Святых Неманичей.

Так вот — пищат комары по земле Сербии. Среди тех комаров жалчайший архимандрит Иустин. Земная Сербия! Где рождён Владыка Николай? Где его святые мощи? На чужбине! Ты, Серб, не был достоин, чтобы величайший после Святого Саввы твой земляк испустил дух в Сербии и отсюда предал душу свою тому миру, где его встретил Святой Савва. Велика была мука в душе Святителя Саввы, когда покинул страну и умер в Болгарии. Урок для тогдашних сербских правителей, для тогдашних Сербских земель, для тогдашнего Сербского народа. И вот другой урок, снова повторяется историческое наставление: Владыка Николай умирает в Америке. Символично, братья мои дорогие. Символично и страшно. Другой величайший человек умирает вне нашей земли. О, сколь мы недостойны! О, какой срам быть предателем величайших людей своих, величайших Святителей своих. О, как страшно быть Сербом без Христа! Сколь страшно быть Сербом без Святого Саввы! Преступление за преступлением!

Десять лет официальная Сербская Церковь не служит панихиды по величайшему Сербскому Владыке! Что это? Какой мрачный и страшный призрак бродит по Сербской земле? Мы и дальше мучимся. Мы на земле непрерывно мучимся. Мы, что мы за мученики, Господи, когда своё предаём?

Сегодня Небесная Сербия, сегодня, о, не только Небесная Сербия, но Православная Церковь Небесная славит величайшего Мученика в роде Сербском после Святого Саввы — Святого Равноапостольного Сербского Николая. Сегодня его славят Серафимы и Херувимы, ибо им равен по Благовестию, которое распространял по землям, всем землям Европы,

Америки и Азии, подобно Херувиму! Его сегодня, конечно, лобызает — кто? Святитель Савва лобызает своего налюбознейшего сына в Сербском роде. И ему предстоят многочисленные сербские угодники со Святителем Саввой, Преподобным Симеоном Мироточивым и прочими Сербскими Святыми.

Сегодня на небесах Сербия Небесная славит величайшего Сербского Святого. Сегодня все Святые, все вельможи, все Святые Неманичи на небе приветствуют нового сербского Мученика, величайшего сербского нового Евангелиста, величайшего нового сербского Апостола — Святого Владыку Николая.

Сегодня все погибшие за Крест Честной и Свободу Золотую, все гонимые со стороны НДХ, — а их всех Сербов, живот свой за Веру Православную положивших, сотни тысяч, — все они стоят на молитве и прославляют величайшего Серба, Святого Владыку Николая. И несётся по Белграду, несётся по Скопю, по Загребу, по Москве, по Вашингтону, несётся по всей земле! Лелич, Лелич дал Сербскому роду величайшего Святого, величайшего мужа после Святителя Саввы.

Мы, сегодняшние Сербы, мы не знаем, что имеем. Между тем, Бог нам послал и Пророка, и Апостола, и Евангелиста! А почему мы, это поколение наше, — худшие из Сербов?! Потому что предали всё, что не нельзя предавать! Потому что предаём Господа, Его Истину, Жизнь Вечную, Царствие Небесное! За всё видимое очами, за кино, за театры и за удовольствия плоти!

Увы нам! Увы! Да умолим Святого Владыку Николая, чтобы спас нас из пекла, из нашего глубочайшего ада. Нас, современных Сербов. Чтобы нас принял в своё Небесное воинство, даровал нам херувимское безстрашие Господа Иисуса Христа более всего желать и любить, как и он. Это его завет. Вся его жизнь была завещанием свято-савским, косовским:

Всегда всем жертвовать за Христа, Христом — никогда! Это завет Святого Владыки Николая. Это завет Святителя Саввы. Это завет Святого Князя Косовского.

Задумайся, задумайся сегодня на этом сегодняшнем поминовении Святого Владыки Николая. Нет Учителя лучше, нет Небесного колокола над сербской землёй выше Святого Владыки Николая. Громовержец, как Илья Пророк, но и добр и милосерд подобно Господу Иисусу Христу. У нас один лишь путь, один выход из нашего ада, один-единственный путь в рай наш — это путь Святого Саввы и Святого Николая.

Да пробудит Благой Господь сербские души для всего, что вечно, для всего, что свято. И да умножит Святой Владыка Николай свои молитвы в Небесной Сербии о нас, многогрешных на земле. Да умолит со Святителем Саввой и всеми Сербскими Святыми Господа Иисуса Христа умудрить Сербов, вразумить Сербов, привести Сербов к вере. Да воскресит их из всех безчисленных гробов их. Гробов себялюбия, братоненавидения, братоубийства. Всех, увы, раздоров и бед. Ненависть завладела Сербами. Господи, изведи из сербских душ братоненавидение.

Святой Исповедниче, со всеми Святыми молись, дабы Сербы вразумились. Дабы братья примирились, расколы упразднились, Сербы этой заразы исцелились.

Прости, Святой Исповедниче Равноапостольный, что я, убогий комар сербский, косноязычно пролепетал тебе.

Аминь.

1966

Перевела Мария Мелькова

Епископ АРТЕМИЙ (Радосавлевич)

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯТОГО ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ

Будущий Святитель Николай увидел свет Божий на заре 23 декабря (по старому стилю) 1880 года, на праздник святого Наума Охридского. Родился он в небольшом, но «Божьем селе Леличе», как сам он его называл, неподалеку от города Валева на склонах горной гряды Повлена. Его родители Драгомир и Катарина были простыми крестьянами, но добрыми и почтенными людьми и набожными православными христианами, особенно мать. Вскоре после рождения они окрестили свое первое, но слабое здоровьем дитя, дав ему имя Никола. Крещение совершил отец Андрия в монастыре Челиях, где тогда находилась приходская церковь села Лелича.

В доме своих родителей, в обществе остальных детей (их всего было девятеро, но одни умерли в раннем детстве, другие погибли во время войн, так что в живых остался один Николай) малыш Никола креп телом и духом, получая от своей набожной и праведной матери первые понятия о Боге и вере православной. Часто она водила его за ручку в храм в Челиях, удаленный от их дома на 4—5 километров, на молитву и к причастию. Те первые впечатления о Боге, Божиим храме и молитве, которые он впитывал с уст своей матери, навсегда врезались в детскую душу.

Свое образование малыш Никола начал в школе в Челиях, куда отдал его отец, чтобы только «умел читать повестки от властей и отвечать на них», рассчитывая оставить его в селе как «образованного» человека и надеясь, что сын станет кормильцем и опорой в старости. Однако Провидение Божие имело другой, несомненно, более грандиозный план в отношении малыша Николы. И сам Никола словно пред-

чувствовал это, проявляя с первых дней учебы свою исключительную одаренность и ревность в учении. Предание гласит, что Никола во время перерывов в занятиях, когда остальные дети бегали и шалили, забивался в укромный закуток монастырской звонницы и «отдыхал» там, прилежно читая и молясь.

Его исключительные способности и прилежание отметил школьный учитель Михайло Ступаревич и на-

стоял, чтобы Никола продолжил учебу в валевской гимназии. И там Никола показал себя как лучший ученик, хотя, чтобы иметь возможность учиться, ему пришлось служить в городских семьях, как и большинству гимназистов в то время.

Закончив шесть классов гимназии, Никола пытался поступить в военную академию, однако медицинская комиссия его забракела из-за того, что он был «мал ростом и узкогруд». Разумеется, и в этом был Промысел Божий, направлявший Николу другим путем – чтобы он стал воином Царя Небесного, а не земного, ибо, получив отказ медицинской комиссии, Никола отдал документы в белградскую семинарию и поступил туда, хотя и здесь не без трудностей из-за неважного музыкального слуха.

Как слушатель семинарии был непревзойденным за все время своей учебы. Его успехи в науках были результатом как Богом данного природного ума, так и настойчивый усилий и систематического труда. Он знал, какой большой грех – закопать Божий талант в землю, и поэтому неутомимо трудился, чтобы талант преумножить как можно больше. Во время учебы в семинарии он не ограничивался лишь учебниками и конспектами лекций, но читал и другие книги по общеобразовательным предметам, из области искусства, культуры, социологии. До 24-летнего возраста он уже прочитал Негоша, Шекспира, Гете, Вольтера, Гюго, Ницше, Маркса, Пушкина, Толстого, Достоевского и других. Именно в семинарии обратили внимание на его оригинальные мысли о творчестве Негоша, которого он как поэта и мыслителя любил и глубоко изучил еще в валевской гимназии. Юный Никола поражал даром красноречия своих семинарских товарищей и преподавателей. Особенно всем запомнилась его речь на выпускном акте в монастыре Раковице в 1902 году.

Во время учебы в Белграде Николе жилось нелегко, питался он плохо, а из-за сырой комнаты он страдал от золо-

тухи. Закончив семинарию, Никола некоторое время преподавал в селах Драчиче и Лесковицах неподалеку от Валева, что позволило ему близко узнать жизнь и душевное расположение нашего народа на селе. Там он подружился со священником о. Саввой Поповичем, которому он помогал на приходе. Летние каникулы Никола, по рекомендации врача, проводил на море. Именно тогда он познакомился и с любовью описал жизнь сербов Которского залива, Приморья,

*Школьный учитель
Никола Велимирович*

Черногории и Далмации. Уже в семинарии он стал помогать о. Алексе Иличу в редактировании журнала *Христианский вестник* и публиковал там в течение нескольких лет свои первые заметки.

После окончания семинарии Никола стал государственным стипендиатом и был послан от Церкви продолжить учебу за границей. Он выбрал Европу, старокатолический и философский факультеты в Берне, а затем продолжил учебу в Германии, Великобритании и Швейцарии, а спустя некоторое время, и в России. Всюду он жадно собирал знания, став, образованнейшим человеком своего времени. Духом своим он возносился над таинственной мудростью далекого Востока, углубляясь в древние религиозно-философские книги Индии. Все знания, собранные из разных источников, он переработал и сконцентрировал в себе, в своей глубокой мудрой душе, а затем с присущей ему оригинальностью пе-

редавал другим. Поэтому даже самое малое его творение, любое его письменное или устное слово открывает необыкновенную эрудицию и широту знаний. Подобную богатейшую ризницу знаний и мудрости мог собрать и оригинально выразить только один, поистине гениальный ум.

Учебу в Берне 28-летний Никола с блеском завершил двумя докторскими диссертациями: из истории *Французско-славянское противостояние в Боке Которской в 1806—1814 гг.* и из богословия *Вера в Воскресение Христово как основной догмат Апостольской Церкви*. Можно сказать, что вся его дальнейшая жизнь проходила под знаком Креста и Воскресения Христова. Следующий, 1909 год Никола провел в Оксфорде, где подготовил докторскую диссертацию *Философия Беркли*, а затем защитил ее в Женеве на французском языке.

Вернувшись из Европы на родину осенью 1909 года, Никола тяжело заболел дизентерией. Он пролежал в больнице полтора месяца и тогда говорил: «Если моя жизнь как служение Господу нужна, Он меня спасет» и дал обет: если поправится, станет монахом. Никола, тогда уже известный доктор богословия и философии, и в самом деле вскоре принял постриг в монастыре Раковице, став 20 декабря 1909 года монахом, а затем иеромонахом Николаем, и отдал всецело всего себя, все свои знания и способности на службу Богу, Церкви и Сербскому народу.

Обучавшимся за границей необходимо было утвердить правомочность полученных дипломов. Тут выяснилось, что Никола в свое время не посещал седьмой и восьмой классы гимназии, поэтому ему предстояло сдать выпускной экзамен за курс гимназии, чтобы получить право преподавать в семинарии. Аттестационная комиссия, по словам одного из ее членов, «слушая его доклад о Христе, была так поражена, что никто не задал ни одного вопроса». И все-таки, прежде чем

стать младшим преподавателем семинарии, о. Николай, по настоянию Митрополита Сербии Димитрия, был направлен в Россию, где провел год, в основном, путешествуя по просторам Руси, чтобы познакомиться с ее церковной жизнью, святынями и постичь душу русского человека. В то время он написал первое свое крупное исследование *Религия Негоша*.

Вернувшись в Белград, о. Николай стал преподавать в семинарии философию, логику, психологию, историю и иностранные языки. Однако стены учебных классов были тесны для него. Он начинает проповедовать, писать и публиковаться. Молодой высокообразованный иеромонах выступает с блистательными проповедями сначала в храмах Белграда, а вскоре по всей Сербии, потом читает лекции в народном университете и в других местах. Темы для своих проповедей он брал из обычной жизни, но говорил так, как не говорил до него никто, и вся интеллигенция тогдашней Сербии была просто потрясена. Одновременно о. Николай начал публиковать в церковных и светских журналах свои очерки, проповеди и статьи: о Негоше, о Ницше, Шекспире и Достоевском, а также на другие философско-богословские темы.

Своим активным участием в общественной жизни королевской Сербии, проникнутой в то время духом демократии и свободомыслия, своими смелыми выступлениями по религиозно-церковным и национальным вопросам, о. Николай вызывал у многих почтительное удивление, но уже тогда у него появились враги и завистники. Не только в Белграде и Сербии, но и в других южно-славянских краях говорили тогда о молодом иеромонахе и ученом проповеднике Николае. Так, в 1912 году его пригласили в Сараево на праздник сербского журнала *Просвета*, где о. Николай воодушевил молодежь Боснии и Герцеговины и познакомился с самыми видными представителями поработанных сербов: Чоровичем, Дучичем, Шантичем, Грджичем, Любибратичем и другими.

По утверждению Дедиера, на книге о. Николая *Беседы под горой* младобоснийцы клялись, как на Евангелии. Стали широко известны сказанные им тогда слова, что «своей горячей любовью и великодушием сербы Боснии аннексировали Сербию». В эпоху австрийской аннексии это прозвучало вызывающе дерзко, и на обратном пути

Во время Первой мировой войны

иеромонаха Николая сняли с поезда в Земуне и задержали на несколько дней. А на следующий год австрийские власти не позволили ему приехать в Загреб и сделать доклад на праздновании столетия Негоша (впрочем, доклад все же был передан и прочитан).

Служение Сербству продолжилось с новой силой, когда вскоре малая Сербия вступила на голгофский путь войны за освобождение и объединение Сербского и остальных югославянских народов. В судьбоносные дни войны, с 1912 по 1918 год, о. Николай активно участвует в жизни державы. Во время Первой Балканской войны он выступает с проповедями и публикует их в книге *Превыше греха и смерти*. Он не только недреманным оком и душой следит за развитием событий на фронте и в тылу, выступает с лекциями и беседами, укрепляя и утешая народ, терпящий в войне нечеловеческие

страдания, но и сам лично участвует в событиях тех лет как доброволец и помощник пострадавшим от войны (он отказался от платы за свою работу на всё время войны). Проповеди тех лет можно сравнить с речами Перикла в древней Элладе во славу павших за Отечество.

Иеромонах Николай живо участвовал и в церковной жизни того времени, хотя высказывал немало критических замечаний о действиях и поведении известных в церковных кругах людей. Между тем, его критика была позитивна (он вскоре расстался с о. Алексой из *Христианского вестника*, который неверно оценивал положение в Сербской Церкви) и осталась таковой до конца его дней. Пророческий дух о. Николая как апостола и пастыря вознес его выше врагов и завистников, которые, по правде говоря, были у него до конца жизни, да и сейчас есть. Он сам всегда охотно и легко прощал.

В апреле 1915 года сербское правительство направило Николая в Америку и Англию (где он оставался до апреля 1919 года) с целью отстаивать национальные интересы Сербии и идеи объединения южных славян. Со свойственными ему мудростью и красноречием, используя свое знание языков и популярность, о. Николай (Велимирович) показал западным союзникам голгофу Сербии, говоря как о недостатках сербской нации, которые австро-венгерская пропаганда сильно преувеличивала, так и о благородстве сербской души, о чем противник умалчивал. И в Америке, а затем и в Англии о. Николай читал бесчисленные лекции в университетах, храмах и в других местах, борясь таким образом за спасение и объединение сербов и южно-славянских народов, согласно программе Югославянского комитета. Уже в августе 1915 года на многолюдном собрании в Чикаго он склонил на свою сторону множество мирян и духовенства, причем, не только православного, но и католиков, и униатов, и протестантов, которые тогда ясно выразили свое желание освобождения от гнета

Австро-Венгрии и объединения с Сербией.

Тогда из Америки на Солунский фронт отправилось большое число добровольцев, поэтому один из английских военачальников не без оснований высказался, что «отец Николай был третьей армией», отстаивающей интересы Сербии и идеи югославянства, ибо его вклад был действительно тогда велик. Михайло Пупин сказал тогда: «То, что в средние века сделал для Сербии за границей святитель Савва, в эти дни сделал для Сербии Николай

В 1919 году

у англосаксов». О. Николай в то время высказывал идею объединения всех христианских Церквей и особенно сблизился с Англиканской и Епископальной церквями. Кроме того, он тогда деятельно поддерживал группу наших студентов в Оксфорде, где одно время преподавал.

После окончания Первой мировой войны, когда он еще был в Англии, в марте 1919 года его избрали епископом Жичским. Вскоре, в конце 1920 года, он был переведен в Охридскую епархию. Он очень много сделал и для объединения разных церковных единиц на территории вновь созданной державы (от которой часто не получал ни понимания, ни поддержки).

В последующие годы уже как епископ он часто бывал за границей, исполняя церковные и правительственные мис-

сии. Был в Америке (где с осени 1921 года был администратором вновь созданной Американско-Канадской епархии и был инициатором строительства монастыря Святителя Саввы в Либертивилле), затем в Афинах, Царьграде и на Святой Горе, потом опять в Америке и Англии, и всюду трудился весьма плодотворно, о чем свидетельствуют и бесчисленные документы и многочисленные свидетели. Владыка Николай принимал участие и в мирных конференциях, и в экуменистических церковных встречах, и в конференциях Всемирной организации христианской молодежи, и во Все-православных консультациях (как, например, в монастыре Ватопед в 1930 году).

Однако особо следует подчеркнуть труды Николая как архипастыря в Охриде и Битоле, а затем в Жиче, куда он был возвращен в 1934 году по желанию Архиерейского Собора и народа. Как епископ Охридский и Жичский Николай со всей полнотой трудился на благо Церкви и народа, не оставляя при этом своей богословско-литературной деятельности.

Особенное влияние оказывал на Владыку Николая древний Охрид, колыбель славянской письменности и культуры на Балканах — этот «священный город со своим великим плодотворным прошлым и довольно ограниченным настоящим», как говорил о нем сам Владыка. Со времен юности у него остались добрые воспоминания о православной России с ее святынями и святыми подвижниками. Теперь те впечатления продолжил и пополнил набожный Охрид и соседняя Святая Гора, которую христоробивый Владыка регулярно посещал каждое лето. Святая Гора и труды Святых Отцов, которые в то время епископ Николай особенно много читал и изучал, оказали на него неизгладимое впечатление, последнее и окончательное. Можно с полным правом утверждать, что именно здесь, в Охриде и на Святой Горе, в нём произошла глубокая внутренняя перемена, истинное преображение,

которое с тех пор стало очевидным и непосредственно было замечено простыми набожными людьми.

Это внутреннее духовное перерождение отразилось и внешне на всем: на его манере говорить, на поведении, даже на одежде. Прежде молодой иеромонах доктор Николай Велимирович старался произвести впечатление на окружающих, привлечь и увлечь. Облаченный в прекрасную мантию, отлично выглядевший, с прекрасными манерами, красноречивый оратор — таким был Николай в «доохридский» период. Такого Николая находим мы в *Словах о Всечеловеке*, на редкость умной и глубокой книге в духе сербских богословов новой волны, однако в основном отвлеченно философской и все еще недостаточно духовной и православной, какими стали его книги «охридского» периода и далее (*Омилии, Охридский пролог, Миссионерские письма*). Здесь начинается и продолжается весь его архиерейский и духовный труд с православным народом, богомольцами и монашеством.

В этот второй период своей жизни Владыка Николай сбрасывает с себя и со своего народа все чуждое и поверхностно западное. Его целиком захватывают и овладевают им теплые потоки Православия, его воодушевляет и пленяет прекрасный и спасоносный лик Христа, как и труды святого Саввы для народа и церкви. Мирская слава для него становится ничтожной, людские похвалы противны, подчеркнута витиеватые литературные обороты кажутся ему празднословием, а светское мудрование — духовным убожеством и духовной нищетой. Это не значит, что Владыка «опростился», наоборот, он возрос духовно и стал прост, открыт и доступен. Для него слова Христа *ѿзъ ѣтъ пѣть и ѿстина и живѣтъ* (Ин. 14: 6) стали всё и вся. Он отрекся от всего и повернулся к Христу и своему богожаждущему православному народу. В нем происходит настоящий внутренний переворот, преображение и запечатляется начаток святого жития. Христос для

него – живой Бог, Который его самого и души вокруг него глубинно перерождает. Николай-гений становится Николаем-святителем.

Именно это людей к нему привлекало, вокруг него собирало и держало. К сожалению, и в то время Владыку не оставляли в покое враги, интриганы и клеветники. Но он и тогда, как и позднее, все это преодолевал своей открытой и ясной жизнью и трудами пред ликом Божиим и лицом своего народа.

Может быть, не случись этого охридского и жичского перелома, Николай остался бы лишь великим гением-одиночкой нашего народа, словно сосна в горах, без преемников и соперников. Но тогда он не был бы всенародный Деда Владыка, Святой Деда – Новый Сербский Златоуст. Златоуст не только по слову и проповедничеству, но и по трудам, по пастырству, по апостольскому и мученическому свидетельству Христа ради. Владыка Николай, как некогда Святитель Савва, незаметно стал светлой и святой совестью всего Сербского народа, для своего поколения, и для будущих поколений, ибо верующие сербы несомненно поняли и приняли Владыку как своего духовного вождя, как Божиего пророка и святого, и никто его из верующей народной души и сердца народного не вытеснит и не вытравит. А что касается старых и новых нападок на него, он сам однажды показал, как к этому надо относиться. После тяжкого болезненного удара, нанесенного ему со стороны одного епископа, Владыку Николая в Жиче посетил корреспондент газеты *Политика* и попросил его сказать что-нибудь по этому поводу. «Епископ Николай долго глядел на меня, не произнося ни слова. И этот его взгляд, и это молчание были для меня более ясным ответом, чем любое слово» (*Политика* № 11344 от 29.12.1939).

В этот период Владыка Николай написал много капитальных трудов, которые следовало бы рассмотреть гораздо подробнее. Нужно было бы отметить и другие, не менее важ-

ные пастырские, благотворительные и общенародные труды Владыки Охридского и Жичского, такие, как его работа с нашим набожным народом, особенно с богомольцами, движение которых он возглавил; его деятельность по обновлению многих разрушенных, брошенных или полупустых монастырей в Охридско-Битольской и Жичской епархиях, обновление и устройство кладбищ, памятников, колодцев и других объектов, построенных на добровольные пожертвования его самого и верующих. Особенно следует отметить его работу с детьми-сиротами.

Им был основан в Битоле детский дом для сирот и детей из бедных семей без различия наций и религий – знаменитый *Богдай* Деды Владыки, которым успешно руководила социальный работник Нада Аджич, впоследствии мать Анна, игуменья монастыря Врачевшницы. Широко известна песня детей из Богдая, которую написал для них Владыка. Подобные детские дома Владыка Николай открыл и в Кралеве, Чачке, Горнем Милановце и Крагуевце. Перед Второй мировой войной там нашли приют около 600 сирот и бедных детей.

Епископ Николай был великим обновителем церковной жизни по Евангельским законам, литур-

гической и монашеской жизни, подвижничества и благотворительности, в соответствии с живым православным преданием. Для Владыки Николая, по его собственному признанию, Евангелие было двигателем и мерилем всего; «ключом к пониманию всех времен и судеб, как отдельной личности, так и народа».

Находясь во главе Охридской и Жичской епархий, Владыка Николай вел многостороннюю всеправославную и межцерковную деятельность. Так в 1930 году он участвовал в конференции Православных Церквей в монастыре Ватопед. Кроме того, много сделал для обновления общежительного устава монастыря Хиландар. Часто присутствовал на сборах молодежных христианских организаций и на международных экуменистических встречах (не допуская при этом никаких отступлений от православной веры). Он всегда настаивал на поддержании добрососедских отношений с православными братьями болгарами и греками, а также хороших межхристианских и межрелигиозных отношений в предвоенной Югославии.

К сожалению, из-за антиправославной и антисербской политики правительства Стоядиновича в Югославии 30-х годов Николай вынужден был вмешаться и в так называемую «борьбу против конкордата», навязанного верующему народу и Сербской Православной Церкви тогдашним правительством. Победа в этой борьбе во многом была заслугой Владыки Николая, что получило широкий отклик в массах верующих.

Владыка Николай вместе с Патриархом Гавриилом внес свой вклад и в отмену антинародного пакта о сотрудничестве с Германией правительства Цветковича-Мачека 27 марта 1941 года, за что снискал еще большую любовь народа и ненависть немецких оккупантов. По словам немецкого генерала Лера, в 1941 Гитлер лично распорядился схватить епископа Николая и Патриарха Гавриила.

Сербский народ всегда внимательно и с любовью следил за деятельностью Владыки Николая, за каждым его написанным или сказанным словом. Его книги читали и переписывали, пересказывали и всегда помнили. И сегодня в народе ходит множество изречений Николая, множество поучительных слов и рассказов о нем. Как говорил отец Рафаил из Овчара, «всякое его слово как для Псалтири было». Богатство в Боге — вот что пленяло душу сербов во Владыке. Именно поэтому он смог оказать на наш народ такое грандиозное, поистине евангельское влияние, которое помогло и Сербской Церкви и народу выдержать тяжкие времена страданий, обрушившихся одно за другим: сначала немецкая оккупация, затем уничтожение сербов фашиствующими хорватами-ушастами и, наконец, безбожный коммунистический террор.

Значение личности Владыки Николая особенно возросло после Второй мировой войны, велико сейчас, но, вероятно, и далее всё будет возрастать. То, что коммунисты безсовестно нападали и клеветали на него, как и сегодня некоторые в Белграде — посткоммунистические неоккоммунисты и европейские лакеи постмодернисты и мондиалисты — нападают, это всего лишь неизбежная грязь, которой ничтожные людишки всегда пытались очернить святые и светлые лики Божиих людей, каким был и остается Николай — новый Апостол сербский после Святителя Саввы.

Многостороннюю плодотворную деятельность Владыки Николая на благо сербского народа и его Свято-Савской Церкви прервал пожар Второй мировой войны, который среди первых захватил и наше Отечество, чему многие из нас живые свидетели, бывшие тогда детьми. Капитуляция старой Югославии застала Владыку Николая в монастыре Жиче. С первых дней оккупации Владыка, как и его святая Жича, делил тяжкую судьбу своего народа, раздираемого на части и немилосердно уничтожаемого.

12 июля 1941 года немцы схватили Владыку Николая и заключили в монастыре Любостыне, а затем перевели на более строгий режим в монастырь Войловицу, где он был заточен вместе в Патриархом Сербским Гавриилом (Дожичем). В условиях заточения Владыка Николай страдал более душой, нежели телесно, проводя дни и ночи в слезах и молитвах Богу о спасении своего народа и всего рода людского. Из тех дней до нас дошли *Молебный канон и молитва Пресвятой Богородице Войловицкой*, а также позднее, в январе 1945 года написанные на обложке Евангелия в сербской церкви в Вене знаменитые *Три молитвы под сенью немецких штыков*.

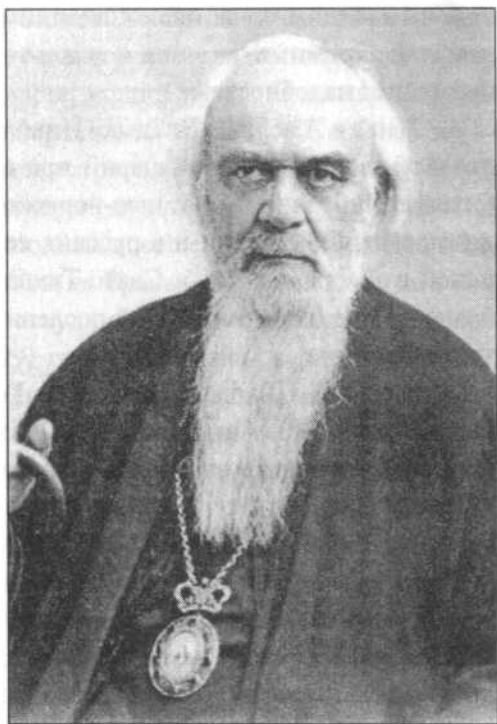
В сентябре 1944 года Владыку Николая и Патриарха Гавриила немцы перевели в зловеще знаменитый концлагерь Дахау, где они оставались почти до конца войны. Там им пришлось пережить все ужасы этого ада на земле, а о их страданиях и мучениях, о хроническом нарушении здоровья свидетельствуют многие очевидцы, да и сами они в своих воспоминаниях, как письменных, так и устных. Сохранился рассказ, записанный одной образованной верующей женщиной Милицей Зёрновой, о явлении Бога Владыке Николаю в Дахау.

В конце января 1945 года обоих иерархов перевезли в Вену, чтобы заставить участвовать в каких-то немецких планах, однако они отказались. Потом под конвоем немцев они посетили лагерь сербов-беженцев и военные соединения сербов в Словении и Италии. Окончательно они оба были освобождены только 8 мая 1945 года частями союзнической 36 американской дивизии. Некоторое время после этого они блуждали по Западной Европе, а затем Патриарх вернулся в Сербию, к кормилу Сербской Православной Церкви, а Владыка отправился по белу свету тяжким тернистым путем эмигранта. В сердце и душе своей носил он горячую любовь к своему народу и Отечеству, терзаемый жестокой ностальгией и желанием умереть и быть похороненным на своей родине.

Совершенно разбитый душевной и телесной болью, Николай в 1946 году прибыл в Америку, где с тех пор стал чаще болеть и нередко жаловался на боли в ногах и спине, которые были последствием лагерных мучений.

И все-таки, и в Америке Николай нашел в себе силы для миссионерской и церковной деятельности, и он колесил по просторам Америки и Канады,

поддерживая ослабевших, примиряя поссорившихся и научая евангельской вере и жизни многие души, ищущие Бога. Все православные и другие христиане в Америке высоко ценили его миссионерскую деятельность, поэтому его с полным правом называют Апостолом и Миссионером Нового Света, как сказал о. Александр Шмеман и как он изображен на иконе и фреске *Собора Святых Северной Америки*. Николай и в Америке продолжил свою литературную и богословскую деятельность и писал не только на сербском, но и на английском языке. Там он написал такие известные произведения, как *Кассиана, Земля недостижимая, Жатвы Господни, Соборы* и последнюю, незавершенную книгу *Единственный Человеколюбец*. Стараясь как можно больше

помочь и нашим монастырям, и нашим людям на родине, он посылал скромные посылки и пожертвования, особенно для церковных надобностей.

Живя в Америке, Владыка Николай не переставал преподавать в сербской семинарии при монастыре Святителя Саввы в Либертивилле, в нью-йоркской русской Свято-Владимировской академии и в русских семинариях Свято-Троицкой в Джорданвилле и Свято-Тихоновской в Южном Хаанае в Пенсильвании. В этой последней он и окончил свою земную жизнь.

Владыка Николай отошёл ко Господу рано утром в воскресенье 5(18) марта 1956 года. Он поднялся с постели и с молитвой готовился отслужить Божественную Литургию, и так, на молитве, и скончался, перейдя из земной в Небесную Церковь, чтобы служить там Богу вечную Небесную Литургию. Из монастыря Святителя Тихона был затем перенесен в монастырь Святителя Саввы Сербского в Либертивилле и похоронен рядом с алтарем, на южной стороне церкви 27 марта в присутствии великого множества православных сербов и других верующих со всей Америки.

На родине в ответ на весть о смерти Деды Владыки звонили колокола по многим церквям и монастырям, служились панихиды и сорокоусты. Стоит вспомнить здесь и о ясно выраженной воле Владыки Николая: перенести в родные края и похоронить там, «где впервые букварь в руки взял», то есть в его любимом селе Леличе.

О Владыке Николае как Святителе первым в сербском народе открыто начал говорить отец Иустин (Попович) еще в 1962 году, в частности, на ежегодных парастасах в его церкви-задужбине в Леличе. Кроме того, русский святитель Иоанн (Максимович) назвал Владыку Николая еще в 1958 году «великим святым и Златоустом наших дней, вселенским учителем Православия».

По просьбе верующих Шабачко-Валевской епархии и по запросу к американским властям владыкиного племянника Тиосава Велимировича, мощи Святого Владыки Николая 3 мая 1991 года были перенесены из США в Сербию, где их на аэродроме в Белграде встретил Патриарх Сербский Павел и многочисленные архиереи, духовенство, монашество и народ. Еще более многолюдные посещения святых мощей были в храме Святителя Саввы на Врачаре 3—5 мая, а затем в святой Жиче 5—12 мая, откуда они были перенесены в родное село Лелич 12 мая 1991 года и положены в построенной им церкви, посвященной его небесному защитнику — Святителю Николаю Мирликийскому, где честные мощи Святого Владыки Николая (Велимировича) и сегодня почивают в ковчеге у правого клироса.

2003

Перевела Наталья Феофанова

МОНАСТЫРЬ САВВИНА

Мужская обитель Саввина является одним из старейших сербских монастырей, первый храм здесь был воздвигнут в 1030 г. Она расположена на берегу красивейшей Боко-Которской бухты возле города Герцег-Нови в Черногории. Свое название монастырь получил по имени святителя Саввы, первого архиепископа Сербского, который в начале XIII века построил здесь небольшую церковь.

Сейчас монастырский комплекс включает в себя три храма, келейный корпус и два кладбища. Малая Успенская церковь построена в 1030, обновлена в 1831 г. В ней имеются фрески XVI века. Приходская церковь святителя Саввы на верхнем Святосаввском кладбище по преданию воздвигнута в XIII веке самим святителем; в XV веке проводилась реконструкция храма. Большая Успенская церковь построена в 1777—1799 гг. под руководством архитектора Николы Форетича и протомастера Георгия с острова Корчула. В 1999 году отмечалось 200 лет со дня освящения Успенского собора. В этом храме находится чудотворная икона Божией Матери Саввинская. Вокруг монастырских храмов также располагаются памятники и захоронения нижнего кладбища. В 1924 году перед воротами обители благодарные потомки перезахоронили в общую братскую могилу останки воинов, павших за свободу и объединение Сербии, и воздвигли на ней памятник героям. Келейный корпус состоит из старого крыла 1725 г. и новейшего второй половины XX века.

В богатой монастырской ризнице хранятся: украшенный позолоченным серебром и рубинами хрустальный крест святи-

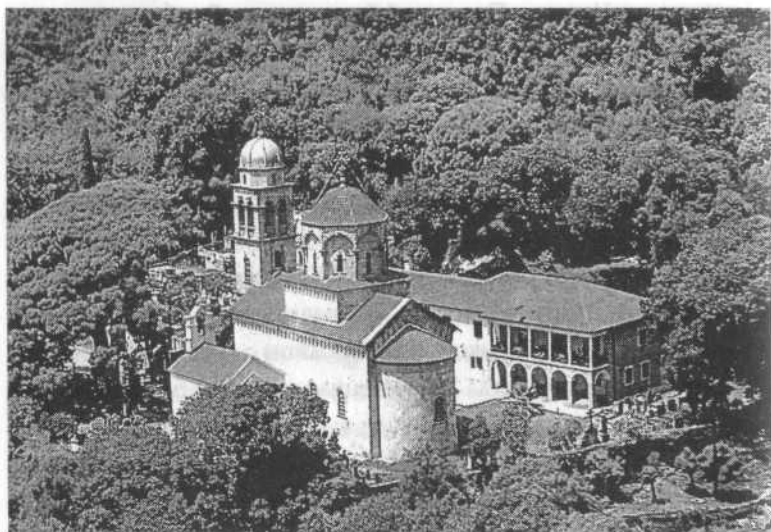
теля Саввы XIII в., серебряный литиарий XVII в., большая икона Николая Чудотворца XVIII в. и многие другие церковные ценности, в том числе из сокровищниц монастырей Милешева (Сербия) и Тардош (Герцеговина). В монастырской библиотеке, насчитывающей свыше 5 000 книг, около 50 рукописных, среди которых Евангелие 1375 года, Октоих-пятигласник 1509 года, знаменитая Саввинская Кормчая XVI века. Здесь хранится также отпечатанный в России в 1692 году церковно-славянский Букварь, по которому в 1820-х годах у иеромонаха Иосифа Троповича обучался грамоте будущий величайший сербский поэт и мыслитель митрополит Черногорский Петр II Негош.

Главной святыней монастыря является чудотворная икона Божией Матери Саввинская, празднование которой совершается 28 августа, на Успение Пресвятой Богородицы. Особенно прославилась икона в конце XVIII века в связи с историей строительства Успенского собора. Венецианцы, владевшие в то время Которской бухтой, всеми способами боролись с Православием. Когда строительство собора подходило к концу, венецианские власти послали два корабля с приказом разрушить новый храм до основания огнём корабельных пушек. Узнав об этом, савинский архимандрит Махарий (Дабович) разослал по всей Которской бухте призыв к православным спасти монастырь. Собравшиеся из окрестных мест миряне молились перед иконой Богородицы о спасении народной святыни. В то время, когда два венецианских корабля под командой капитана Германа приблизились к монастырю, небо внезапно нахмурилось, загредел гром, заблестали молнии, одна из которых ударила прямо в пороховую камеру передового корабля. Судно взорвалось, и никто из его команды не спасся.

Монастырь имеет давние связи с Россией, в которую саввинские монахи часто ездили за помощью. В 1806—1807 годах, когда черногорцы с помощью эскадры адмирала Д. Н. Сенявина освобождали Далмацию от наполеоновских войск, на кладбище Саввиной хоронили погибших русских моряков и солдат. Позже

здесь нашли последний приют русские эмигранты. До сегодняшнего дня сохранилась могила донского казака станицы Вёшенской Александра Бокова, умершего в 1953 году.

В 1903—1904 гг. в монастыре часто бывал святитель Николай (Велимирович), бывший в то время учителем Закона Божьего в г. Герцег-Нови. Вскоре после своего отъезда из Боки Которской, он опубликовал свою первую книгу *Мои воспоминания из Боки*. В ней он посвятил Савиной обители такие строки: “Вся Бока прекрасна, каждый её уголок удивителен, но одно место красивейшее, один приют святейший, на одном небольшом месте поместил Творец вселенной все красоты природы. Это место, этот малый Эдем — монастырь Саввина”.

Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович)

В МОНАСТЫРЕ САВВИНЕ

(отрывки из книги

Мои воспоминания о Которском заливе)

... Весь Которский залив прекрасен, любой уголок его — диво дивное, но все же одно место — самое прекрасное, все-таки одно прибежище — самое святое. Там на крохотном кусочке земли сосредоточил Творец мира все красоты природы. Это место, этот малый Эдем — монастырь Саввина.

Один турецкий паша, разрушая и поджигая сербские села, вошел и в монастырь Столпы Георгия. Вошел и воскликнул, ужаснувшись: «Здесь, поистине, Сам Бог!» Невольно и я повторил эти слова, войдя под своды этого сербского святилища. Если где-то на нашей грешной земле есть место, достойное принять Бога, то это поистине эта святая обитель.

Здесь человек не знает, на чем остановить взгляд и чему удивляться в первую очередь: то ли роскошным окрестностям, где посредине высоко поднимается купол монастырского храма с золотым крестом, освещенным жарким приморским солнцем, что сияет и блистает, слепя глаза, то ли мастерству зодчих монастыря; роскоши природы вокруг или богатству и благолепию украшений внутри храма; зеленым дубравам, окруженным кедрами и ки-

парисами, или прекрасным садам лимонов и апельсинов в венке из плюща и пестроцветия медоносов; и неизвестно, откуда на все это лучше смотреть: со стороны моря или с лужайки около монастыря, издалека или с близки; днем, когда солнце золотит своими лучами весь этот малый рай земной, или ночью, при свете луны, когда тишина монастырская, легкий шум деревьев вокруг, таинственность природы и величие моря утверждают в мысли, что над этим местом витают серафимы и херувимы, которые спускаются с небес, чтобы в ночной тиши, когда нет любопытствующих людей, насладиться непревзойденными красотами природными и мастерством человеческих рук.

Ни одного дня не прошло у меня без того, чтобы не прийти в это святое место, надышаться его божественным воздухом или остыть в этой чистейшей свежести; полюбоваться горделивыми, но и свободными горами Черногории, этими вечными стражами, которые возносятся над сербским Которским заливом и денно и нощно бдят над ним; и в восхищении от совершенства красоты природы без конца повторять стихи великого поэта Негоша:

*О Всевышний Творец недостижимый,
Твари слабые дела Твои не постигают,
Но лишь восхищаются Тобою!*

... Всегда, когда бы я ни приходил в монастырь, я ощущал приятную теплоту гостеприимства братии, присущую только им. Нигде на свете не встретишь в гостеприимстве столько тепла и искренности, сколько у сербов прекрасного Которского залива. А монастырь Саввина в этом отношении стоит на первом месте не только в Заливе, но и во всех сербских землях. Есть ли такой серб,

который, посетив Приморье ради лечения, отдыха, любознательности или как-либо иначе, не оставил в памяти своей чудесные воспоминания о предупредительности братии монастыря Савина?! Черногорцам и герцеговинцам, которые целыми пароходами отправляются в Америку, последней станцией на сербской земле служит эта святая обитель, где, укрепленные морально и физически, утешенные и наученные, принимают они от отцов монахов благословение и клянутся пред ликом Пресвятой Богородицы, что на далекой чужбине останутся верны своему народу, вере отцов и заветам сербским.

Сотни тех, кого непригодные для обработки земли и неурожайные годы вынуждают спускаться с гор к морю и искать там работы, находят первый приют в монастыре Савине. Нищие и убогие, живущие от милости добрых душ, больше всего любят храм, посвященный Пресвятой Богородице, ибо знают, что там — источник милости, никогда не иссякающий; знают, что, когда повсюду перед ними закрывают двери, здесь их Пресвятая Богоматерь примет под Свое крыло и утрет им слезы тоски-печали; когда везде их встречают ледяные взгляды, здесь всегда найдется добрая душа.

... Я обрадовался, вспомнив, что в тот вечер отец настоятель отговаривал меня возвращаться в Сербию, а предложил задержаться до престола монастырского, до которого осталось две недели. Престольный праздник монастыря Савины — Успение Пресвятой Богородицы. Да и отец Милутин мне уже много рассказал о том редком усердии, с каким готовятся и отмечают Престол в монастыре, и убеждал меня под любым предлогом остаться до этого дня.

Мое решение остаться далось мне легко. Я и сам лишь искал повода, чтобы как можно дольше пробыть в этих дивных местах. Решение остаться еще на две недели весьма меня обрадовало, и я, переполняемый радостными предчувствиями, отправился на отдых, ибо ночь была уже на исходе.

Престольный праздник монастыря Саввины — Успение Пресвятой Богородицы. За неделю до праздника начались приготовления. Однажды, когда церковь внутри мыли и приводили в порядок, из храма во двор вынесли все, что только можно было вынести. Трудно сказать, что имело бóльшую ценность, что тут было драгоценнее: золотые кресты или серебряные лампы, разукрашенные драгоценные паникадила, книги в искусных окладах, подсвечники, хоругви, золотые сосуды и еще многое! Долго стоял я и смотрел на это бесценное богатство, которое набожные жители Приморья добровольно пожертвовали храму Пресвятой Матери Божией.

Внезапно меня окликнул настоятель: «Что, юноша, рассматриваешь нашу саввинскую бедность и сравниваешь ее с богатством и велелепием ваших церквей и монастырей в сербской Шумадии?» Эти слова тяжело упали на сердце и вызвали стыд в душе моей, ибо я в тот же миг вспомнил о крайней небрежности и скупости моих земляков по отношению к Церкви. «По правде говоря, — ответил я, — если сравнивать по нашим возможностям, то мы в центральной Сербии должны были бы иметь более богатые и благолепные храмы, чем где-либо в других краях, населенных сербами. К сожалению, это не так. Мои земляки ни в чем так не скромны, как в отношении к святой вере отцов, в части украшения храмов и щедрости.

В этом они — просто воплощение исключительной евангельской скромности».

Около храма суетились несколько местных жителей, устанавливая в дубраве фонари, окрашенные в три цвета сербского флага. По монастырской ограде развесили тьму лампочек. На зеленой лужайке перед монастырской оградой поставили множество шатров для продажи еды, напитков и всяческих мелочей. Из келий братского корпуса тоже было все вынесено, ибо и монахи все мыли и убрали.

Я поскорее ушел из монастыря, в котором теперь преобладали спешка и гомон, что опять-таки было непривычно для этого мирного и тихого приюта святыни. Про себя я воображал великолепие грядущего торжества, ради которого вершились такие приготовления.

Все разговоры в обществе тотчас сводились к наступающему празднику в монастыре. Рассказывали, как проходил праздник раньше, в прежние годы, вспоминали о торжественности службы, о музыке, о народных танцах, столкновениях с полицией, о встрече гостей из Дубровника — словом, обо всем, что осталось в памяти народной. Все готовили к этому дню самые красивые наряды, все радовались искренней детской радостью.

...Наконец, наступил канун праздника Успения. Казалось, что будет перемена погоды. По небу понеслись облака, и ужасно парило. Прошло уже почти два месяца, но ни один дождь не оросил землю. Земли здесь каменистые, и засуха совершенно убийственна для этого края. Солнце, так нежно и приятно греющее жителей Приморья зимой, когда миллионы за их спинами мерзнут, иногда начинает своевольничать и перечить тем же самым

своим любимцам и излишней щедростью своей наносит им вред. Те крохотные посевы, что прилежный житель Приморья пестует на землях, с муками отвоеванных у своего извечного врага, камня, жгучие июльские лучи немилосердно сжигают и уничтожают. Но и тогда люди Приморья не падают духом. Когда грозят или наступают неурожайные годы, они обращаются к своему верному другу, морю, и оно их всегда поддерживает и кормит.

Несмотря на то, что засуха этого года вызывала невеселые мысли у жителей приморья, несмотря на то, что все с нетерпением ждали дождя, все же клубящиеся облака и надвигающийся дождь в канун праздника были некстати, ибо никто не желал, чтобы что-то, хотя бы и очень полезное и необходимое, помешало бы завтрашним торжествам в монастыре.

Приготовления к празднику в монастыре завершились. Продавцы яств и напитков в несколько рядов поставили свои деревянные павильоны и полотняные шатры, поэтому издалека казалось, что вокруг монастыря разбит военный лагерь.

Я сам уже несколько раз приходил в монастырь, сколько из любопытства, чтобы посмотреть, есть ли что новое в украшении, столько же и из желания скрыться в прохладе монастырского сада от немилосердной духоты, овладевшей округой; а более всего мне хотелось провести время, которое в тот день тянулось необычайно медленно.

Наконец послышался колокольный звон, призывая к вечерней службе. Как по команде из всех домов повалили люди, которые были уже давно готовы, но лишь ждали звона колокола. Я стоял на берегу и вглядывался в

какой-то баркас. Веселый смех рыбаков и радостные возгласы говорили, что ловля была успешной. Они подходили к берегу, и мне хотелось убедиться в этом их успехе. Но когда я услышал перезвон колоколов, тотчас пристроился к многочисленной группе знакомых, которые устремились к монастырю. Когда мы подошли, народу было уже полно. Под сводами храма уже пели благозвучные стихиры вечерни, полные глубокого духовного содержания. На клиросе пели настоятель монастыря и семинаристы из Задра. Преосвященный всегда сам принимает участие в ектениях на службе; при этом он целиком погружен в молитву, полностью отдаваясь чину богослужения. Он обычно стоит всю службу и лишь изредка опускается на свой престол. При его глубокой старости это лишь знак ревности в вере и огромной выдержки.

Около дальних столбов стояли, опустив головы и выражая величайшее благоговение и набожность, люди в богатых национальных одеждах. Это были жители Герцеговины из Крушева, близкие соседи когда-то существовавшего там монастыря Тврдош, который был razорен во время войны венецианцев с турками в конце семнадцатого века. Тогдашний митрополит Саватий с горсткой молодых монахов, собрав все, что в монастыре было ценного, бежали к морю и остановились в Саввине, в окрестностях Герцег-Нового. Они стали служить в маленькой церкви, что сейчас стоит рядом с монастырем, который был основан позднее. Еще в те времена народ из окрестностей Тврдоша приходил по большим праздникам в монастырь Саввину, но впоследствии, когда неподалеку от razоренного Тврдоша возник монастырь Дужи, народ сохранил заветный обычай приходить в Саввину на мо-

настырский престольный праздник — на Успение Пресвятой Богородицы.

Как прекрасны эти славные сыны Герцеговины! На лицах их можно прочесть выражение тихого счастья и блаженства, как у ягненка, которого гнали и преследовали волки, и вот он, усталый и измученный, обрел мир и покой в родной отаре среди своих близких.

Около них стоят сербы из Котора, торжественные и полные собственного достоинства, какими их и сотворил Господь Бог. С нежностью поглядывают они время от времени на своих гостей из Герцеговины. Всю правую сторону от входа до престола владыки занимают женщины. Без кокетливости, которая, вообще говоря, присуща женщинам и в церкви, без притворства и лицемерия, смиренно стоят они, как воплощение истинной набожности. И думается мне: ничто на земле не может влить в душу человеческую столько святого почитания и уважения, сколько вид набожной женщины, которая молится Богу. Нет такой добродетели, которая так бы приличествовала женщине, как набожность.

Погруженный в размышления о судьбе присутствующих, я и не заметил, как вечерняя служба подошла к концу. Только завершающие слова песнопения, больше слышимые с правого клироса, вывели меня из глубокой задумчивости. Преосвященный вынужден был задержаться еще надолго, покауда верующие вереницей подходили к нему под благословение, прикладываясь к его деснице.

После вечерни, как обычно бывает после любого торжественного богослужения в монастыре, многие из гостей, самые видные и уважаемые, свернули в монастыр-

скую трапезную. Тут, как всегда, пошли разговоры, долгие и обстоятельные, обо всем на свете. Сколько бы раз я ни посещал монастырские службы, всегда меня влекла жажда послушать рассуждения этих благородных людей. Их разговоры о школе, церкви, политике, экономике, о народностях и других предметах, которые велись со знанием дела, беспристрастно, без личных обид, без самовосхваления, но с уважением любого мнения и с обоснованным развенчанием ошибочных взглядов, характеризуют их как людей прекрасно воспитанных, культурных и благородных. Я присутствовал на многих дискуссиях и здесь, и в сербской библиотеке в Герцег-Новом, и в кафе, и в частных домах, но всюду я еще больше убеждался в этой истине, всюду эти люди демонстрировали все отличительные черты образованности и воспитания.

Разумеется, на этих посиделках в монастыре всегда удивительно проявлялось гостеприимство братьев монахов. На стол выносились самые лучшие приморские деликатесы: апельсины, лимоны, виноград, вино, мараскин и прочее. И хотя жители Приморья менее всего лакомы до еды и питья, все-таки каждый монах спешил подать гостям как можно больше самых разнообразных блюд.

Уставший Владыка попрощался со всеми и ушел почивать. Распрощались и ушли господа из Герцег-Нового. Я оставался до тех пор, пока герцеговинцы, сморенные сном, не улеглись под смоквами и маслинами, чтобы под покровом Пресвятой Богородицы найти покой для тела и души. Потом и я простился с монахами и тронулся в сторону своей деревушки Мелины, чтобы в тишине и покое, которые еще более подчеркивало неподвижное, неслышное море, обдумать дневные впечатления.

Забрезжил дивный рассвет. Первые лучи солнца показались из-за окружавших Залив гор и упали в море, которое переливалось растопленным серебром. Все красоты Приморья могут стать обычными, но красота моря всегда нова и всегда влечет к себе. Вот уже второй месяц на исходе, как я живу здесь, на море, но каждое утро будто вижу его впервые в жизни! Оно вызывает восторг. Его блестящая и гладкая поверхность манит к себе. С трудом отрываюсь от окна, через которое смотрел на море, покидаю дом и иду на берег, где ждет меня небольшая лодка, взятая напрокат. Сажусь в нее и отталкиваюсь подальше от берега. Я привык уже выходить в море каждое утро, пока мои соседи по дому еще спят.

Дивно наблюдать, как весла рассекают жидкую гладь моря! Но еще чудеснее перегнуться через борт и взглянуться в глубины морские, рассмотреть животных и растения в недрах этого колосса! Как богат мир моря по сравнению с каменистым безжизненным берегом, окаймляющим его!

А вот и Саввина! Посреди горы, поросшей кипарисами и маслинами, словно лебедь, белеет монастырь. Но сегодня он в праздничном убранстве: весь украшен сербскими флагами. Не один, два, пять, десять, как это обычно бывает у нас по такому поводу; нет, буквально весь монастырь завешан красно-сине-белыми знаменами, которые невозможно сосчитать. На колокольне, под крышей, около водостока, на ограде, на воротах, на деревьях, одним словом, везде, где только можно было, там был повешен, прикреплен, прицеплен, прибит, втиснут и повешен трехцветный флаг. И это не детская забава, но вполне серьезное выражение патриотизма, присущего именно

сербам Приморья. У них не только каждый толчок сердца пронизан сербским духом, нет, они идут так далеко, что и в мелочах, и во второстепенных вещах стараются подчеркнуть принадлежность к сербскому роду. Так, они тратят много сил на то, чтобы в быту все было строго по сербскому обычаю, чтобы даже кухонная мебель была выдержана в национальном духе. Ковры, покрывала, скатерти, подносы, чашки, рюмки, броши, трубки, пуговицы — все это или с ликом народного героя: князя, воеводы, поэта, вождя, или трех цветов сербского флага. А если соберутся сербы Приморья и будут в добром и веселом расположении духа, то запоют они скорее не лирическую нежную песню, но патриотическую. Для них музыка гораздо милее, когда звучит народная мелодия; театр — когда идут сербские драмы и комедии. При этом их нельзя обвинить в шовинизме. Нельзя сказать, что этим они утверждают исключительность сербского народа среди других народов Приморья, как это делают хорватские шовинисты. Нет, так у сербов лишь проявляется недремлющее и сильно развитое национальное сознание, с которым их пестуют и воспитывают от младых ногтей, которое не делает человека ограниченным и недалеким, но напротив, усиливает все духовные способности и облагораживает и возвышает душу человека.

Поэтому не стоит удивляться, что монастырь был так украшен трехцветными флагами. Монастырь Саввина — духовный центр сербского народа Которского залива, да к тому же Успение Богородицы бывает единственный раз в году. А если в изобилии национальных флагов и видится немного тщеславия и упрямства, то это ничего не значит!

Солнце уже поднялось высоко, и жара стала одолевать, когда я подвел свою лодку к берегу, привязал и вместе с моими друзьями, которые уже встали, направился в монастырь к утрени. Герцеговинцы из Крушева давно уже были в храме, еще до звона, приложились ко всем иконам подряд, отошли в конец храма и начали свою неслышную молитву. Народу было полно.

... Народу собралось так много, что мы с трудом смогли протиснуться через ворота в монастырский двор. Над воротами красовался плакат, на котором было крупно написано:

Православные! Смиренно приступайте, с верой помолитесь, со страхом поклонитесь — и найдете помощь и утешение.

Я попытался было войти в храм, но напрасно. Наконец, с превеликим трудом все-таки втиснулся и пробрался к левым хорам. Преосвященный владыка Герасим в богато расшитом облачении служил в сослужении множества священников. На клиросе пели сербские православные семинаристы из Задра. На них было приятно смотреть. Одеты в черные длиннополье облачения, они стояли смиренно и хором вторили службе. Народ стоял, тесно сбившись в единую массу. Если кто-то в середине чуть перемещался, движение волнами передавалось всему множеству верующих.

Мое любопытство заставило меня подняться на ступеньку лестницы, ведущей на хоры, так что я все видел. Сквозь открытые двери видно было, что на монастырском дворе яблоку было некуда упасть, а народ все прибывал и толпился на паперти. Меня удивила чуткая тишина, царящая как снаружи, так и внутри храма, так что те, кто не поместился в храме, ясно слышали все песнопения

и возгласы и могли осенять себя крестом одновременно с нами, что стояли внутри церкви. И те, что были вне храма, и даже те, что стояли в воротах, как и верующие в самом храме, совершенно одинаково своей сосредоточенностью, раскаянием и частыми поклонами выражали глубочайшую веру.

После службы мы прошлись по верхней дороге, что идет через дубраву, откуда вся лужайка перед монастырем видна, как на ладони. Необозримая толпа народа казалась отсюда пестрейшей мозаикой. Чистые краски национальных одежд переливались на ярком солнце, а богатые украшения из серебра: бляхи, пуговицы, пряжки, блеском своим слепили глаза. Наши приморцы — красивейший народ! Любо-дорого смотреть на них — рослых, статных, полных собственного достоинства, да еще одетых в богато украшенные старинные сербские одежды! На ногах, обутых в белые гетры или сапоги, голубые суконные штаны; на плечах зеленый расшитый золотом кафтан, под ним также расшитый красный жилет, украшенный серебряными накладками; да еще широкий шелковый кушак, за которым некогда блестел кинжал да пара длиннотвольных пистолетов; голову венчает черная шапочка с сербским гербом. Глядя на рослых, богато одетых людей я воображал себе, что нахожусь при дворе какого-нибудь сербского князя времен славы и мощи нашей державы. Мне хотелось подольше плыть на волнах мечты, уносясь в прошлое и представляя себе царя в Призрене, патриарха в Печи и королевича Марко в Прилепе, но австрийский флаг на воротах монастыря, выбритые папские священники, многочисленные жандармы в металлических шлемах, крепости на склонах гор и военные

корабли на рейде напомнили мне о совершенно другом настоящем, о печальной реальности. У меня заняло сердце, когда я подумал, что этот славный, добрый и благородный народ, которого Господь богато одарил всеми добродетелями, не имеет самого главного блага на этом свете — не имеет свободы.

.... После вечерни был крестный ход. Владыка с крестом в руке, множество священников и семинаристов пошли вперед, распевая тропарь Успению, а за ними тронулась длинная процессия мирян. Перед всеми несколько видных горожан несли изукрашенные хоругви. Не участвующие в крестном ходу стояли по сторонам, сняв шапки. Владыка на обе стороны благословлял свою набожную паству. Обойдя три раза храм, процессия двинулась к дубраве за монастырем. И вот посреди дивной дубравы, под прохладной сенью величественных дубов, словно в дивном природном храме, зазвучала похвала Пресвятой Богородице. Непрерывно звонили колокола, и голос их наполнял всю дубраву. Владыка с трудом держался на ногах, ибо выдержать длинную службу, а потом и крестный ход было тяжело для его 84 лет. Бледность, разлившаяся по его лицу, при свете солнца казалась отблеском ореола святости. После молебна крестный ход медленно прошествовал обратно в монастырь.

В небольшой церкви монастыря целый день толпился народ. У аналоя стоял кто-либо из монахов и помазывал святым елеем верующих, которые потом становились в очередь, чтобы приложиться к иконам. Каждый дольше всего задерживался пред ликом Пресвятой Богородицы. Икона эта большая и необычно украшена. Под стеклом так много драгоценностей, что можно видеть лишь лики

Царицы Небесной и Спасителя с нимбами, а все остальное, до самого dna киота, скрыто под множеством украшений. Тут было бесчисленное число крестов, четок, перстней, серег, жемчужных ожерелий, монист, медальонов, браслетов, бриллиантовых булавок, крупных монет, орденов, цепочек, и все это – из драгоценных металлов. Эти дары верующих прихожан

были выражением превеликой благодарности за милости, которые Пресвятая Богородица оказала им, когда они были в каких-то искушениях. Люди стояли и дивились. В богатстве этого образа Богоматери они видели богатство милости Ее.

Пред иконой горит неугасимая лампада. Мягкий зеленоватый свет озаряет святой образ и придает возвышенный, таинственный вид чудесным и милым лицам Матери и Сына. Они – самые главные покровители сербского Залива. Только они отмечают обиды, знают меру страданиям и считают слезы народа, лишённого свободы. Которский залив – это храм Их, а люди Залива – самые верные последователи Их.

1904

Перевела Наталья Феофанова

Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович)

СЛОВО О ВЕЛИКОМ ИМЕНИ

Предисловие переводчика

Известный сербский драматург Бранислав Нушич вел в тридцатые годы в белградском университете курс риторики – науки об ораторском искусстве. В написанном им учебнике Риторика есть большой раздел, посвященный духовной проповеди и церковному красноречию. И в качестве образца для осмысления, изучения и подражания он, наряду с речами виднейших ораторов древности: Цицерона, Демосфена, Иоанна Златоуста, приводит проповедь иеромонаха Николая (Велимировича) Слово о великом Имени.

Как и всякая речь, обращенная к аудитории, проповедь имеет двойную природу. В момент ее произнесения, все время, пока она длится, проповедь – объект ораторского искусства. После завершения, проповедь перестает быть тем, что делает ее особым, устным произведением. Перенесенная на бумагу, она теряет свойственные ей автору внешние черты: тембр голоса, выражение глаз, манеру держаться, жесты и прочее, чем пользуется оратор, чтобы передать слушателям свои мысли и вызвать у них ответные чувства. Перестав быть устным словом, проповедь меняет свою природу, но приобретает новую ценность, новую жизнь – теперь уже как литературное произведение, и продолжает воздействовать на умы.

Живая речь, образность мышления, ясность выражения, убежденность, красота стиля, логика построения – все это вместе взятое делало проповеди Владыки Николая непревзойденными, исключительными, вызывающими горячий отклик в сердцах слушателей. Они никогда не были медью звенящей, кимвалом звучащим (1 Кор 13. 1). Господь в полной мере одарил Владыку Николая даром красноречия. Его вдохновенное слово, сила убеждения, идущая из глубины души, волновали слушателей, никого не оставляя равнодушным.

Сама жизнь давала Владыке Николаю материал для раздумий и обобщений. Он мастерски умел саязывать различные жизненные ситуации с примерами из Священного Писания, толкуя истины, заложенные в Священном Писании, извлекая нравственные уроки и проповедуя Божие учение. Его проповеди, отличавшиеся евангельской простотой и безыскусностью, но наполненные внутренней энергией и правдой слова, несли всем слушателям без исключения – от образованнейшего интеллектуала до малограмотного крестьянина – слово о Христе и Его учении о спасении души, убеждая в необходимости покаяния.

В проповедях Владыки Николая естественным образом сплелись воедино здравая, светлая мысль ученого, поэтическое чувство художника и напряженная воля, нравственный пафос оратора, и этот искрометный сплав увлекал слушателей, трогал их до глубины души и воздействовал на их волю, убеждая и побуждая к добру и отвращая от зла. Владыка Николай умел, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «находить слова, способные произвести угрызения совести».

Проповеди Владыки Николая продолжают жить и волновать наши души со страниц его великого духовного наследия. Его письменное слово, так же как и живая речь, способно воспламенять умы и сердца людей. Недаром на книге его проповедей Беседы под горой, изданной перед Первой мировой войной, сербы Боснии, боровшиеся за освобождение своей Родины от гнета Австро-Венгрии, клялись в верности своему делу, как на Евангелии. Одна из проповедей этой книги — Слово о великом Имени.

Гдѣи гдѣи нашъ, ѿкъ чѣдно ѿма твоѣ по всѣи земли.
(Пс. 8, 10)

Кто возглаголетъ силы гдѣни,
слышаны сотвори́тъ всѣ хвалы ѿгвѣ;
(Пс. 105, 2)

Не возмешъ ѿмени гдѣа бѣа твоегвѣ все:
не ѡтѣитъ во гдѣ прѣемницго ѿма ѿгвѣ все.
(Исх. 20, 7)

Моя одежда, господи, уже сказала вам, какой будет моя проповедь. Одежда моя старого-престарого покроя, стара и проповедь моя. И вся она выражена одним словом. Это общеизвестное слово, знакомое всем, во все исторические времена, во всех концах света, на всех языках, во всех сердцах. Это имя Того, кто превыше нас.

Когда китайцы видят, как из вспаханной земли пробивается и наливаются силой новая, буйная жизнь, они переглядываются меж собою и со страхом и почтением произносят слово *Тао*.

Когда индийцы любят буйством красок и многообразием жизни вокруг себя, когда видят полноводный Ганг и прозрачное небо над ним, они переглядываются и с умилением произносят слово *Брама*.

Когда арабы пересекают ночью со своими караванами безводные пустыни и видят над головой блистающий звездный песок, рассыпанный по бархатному ковру небес, они переглядываются и с воодушевлением произносят слово *Аллах*.

Когда египтяне встречают солнце, каждое утро отражающееся в Ниле, они переглядываются и произносят *Пта*.

Когда греки смотрят на тело человеческое, они изумляются красоте его и, переглянувшись, произносят слово *Зевс*.

Когда древние славяне вглядываются в черные тучи, исчерченные огненными молниями и несущие оглушительные громы, они в страхе произносят слово *Перун*.

Когда мы, христиане, смотрим на все это, когда видим вспаханную плодородную землю, которая начинает покрываться зеленым ковром, когда видим роскошь земного убранства, и звезды над собой в ночи, и солнце после ночи, и тело человеческое во всей красоте его, и молнии в ослепительной жути их, мы переглядываемся и с любовью произносим слово *Бог*.

Вот это одно слово и составляет всю мою проповедь. Краткое слово, но глубокий смысл. Краткое слово, но чарующая мощь. Когда это слово говорят непослушным детям, они начинают слушаться.

Сказанное преступнику, который обогатился злодеянием, слово это наполняет его страхом.

Сказанное праведнику, который страдает из-за своей праведности, слово это наполняет его мужеством.

Сказанное болящему, слово это возвращает ему здоровье.

Сказанное терпящему кораблекрушение в волнах морских, слово это вселяет надежду.

Сказанное родителям у могилы их ребенка, слово это приносит им глубокий вздох облегчения.

Сказанное властителям, объатым заботами о благе своего народа, слово это укрепляет их сердца и просветляет дух.

Сказанное гордым, слово это их смиряет.

Сказанное презираемым и униженным, слово это их возвышает.

Сказанное солдату на войне, слово это изгоняет страх смерти.

Сказанное разочаровавшемся в жизни, слово это становится для него спасительным якорем.

Сказанное преданному другому или обманутому счастьем, слово это спасает его от самоубийства.

Сказанное опечаленным, слово это проясняет их лица.

Сказанное веселящимся, слово это делает их серьезнее.

Это слово мудрых делает еще мудрее, богатых – еще богаче, образованных – еще образованнее, ученых – еще учение, благородных – еще благороднее, сильных – еще сильнее, счастливых – еще счастливее.

Разве это не всесильное слово? Разве есть другие слова на небе или на земле, которые могли бы произвести большее действие?

Произнося это краткое имя, один небольшой пастушеский народ двинулся из Аравии завоевывать мир. Воодушевленный этим именем, он покорил мир от Аравии до Испании, покорил его своей силой и украсил его своим искусством.

Произнося это краткое имя, Колумб двинулся через бескрайние водные просторы искать Америку, в которую никто, кроме него, не верил.

Произнося это краткое имя, великий Ньютон познал великую тайну небесной механики.

С этим именем завершили свою философию самые великие мыслители Платон и Аристотель.

С этим именем шли в бой непобедимые Кромвель, Карл XII и Суворов.

С этим именем брали перо в руки славные Данте и Мильтон, Шиллер и Толстой.

С этим именем брали кисть в руки Рафаэль и Микеланджело, величайшие художники.

С этим именем распространял Христово учение по Азии и Европе апостол Павел.

С этим именем на устах завершил свою жизнь недавно умерший шведский литератор Стринберг.

Это имя произнесли сербские повстанцы сто лет назад, когда поднялись на великое дело освобождения своего народа от турецкого рабства.

Это имя произнесли сегодня утром сотни тысяч граждан нашей страны, которые вышли на свои поля трудить-

ся, как трудились изо дня в день на протяжении всей своей жизни.

Это имя помянули сегодня утром во дворце нашего короля и в бесчисленных других домах, начиная от палат на Теразиях до лачуг на склонах гор Златибора и Капаоника. Его произнесли многие ученые и умные головы, его прошептали многие старцы и юноши, его призвали на помощь многие здоровые и расслабленные, его пролепетали и дети, не знающие еще его значения, и слабоумные, знающие только, как повторять чужие слова.

И так изо дня в день.

Это имя составляет всю мою проповедь.

Я знаю, что многие люди не произносят этого имени. Знаю, что многие и не радуются этому имени. Знаю, что многие это имя поносят и хулят. Это меня не удивляет. Чем некая личность больше, тем больше недругов она имеет. Бог имеет больше врагов, чем любой человек на земле, ибо и величие Божие превышает всякую величину человеческую.

Но разве имя Божие станет меньше оттого, что некоторые не вспоминают его? Разве имя Божие стало бы меньше, если бы его ни один человек на земле не вспоминал? Нет, конечно. Оно было бы точно таким же величественным даже без людей. Даже если бы люди не поминали имя Божие, Бог все же не остался бы в забвении. Его помянули бы многочисленные солнца, и бесчисленные звезды, и таинственные легионы воинства духовного, которых Он сотворил. А если бы все люди на земле ежедневно вспоминали и прославляли имя Божие, слава Божия не стала бы больше, и имя Божие не стало бы слышнее во вселенной. Бог утвердил Свою славу на более крепком основании, чем род людской. Строить славу на людях все равно, что строить на песке. Строить славу на людях все равно, что воздвигать ее на некой пробегающей тени. Кто прославлял Бога до появления человека, и кто будет прославлять Его после? Смотрите, наука утверждает, что земля несколько тысячелетий назад вся была подо льдом, и есть вероятность, что земля опять покроется льдом. Кто же прославлял Бога тогда, когда блестили ледники в тех местах, где сейчас блистают наши храмы во имя Божие? И кто же будет славить Бога тогда, когда наши храмы, и города,

и кладбища с нами вместе будут покрыты ледниками? Или с исчезновением людей на земле исчезнет и слава Божья и сгинет во мраке, под льдом и снегом, подобно тому, как сгниют наши тела?

Нет, господа, слава Божия от нас не зависит, однако наша слава зависит от Бога – и наша слава и наше счастье. Подумайте только, насколько меньше было бы счастья у людей, если бы имя Божие вдруг совсем забылось на земле, и человек не мог бы обратиться к более могущественному, чем он сам? Миллионы тех, кто жизнь

свою всегда связывал с этим именем, почувствовали бы себя тогда как человек, который над бездной держится за ветку, и вдруг та ветка вырывается из рук. Тогда стало бы гораздо меньше милосердия и благородства, меньше радости и улыбок, меньше геройства и воодушевления. Зло тогда вылезло бы из своей бездны и бросило бы свою тень на весь свет. Добро было бы побеждено и брошено во тьму, в бездну. Тогда восторжествовало бы зло.

Так было бы в случае, если бы имя Божие было совсем неизвестно. Но нам тяжело или, лучше сказать, невозможно представить себе человечество, его историю и культуру, без Бога. Половину истории человечества создает Бог, а полови-

ну — человек. Имя Божие вписано заглавными буквами в историю и культуру человечества. Походите по свету и убедитесь, что это так. В Европе, которая является сегодня самой просвещенной частью света, в любом городе, в который вступите, и в каждом селе, мимо которого пройдете, вы прочтете имя Божие прежде любого другого имени. Это имя выписано прекрасными храмами, которые высятся над остальными зданиями и превосходят их своим богатством. Дом Божий повсюду бросится в глаза раньше и скорее, чем обычные дома. В Индии имя Божие выписано пагодами, заслуживающими внимания и удивления больше, чем иные города. В Египте имя Божие выписано гигантскими пирамидами, которые древнее многих городов и многих народов. Единственными украшениями грязных магометанских местечек являются прекрасные дома молитвы. Евреи, единственный рассеянный по всему свету народ, записывают и сегодня имя Иеговы роскошными синагогами по всем своим поселениям.

Что толку замалчивать имя это, и ненавидеть его, и клеветать, если его нельзя ни стереть, ни умалить? Мы приходим и уходим, а оно остается написанным на небе пламенными языками. Это имя обогатило жизнь каждого отдельного человека. Кто отрекается от этого имени, тот отрекается от невиданного богатства. Кто вычеркивает из своего сердца и ума это имя, тот иссушает в себе источник богатства нравственного и духовного. Кто подстрекает других, чтобы они отреклись от этого имени, тот лишает своего ближнего богатства большего, чем серебро и золото. Ибо Бог есть богатство, которое остается с человеком даже тогда, когда у него не станет ни серебра, ни золота. И я, дорогие братья, желаю, чтобы все вы обладали этим богатством и сохранили бы его при себе.

Такое богатство — ненужная роскошь для животных, но потребность для человека. Если бы человек жил только хлебом, Бог был бы для него роскошью. Однако, не хлебом единым жив человек. Если бы у человека был только желудок, Бог был бы для него самой ненужной вещью. Однако человек имеет и разум, и сердце, которым нужна пища точно так же, как и желудку. Для разума и сердца нет пищи здоровее, чем Бог. Кто Бога носит в голове и в сердце своем, тот на пути к верной победе.

Если даже самые мудрые в истории человечества люди носили Бога в голове и в сердце своем, так как же мы, менее мудрые, закрываем Ему доступ в свой ум и в свое сердце? Если даже самые могущественные в истории человечества люди считали Бога великим богатством, так как же мы, менее могущественные, это богатство отбрасываем, считая его вредным? Если даже самые просвещенные народы мира произносят имя Божие с трепетом пред великой святостью, так как же мы, менее просвещенные, стыдимся этого имени? Нам, сербам, начавшим многое, но не завершившим ничего, Бог – необходимая потребность, а не роскошь. Кто хочет вершить великие дела, тот должен и мысли иметь великие. А самая великая мысль, которая когда-либо могла прийти в голову человеку, есть мысль о Боге.

Господа, я проповедую вам одну великую мысль и одно великое Имя. Моя проповедь старая-престарая, древняя – но и всегда новая. Та великая мысль невидимо двинула колесницу жизни человеческой, как электричество невидимо движет электромобиль. То великое Имя, которое я вам проповедую и которое мы все должны один другому проповедовать, нетрудно запомнить, нетрудно произнести, нетрудно почитать, нетрудно прославлять. Это великое и спасоносное Имя – БОГ. Аминь.

(Сказано когда, где и кому бы то ни было)

Перевела Наталья Феофанова

**ПИСЬМО МИХАЙЛА ПУПИНА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СЕРБИИ
ГОСПОДИНУ НИКОЛЕ ПАШИЧУ**

Columbia University in the City of New York,
Department of Physics, Research laboratory
13 мая 1921 г.

Многоуважаемый господин председатель и дорогой друг!

Это письмо передаст Вам епископ Николай, завтра уезжающий в Европу. Не хочу упустить возможности послать Вам несколько слов, которые кратко описали бы труды и большой успех епископа Николая в Америке.

Успех его был необычайно велик. Епископ Николай привлек американцев своей серьезностью и искренностью, и всякий сразу же отметил: он действительно верит в то, что проповедует, и каждое слово его исходит из глубины сердца и души, где покоятся его твердая вера и твердые убеждения. Он не говорил американцам много о Сербии и сербском народе, — а говорил им об общемировых христианских проблемах, которые нужно решить, чтобы возвратить мир на здравые экономические и нравственные основы жизни. Но об этом он говорил как серб и сербский гусляр и часто объяснения свои сопровождал прекрасными и остроумными примерами из сербской истории. Это действовало, и американец ясно видел: серб всегда храбро сражался за те христианские идеалы, о которых ведёт речь епископ Николай. Американцам даже представлялось, что сербский народ не только не ищет от них никакой помощи в предстоящей борьбе за реше-

ние существующих проблем, а им самим предлагает помощь. Это производило на американцев необыкновенное впечатление. Все американцы, слушавшие епископа Николая, ныне верят: сербский народ — не народ попрошайек, а народ витязей, уходящий корнями в ярчайшую национальную культуру. Я очень рад, что епископ Николай достиг в этом деле такого блистательного успеха. Достижения его столь велики и важны, что могу прямо сказать Вам: вся работа всех сербов, посланных сейчас Сербией в Америку, не стоит и сотой доли осуществлённого на сей день епископом Николаем.

Епископ хорошо сделал, что согласился на мою просьбу и просьбу моих друзей задержаться здесь до посвящения в сан епископа Манинга, самого важного в Епископальной церкви Америки. Посвящение состоялось 11 мая 1921 года, и епископ Николай Вам также о нём расскажет, поскольку при этом произошло несколько событий, весьма важных для Сербской Православной Церкви.

Епископ Николай приобрёл в Америке множество друзей, и все сожалеют о его отъезде, так как хотели бы, чтобы он оставался здесь как можно дольше. Мне особенно жаль, что такой человек не только не может остаться дольше в Америке, но вынужден, возвратившись, так сказать, совершенно похоронить себя в маленьком и заброшенном Охриде.

С глубоким уважением и сердечным приветствием
преданный Вам Михайло М. Пупин

Перевела Анна Евстратова

Игуменья АННА (Аджич)

О ВЛАДЫКЕ НИКОЛАЕ

(отрывки из дневника)

Предисловие переводчика

Поистине бесценные свидетельства о личности Владыки Николая можно почерпнуть из воспоминаний его современников, тех людей, которые долгие годы знали его и трудились под его духовным окормлением. Одной из них была Нада Аджич (1900†1975), в монашестве мать Анна, игуменья монастыря Врачевница в центральной Сербии.

Аристократка по происхождению, Нада Аджич получила прекрасное образование в пансионе для благородных девиц «Святая Мария» в Румынии, кроме того, закончила Школу декоративно-прикладного искусства в Белграде и прошла краткий курс для социальных работников в Женеве. Подружившись с семьей русских эмигрантов Зёрновых, посещала организованный ими в Белграде Русско-Сербский богословский кружок, собравший весь цвет сербской интеллектуальной элиты того времени: Иво Андрича, Десанку Максимович, Исидору Секулич, отца Иустина (Поповича) и других.

Нада часто бывала в монастыре Хопове, где нашли пристанище изгнанные из России сестры Леснинского монастыря. Благодать Святой Руси открыла истины Православия и воскресила душу аристократки, далекой от страданий простого народа, и Нада решила, отказавшись от роскоши, посвятить свою жизнь служению другим людям, как самому Господу.

В монастыре Хопове был приют для русских детей-сирот. Пока старшие дети были на уроках, Нада занималась с малышами лет двух-четырёх. Трогательно было слышать, как те дети всякую женщину, если она не в монашеской рясе, звали «мама». Она шла с ними на прогулку в поле, и каждый из детей, крича: «Это моя мама!», хватал ее за руку, и получалось так, что по двое-трое держались за одну руку и еще двое — за другую.

В 20-е годы о владыке Николае (Велимировиче) Нада много слышала, но знакома с ним не была и лишь запоем читала его книги. После смерти матери в 1932 году и последовавшей за ней через год смерти отца Нада, сама слабого здоровья, осталась одна в просторном родительском доме в центре Белграда. Пожертвовала домашнюю библиотеку вместе с книжными шкафами Дому учителя и раздарив другие вещи, она в 1934 году по благословению Патриарха Сербского Варнавы идёт

работать и переселяется в Дом для безпризорных детей при церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Белграде и полностью отдается новому для неё делу, чувствуя, как она нужна людям. В том детском доме её посетил епископ Охридско-Битольский Николай (Велимирович). По достоинству оценив её способности и самопожертвование, он предложил переехать в Македонию, в его епархию, и продолжить там богоугодное дело.

В Б и т о л е
Владыка Николай выкупил пустующие по-

кои турецкого паши с источником целебной воды во дворе. Нада Аджич приехала в Битолю осенью 1935 года, чтобы организовать там приют для сирот и детей из бедных семей. Детский дом был посвящен святителю Николаю Чудотворцу и был назван Богдаем.

И Нада Аджич приступила к своей богоугодной миссии. Решено было открыть детский приют типа экстерната. Главной задачей в то время было накормить как можно больше голодающих детей. «Мне еще ни один ребенок в Битоле не пожаловался, что у него нет крова, но многие жалуются, что нет хлеба», – говорил Владыка Николай.

Сначала в Богдае было всего пять воспитанников, но уже через несколько лет число детей превышало сотню. Младшие дети проводили в приюте весь день, а те, что постарше, приходили после занятий в школе. Воспитанники завтракали и обедали здесь же. По воскресеньям и праздникам детей отводили в город, и они присутствовали на литургии в храме святого Димитрия. Продуктами приют снабжали, в основном, монастыри Охридско-Битольской епархии. Деньги и вещи время от времени жертвовали духовные чада Владыки Николая, иногда помощь оказывал Красный крест. Да и сама Нада свою пенсию, которую она получала после смерти отца, целиком отдавала на нужды приюта. О том, что изо дня в день заботило её, как постепенно расширялся детский дом под неусыпным оком Владыки Николая, мы можем узнать теперь из дневника Нады Аджич, впоследствии игуменнии Анны, который она вела всю свою жизнь.

5 декабря 1935 г.

С утра разнеслась весть: приехал Владыка Николай. То, чего мы так долго ждали, слава Богу, свершилось. Я очень рада.

Я было пошла на рынок купить воз дров, да вернулась, чтобы попросить брата Димитрия, нашего столяра, помочь мне в этом, ибо я впервые в жизни покупаю дрова, а он мне и сказал, что «приехал Преосвященный, а раз так, то сначала идем к Владыке, поприветствуем его». Бодро и весело шли мы к Митрополии, не обращая внимания на грязь под ногами. Я была так рада, словно родного отца увижу.

На входе в епархиальный дом встретили господина ректора семинарии, и он сказал, что Преосвященного в доме нет. Мы зашли в церковь Богородицы и, выходя, увидели, что Владыка с господином ректором идут в Митрополию. Получив благословение, я радостно поздоровалась с ним. Он и сам был весел. Пригласил нас в Митрополию. Поднимаясь по лестнице, пошутил:

– Вот идут два ректора: ректор семинарии и ректор Богдая.

– Вы слишком превозносите Богдай, – возразила я.

– У вас всё только начинается, вот увидишь, у тебя будет две сотни питомцев.

Разговор продолжился в гостиной епархиального дома. Напоследок Владыка сказал:

– К вам приеду завтра; там, на месте, и поговорим обо всем. Так будет лучше. Вы самые младшие. Потерпи... сначала хочу побывать в семинарии.

6 декабря 1935 г.

Это было первое посещение Преосвященным епископом Николаем задуманного им детского приюта Богдая в Битоле.

На входе мы встретили Владыку хлебом–солью. Он был доволен, улыбался и благословил со словами:

– Дай Бог, чтобы дом этот был всегда полон и сыт. Да пребудет в нем всегда Божие благословение на детях и на всех вас!

Приняв хлеб из моих рук, он передал его стоявшему рядом мальчику.

– Это тебе.

Все по очереди подошли под благословение, и Владыка, легко и стремительно шагая, направился через двор к источнику.

— Эх, как здесь красиво! И водица чудотворная... Ну-ка, зачерпни, — сказал он мне.

Зачерпнув ковшиком на длинной ручке из прозрачного ключа, поднесла воду Преосвященному. Он прочел молитву, благословил, выпил воды и умылся. Возвращаясь в дом, он шагал по еще зеленой, мокрой траве, разглядывая соседние имения, которые задумал выкупить и присоединить к нашему участку.

— Мне-то казалось, что в этом доме нам будет просторно, а оказалось, что он мал для нас. Ну, пойдем наверх, погляжу, что там. — И, поднявшись по ступенькам, направился в трапезную, где наши мастера выкладывали из старого камня от двух разобранных турецких печей большую квадратную печь. Мы из двух комнат сделали одну, просторную. Мне почему-то казалось, что Владыке это не понравится, и действительно, он был недоволен. — Зачем это, когда есть камин? Не понимаю. Здесь нужна лишь небольшая печка, чтобы дополнить тепло от камина.

— Если Вы за эту печь сердитесь, то это я виновата, меня и ругайте. Так велика была разница в цене, что я решила класть из старого материала.

— Ругать тебя не за что, но такая печь не нужна, — ответил Владыка — Пойдем теперь к тебе. Усевшись на лавке, Владыка, словно пытаясь испытать мою душу, сказал: — О, Нада, из того своего дворца в Белграде переселилась ты в этот турецкий дом.

— Этот дом прекраснее дворца, — ответила я.

— Любовь тебя привела, ты любовью движима. Поэтому ты и пришла сюда. В Священном Писании сказано: *Возвеселись, неплодная, нерождающая, ибо будешь иметь гораздо более детей, чем имеющая мужа.* Это как раз о таких случаях сказано. И действительно, у тебя будет больше детей, чем у матери, родившей троих-четверых, — у тебя будут сотни. Я имею в виду духовных детей. Святые девы были девственницами, а имели сотни и сотни чад. А сколько духовных чад было у преподобной Параскевы, а у святителя Саввы, который весь наш народ породил, хотя был девственником всю свою жизнь! Ты пришла сюда, чтобы оставить великую память о родителях своих и о себе.

— Это о Вас память будет, Вам памятник.

— У тебя будет здесь множество сынов и дочерей малых.

– Вот тебя как зовут? – спросил Владыка, показывая на одного мальчика.

– Это Никола, наш первый питомец.

– А... Это Никола. Иди ко мне, Никола. – Владыка прижал дитя к себе и погладил по головке, как некогда Господа Симеон Богоприимец. – А та девочка кто?

– Это его сестра.

– Сколько их сейчас у тебя? Пятеро? Говорят, что потом, на небесах, дети идут не к родной матери, а к своей духовной матери.

Нам подали мед и воду, потом кофе. Пришел, по приглашению Владыки, сосед мусульманин. Владыка расспрашивал его о жизни, о соседях. Для него не было подходящего стула, и турок сел на пол, скрестив ноги.

– У тебя должны быть и низкие сидения, если мусульмане придут, – посоветовал Владыка. – Они привыкли на низком сидеть.

Я попросила принести кадило, чтобы Владыка освятил дом. Прежде чем положить ладан на угли, Владыка попросил турка выйти, но не сердиться, потому что мы здесь немного помолимся по нашему обычаю. Зажгли свечи, и Владыка начал молитву. Он покادил на иконы, кровати и на всех нас. Возникло приятное чувство, что все, кто был в комнате, теперь связаны одной мыслью, одним желанием и доброй волей. В комнате помимо меня и воспитанников были протоиерей о. Петр Каранович, брат Димитрий, Даница со своими детьми, сестра Астасия, баба Заха и еще две–три женщины. Немного позднее вошел доктор Радое Арсович, послушник и редактор журнала *Миссионер*. Он молча поклонился до земли Владыке и взял благословение. На это Владыка сказал:

– Доктор, покажи им, как надо правильно класть поклоны и подходить под благословение.

Тот смиренно и послушно несколько раз поклонился.

– Видели? Вот как нужно руки держать. Вы должны знать, – подтвердил Владыка довольно.

После молебна Владыка помазывал елеем от лампы детей и нас. Потом он опять сел и начал разговор о будущем развитии приюта и о покупке соседних участков земли.

– Да зачем Вам столько? – спросил протоиерей.

– Как зачем?! Тут нужно построить еще дом, ведь здесь скоро будет детей, как пчел в улье. Сотни! Я уверен, что так и будет. Только не тороплю события. Будет... со временем.

Затем Владыка послал брата Димитрия обойти с тем турком соседние имения и узнать, не имеет ли кто намерения продать участок, а сам продолжил:

— Еще совсем недавно здесь было так страшно! Православный не смел мимо пройти, а когда мы приходили на источник за водой, турецкие жены так и следили сквозь решетки окон. А теперь, смотрите, вот Нада, вот приют и дети наши.

Потом говорили о святой воде и о будущей церкви у источника, вспомнили о неизвестной могиле неподалеку. Я спросила, следует ли открыть могилу, чтобы узнать, чья она: христианина или мусульманина. Преосвященный ответил:

— Могилу не трогайте, пока кому-нибудь не откроется во сне или как-то еще, а до того не трогайте. А правда ли, баба Заха, что на водиче этой три чуда случилось?

— Было три чуда, Владыко... Разве тебе не писали?

— У меня нет корреспондентов, что пишут о чудесах; обо всем другом — пожалуйста. Не пишут мне священники об этом. Они думают, как будут стричься или бриться, а о чудесах, которые Господь являет людям, не думают. Это им не важно. Однако, когда я издам то, что готовлю, увидит мир великие чудеса, и многие обратятся к вере. Мне осталось лишь начисто переписать... Есть такие примеры удивительные!

— Бывают здесь исцеления, — сказала баба Заха. — Одна госпожа, у которой два месяца держалась температура, была здесь, выпила водичи и умылась. В тот же вечер температура спала, и она хорошо себя чувствовала, даже забыла, где была. Только вчера, когда хотела помолиться, вспомнила.

— Вот! Это нужно записывать! Прошу тебя, Нада, записывай, какие случаются чудеса. В монастыре Святого Наума столько лет прошу записывать для меня чудеса, — а ведь их там множество! — но никто ничего не записывает. — Владыка погрустнел и был явно опечален такой небрежностью людей. — Трудно найти такую душу, что истинно верует, и любит писать, и умеет это. Все думают, что это не важно. Когда кто-то напьется и несет невесть что, тогда об этом говорят. А когда кто-то сон видит вещий или чудо случается, то это никому не нужно.

— Приходили сегодня две женщины, которым во сне был голос, указавший прийти на этот источник Святого Николая. А они и не знали об этой воде никогда, — сказала я.

– Сегодня утром приходили? Это нужно записать... Всё записать: их имена, и как всё было. Почему же вы их не расспросили? – недоумевал Владыка.

– Они еще придут. Тогда я все запишу, – пообещала я.

Потом Владыка стал спрашивать, что нужно детям, сестрам.

– Монастыри дадут провизию, я знаю, только надо поехать и привезти самим. Пусть семинария даст машину... А сейчас чем кормитесь, что у вас есть?

– Покупаем. Сегодня у нас фасоль. Если желаете, можете пообедать с нами.

– Мы из церкви после ранней службы прямо к вам. Видели в Битоле новую колокольню. Жаль, что не слышал звона. А ты могла бы принести сюда тот хлеб–соль, что нам подносила. Может, перекусим?

Я обрадовалась, и тотчас мы принесли новый стол, сделанный из досок двери, поставили на него хлеб, соль, мед и тарелку маринованного перца, который мне прислала в то утро сестра Евгения, чтобы у меня было, если Владыка приедет, сказав, что это самое любимое кушанье Владыки на завтрак. Сервированный так стол мы внесли и поставили перед Владыкой и гостями. Владыка благословил хлеб, преломил и, деля хлеб, сказал:

– Нигде нет такого вкусного хлеба, как в Битоле. Видите, какой прекрасный хлеб. В Белграде не такой. Вы для приюта не пекуте сами хлеб, а покупайте. Это недорого. А то, что же пекари будут делать? Пусть и они заработают.

Когда пошли Владыку провожать, он на минуту завернул на кухню. Там на лавке была кошка. Владыка присел на лавку и погладил кошку:

– Откуда у вас эта кошечка? Какая красавица! Словно золотая! – Потом увидел постель на полу и спросил: – Здесь дети днем отдыхают?

– Нет, тут Даница спит со своими детьми.

– А зачем ты, Даница, пошла в мужской монастырь? – обратился Владыка к Данице, строго взглянув на нее. – Отвечай, зачем была там.

– Ради детей... Мальчики у меня.

– Я ее послал в монастырь Святой Петки, детей принял, а она делает, что хочет, и идет, куда хочет. Так нельзя. Или ты слушаешь, что тебе велят, или иди к своему мужу. Я этого не потерплю. Ты знаешь, что должна быть послушна.

Выходя, Владыка заглянул к столяру и поручил сделать три низких стульчика. Затем оглядел готовые лавки. Я спросила, можно ли достать еще кровати.

— Да вот тебе кровати: составь две лавки — и кровать готова. Зачем монахине кровать? Если ей нужна кровать, тогда не нужно было идти в монастырь. Можешь повернуть этот сундук? Пусть и это будет кровать для монахинь. Внутрь пусть положат свои вещи, а сверху соломенный матрас. Этого достаточно. Знаешь ли, какая самая лучшая кровать для монахини? Гроб. Да, гроб, — повторил Пресвященный. А об очаге в подсобке, где работал столяр, заметил: — Это не трогай, чтобы не испортить ненароком. Добрый очаг, как в старину.

— Да мы не будем трогать очаг. Хотели только рядом плиту поставить.

— Зачем здесь плита? Готовьте там, где сейчас готовите. Не делай здесь кухню, эта комната подходит для духовника. Хочу, чтобы здесь была моя келья для приема гостей.

Когда Владыка уже совсем собрался уходить, я решилась спросить о том, что давно уже на сердце лежало — чтобы он благословил меня покрываться платком как послушницы.

— Хочу Вас попросить... — робея, начала я. А Владыка сверкнул глазами и взглянул на меня так радостно, что я вмиг прозрела его мысль. Он ожидал моего желания стать монахиней, и мне было жаль, что он услышит другое.

— Что такое? Говори свободно!

— Прошу позволить мне носить платок на голове.

— Да ведь ты и так носишь платок.

— Нет, это шаль. Хочу такой, как сестры милосердия носят в госпиталях.

Он прошелся до окна, помолчал и спросил:

— А белый не хочешь? Будешь как царица.

— Нет, только черный, простой.

— Будь по-твоему, — сказал он и положил руку мне на голову.

— Можешь носить черный платок.

Этот день был бесконечен и полон радости для меня и для всех нас. Сегодня словно пришло спасение этому дому. Однако это было еще не все. Когда я вечером вернулась с заседания, наши едва могли дождаться, когда я пересеку двор. Первые их слова были:

— У нас есть дрова!

Машину дров для приюта послал из Митрополии Владыка. Вот радость! У нас есть отец, который заботится о нас! Как тепло и радостно на душе, когда кто-то беспокоится, сочувствует и участвует в наших делах. И мы еще получили нечто. У ворот мы нашли двенадцать тарелок и ложек новых. Кто-то принес и оставил, чтобы благодарили не его, а Николая Чудотворца. Как мы все радовались!

24 декабря 1935 г.

Из начальной школы *Вук Караджич* к нам стали приходить еще десятеро мальчиков и две девочки-сироты. Сегодня у нас уже 23 человека. Я рассказала новеньким, что Владыка Николай купил этот дом специально для бедных детей и что он собирается навестить нас. И верно, лишь дети позавтракали, как кто-то заметил, что в ворота входят какие-то монахи.

– Вот и Деда Владыка – воскликнула я, называя Преосвященного так, как давно уже называли Владыку Николая и дети, и взрослые.

Преосвященный еще и половину двора не прошел, а дети уже окружили его и звонкими голосами просили:

– Благослови, Деда Владыко!

И было не понять, кто больше рад встрече: то ли дети, оттого что видят своего Деду Владыку, то ли Деда Владыка, что видит столько детей – свой сон, воплотившийся в явь. Он был

очень рад и гладил детей по головкам. С Преосвященным приехали двое игуменов, которые позже, в церкви, пожертвовали нам большую сумму денег. Но я так и не могу вспомнить, кто именно это был.

Преосвященный стал расспрашивать о детях. Его интересовало, есть ли среди наших питомцев мусульманские дети и посоветовал звать и их в наш приют. Узнав, что у нас уже есть двое мусульман, был очень доволен.

Войдя в дом, он тотчас направился в помещение, где теперь была наша трапезная. Это была небольшая низкая комната с двумя столами и четырьмя скамейками. Преосвященный нетерпеливо обратился к своему помощнику:

— Дай-ка что мы принесли! — Тот подал какие-то листки, отпечатанные на машинке. — Вот, дети, сегодня ночью я из-за вас даже поэтом стал. Написал вам гимн Богдае, — и начал читать:

*Мы приют нашли в Битоле,
Милость нам в сиротской доле.
Дом наш там на самом крае,
И в Богдае мы, как в рае,
Мы в Богдае.*

*Бог послал нам вдосталь хлеба
И другое, что потребно.
И хотя живем на крае,
Мы живем там, словно в рае,
Мы в Богдае.*

*Мы богаты братской дружбой,
Рады мы, что Богу нужны,
Благодарим за дары и
Веселимся, словно в рае,
Мы в Богдае.*

*Учимся быть добрыми
И Родине полезными.
Так дни наши пролетают
Здесь в Богдае, словно в рае,
Мы в Богдае.*

Прочитав гимн, Пресвященный протянул лист мне, а дети громко закричали:

– Спасибо, Деда Владыко!

Пресвященный был очень рад, улыбался и довольно потирал руки.

– Вот и хорошо. Разучите песню. Ты, Нада, подбери мелодию подходящую, какую знаешь, лучше народную. И пойте.

Окруженный детьми, Владыка стал спрашивать одного за другим:

– Тебя как зовут?

– Димитрий.

– Да благословит тебя твой святой Димитрий, – сказал Владыка, кладя свою руку на голову мальчика. – А тебя?

– Василия.

– Да хранит тебя твоя святая Василия. А тебя?

– Бранко.

– Бог тебя оборонит, Бранко... будешь жить. А тебя?

– Георгий.

– Пусть тебя твой святой Георгий хранит и защищает.

Тебя?

– Петар.

– О, у тебя есть твой святой Петр, он тебе поможет...

– Павлина.

– У нее нет ни отца, ни матери, – сказала я.

– У нее есть Отец – на небесах, и Мать – Царица Небесная.

Они ее защитники. А ты кто?

– Цветанка.

– Да расцветет твое счастье...

– Крста.

– Да хранит тебя Честной Крест. Ты кто?

– Вера.

– Да будешь в вере крепка. А ты кто?

– Мария.

– О, у тебя самое прекрасное имя Пресвятой Девы Марии, Матери Божией. Будь счастлива. А ты кто?

– Любица.

– Бог тебя любит. А тебя зовут Йованка, ты Драголюб... Их знаю. А это Никола. Нас, Николаев, много, – заключил Пресвященный.

Потом все поднялись наверх, в церковь. Дети встали полукругом и пропели тропарь святителю Николаю—угоднику, а Владыка начал молитву за Короля и народ, давая детям знак отвечать «Господи, помилуй».

После все отправились к святому источнику. Преосвященный долго наблюдал, как дети весело резвятся на дворе, прыгают и бегают по траве, и сказал:

— Боже, какое удовольствие видеть, как славно играют дети.

Дети в тот день действительно были очень веселы. По просьбе Владыки они пели и плясали *коло* (хоровод). Деда Владыка не мог наглядеться на них. Он стоял, молча улыбался и выглядел очень счастливым.

— Так бы и не уходил отсюда, — произнес он наконец.

— И не уходите. Оставайтесь еще, — ответила я.

— Ноги озябли.

Дети гурьбой проводили его до машины и долго кричали:

— Спасибо! Благословите, Деда Владыко! Приезжайте снова!

Преосвященный махал рукой и благословлял их.

30 декабря 1935 г.

Около полудня приехал Владыка. Зная, что он так любил наблюдать за детьми, спросила:

— Может быть Вы, Преосвященный, хотели бы посмотреть, как дети обедают?

— Да, пойдем посмотрим. Да и замёрз я. Долго разговаривали с соседом вашим насчет покупки их участка, где у них сейчас сад.

Преосвященный вошел в маленькую низкую трапезную и благословил воспитанникам трапезу. Дети дружно поблагодарили.

— Скажите: извольте отобедать с нами, — подсказала я.

И они тотчас радостно:

— Извольте, Деда Владыко!

Преосвященный был очень доволен. И я спросила:

— Преосвященный, может Вы хотели ли бы пообедать с нами, попробовать еду?

— С удовольствием, — легко согласился он.

Дети обрадовались и тотчас подвинулись, освобождая место за столом. Сразу нашлись миска, ложка и чашка. Я взяла миску,

а сестра Даница дрожащими от волнения руками налила похлебку из большого медного котла. Жена нашего столяра принесла и положила на колени Владыки чистую полотняную салфетку. На обед у нас был шпинат с рисом, картофелем и помидорами. Мне было и неловко, и мило за всю простоту, с которой мы потчевали самую великую душу нашего народа.

— Как вкусно! У меня в митрополии так вкусно не готовят.

— Запомните, дети, как Деда Владыка обедал с вами, — сказала я.

— А кто, дети, дал вам эту пищу? — спросил Преосвященный.

— Бог дал! — дружно ответили они.

— А кто дал хлеба?

— Бог! — в один голос ответили дети.

— Все Бог дал... И сестру Наду вам Бог дал, чтобы вас здесь беречь и кормить.

— Бог дал вам, дети, Деду Владыку, чтобы вас кормить и от зла защищать, — сказала я.

— А это кто там с полной миской? Бранко? Ну-ка, доедай, Бранко, все уже поели... — перевел Владыка разговор на другое. А потом тихо упрёкнул меня: — Это ты оставь.

— Пусть знают! — ответила я.

16 января 1936 г.

Слышала, что Преосвященный собирается в Охрид, и, боясь, что долго его не увижу, письмом позвала его в Богдай. Владыка приехал ближе к вечеру. Долго обсуждали с ним разные хозяйственные дела. Потом я решилась спросить о том, что не давало мне покоя в отношениях с монахинями, помогавшими мне в приюте:

— Давно хочу Вас спросить, Владыко... Когда монахини должны идти в церковь?

Владыка недоуменно взглянул на меня и ответил:

— Да всегда, когда могут. Когда захотят. Ты не должна им препятствовать, пред Богом ответ держать будешь.

— Я им не препятствую. Да ведь у меня здоровье слабое. Когда я здорова, то всегда остаюсь с детьми, чтобы сёстры могли пойти помолиться. Всегда их заменяю. Но теперь я заболела, и дети

остались одни. Сегодня я даже рассердилась. Мать Сарра утром ушла и даже не предупредила. Не было никого, кто бы детей покормил завтраком и помолился бы с ними. Сестра Даница на кухне готовила обед, и дети были одни. А я лежала...

— Монахини должны быть в церкви. Они должны свое правило монашеское исполнять.

— Да, но нельзя же детей оставлять одних. Мы здесь для того и живём. Кто же будет с детьми?

— Да... Посмотрим. Если не складываются отношения с монахинями, пригласим каких-нибудь набожных македонок из местных. В Битоле много верующих женщин. Подбери сама себе помощниц.

Почувствовав в замешательстве, что мы не понимаем друг друга, я попробовала исправить впечатление:

— Мать Сарра — настоящая монахиня, она всегда думает о молитве. А я — всегда о детях.

Владыка пристально посмотрел на меня и сказал:

— Да, она настоящая монахиня и имеет одну любовь — ко Христу. Так и должно быть.

— Я восхищаюсь ею, Владыко, она — прекрасная монахиня, очень добрая... И я у неё учусь...

— Да, восхищаешься ею, — прервал меня Владыка, не желая слушать дальше. Взяв под свою защиту монахинь, он не хотел слышать ничего, что могло бы затронуть их и повредить им. Он продолжил: — Да знаешь ли ты, чту монахини терпят, как живут и как мучаются ради Господа... В Великий пост один раз в день едят. Воды не смеют выпить без благословения игуменьи, виноградинку не смеют съесть без благословения. Какая белградская госпожа могла бы это вынести?

Я подумала про себя, что и в Белграде есть женщины, которые тяжкий крест свой мученический молча несут сами, но только спросила:

— А по праздникам кто должен объяснять детям?

— Можешь и ты, а может и дьякон.

— Я думаю, что лучше бы объясняла монахиня, а мать Сарра не может.

— Если она не может, ты можешь. Ведь и в школе закон Божий преподают учительницы. Не обязательно это должен быть священник. Священники и так заняты.

Когда Владыка собрался уходить, уже на лестнице он встретил мать Сарру:

— Давай-ка, поднимемся к тебе в келью, мать Сарра. Посмотрю, как ты живешь.

Она весело, радостно оттого, что видит Владыку, легко взбежала по ступенькам и открыла свою дверь. После, вечером она рассказала мне, что Владыка расспрашивал её, исполняет ли она своё правило, наказывал, чтобы обязательно исполняла. И чтобы непременно шла в церковь, как только найдет свободную минуту. Спрашивал, какие книги читает, имеет ли лампу, хватает ли свечей. Из её ответов он понял, что между нами согласие и что я ей всегда иду навстречу. Я тоже пересказала ей весь наш разговор с Владыкой.

И все-таки первый раз осталась на душе тяжесть после визита Владыки, хотя до этого была только радость.

Воскресенье 26 января 1936 г.

Вчера получили распоряжение от Владыки привести детей завтра к 8 часам в церковь Пресвятой Богородицы, а потом в новую народную трапезную при церкви Преподобной Параскевы-Петки на праздник Святителя Саввы в женской Школе народных промыслов, на котором Владыка был *домачин*, то есть хозяин, принимающий в тот год гостей на праздник.

На литургии дети стояли тихо, благостно. Владыка поставил их слева от амвона у иконы Пресвятой Богородицы. Дети стояли по росту, было их около пятидесяти. Преосвященный сам служил и говорил проповедь о святителе Савве и его родителях, о любви детей к родителям и родителей к детям. Владыка просто потряс всех, сказав: «Здесь мне дети говорят, что у них нет ни отца ни матери. А я говорю, есть у вас и Отец, и Мать — на небесах».

После службы пошли в Школу. Детей посадили слева вдоль стены, рядом с участницами школьного хора. Впереди, перед иконой святителя Саввы был стол с большой свечой и *колачом* (круглым караваем, выпекаемым специально к празднику). Владыка вошел в залу, полную гостей, и с улыбкой направился к нам.

— Откуда вы, дети?

— Из Богдая! — дружно раздалось в ответ.

Владыка подошел к столу и зажег праздничную свечу. Лицо его сияло. Я никогда не видела Преосвященного таким радостным. Обратившись к гостям, Владыка выразил удовольствие тем, что день Святителя Саввы на этот раз отмечается в новой народной трапезной и что среди гостей присутствуют как видные знатные горожане, так и люди бедные. Затем Владыка показал на наших детей и сказал:

— Позвольте сверх нашей программы представить вам этих детей.

Преосвященный вывел наших питомцев на середину залы. Дети запели гимн Богдая, который написал он сам. Публика была растрогана. Некоторые женщины из бедных плакали, воочию убедившись, что эти сироты защищены от горя и невзгод. Потом все вместе пели гимн Святителю Савве, и Владыка начал программу. Один за другим выступали гости и говорили, как наш народ почитает святого Савву — чудотворца, устроителя Сербской Церкви, просветителя и защитника народа.

Праздник продолжился общей трапезой. Длинные столы протянулись по всей зале. наших питомцев посадили во главе стола, остальных детей дальше. Так трогательно было видеть залу, полную детей. Обед удался на славу, и мы гордились, насколько наши воспитанники дисциплинированны.

Жаль только, что их не мог уже видеть хозяин, чье сердце так любит гостей, полных сочувствия к детям. В разгар праздника Владыка незаметно вышел в ближайшую дверь, где его уже ждала машина. Завтра утром он должен был быть в монастыре Жиче — там, где жил и трудился тот, кого на следующий день должен славить весь народ наш, каждое сердце, бьющееся в унисон и знающее, какие основы заложил тот, кого мы прославляем в этот день.

Перевела Наталья Феофанова

ВЛАДЫКА НИКОЛАЙ - ЖИЧА - СЕРБСКИЙ НАРОД

Есть ли что более прекрасное и радостное, нежели видеть человека, имеющего призвание и обладающего упорством пребывать верным своему призванию. Эта радость снова и снова влечёт меня в тот край, где обитает зодчий духовного и исторического смысла Владыка Николай, ныне епископ Жичский. В личности владыки Николая и в его трудах призвание видно ясно и отчётливо, как ясно и отчётливо видны купола его Жичи. Так ясно скоро будет видна жичская колокольня и слышен звон её колоколов. Так, ярко вспыхивая, будто светлячки, зажигаются в Овчарско-Кабларском ущелье на обоих берегах Моравы дивные древние обитатели, обновляющиеся и оживающие, — да будет их, живых, снова ровно двенадцать. Призвание — это особая задача, поставленная Богом и определением народа. Исполнять её и трудно и увлекательно: иногда с напряжением раба, иногда с радостью счастливого человека, видящего как возникает нечто, другим не видимое.

Владыку Николая, простого и человеческого, легко найти в Кралеве. Он всегда терпелив, готов вас выслушать и сказать вам что-нибудь доброе — то, что идёт от призвания и благодаря чему он становится другом вашей души. О трудах Владыка Николай не говорит. Кто бы и понял его, если бы он стал рассказывать о бесчисленности и разнообразии своих соратников и народных средств [...] и о том, что в духовном зодчестве человеку помогает Бог, вопреки всему довершающий имеющее быть завершённым.

Сидит Владыка Николай на стуле как-то удивительно, словно хочет уменьшиться, словно смотрит он перед собою в безбрежную морскую даль. Мало-помалу и вы разглядите эту пучину. И увидите вы, что её вброд не перейдёшь и на корабле не переплывёшь; и что сам Владыка Николай как будто при-

рос к камню в одной из морских волн: у него трудная задача, колеблясь, подобно водоросли, это слабое движение сообщать морю, вдаль и вглубь. Владыка Николай объехал мир и видел людей и события; и его видели. Возможно, то было время его поисков: где и как ему, с его призванием, остановиться. Остановился он в Охриде и в Битоле, а затем в Шумадии — в тех местах, где есть монастыри и молитвенная традиция. Остановился и начал то многотрудное колебание, которое, нарастая, должно стать мощным движением.

В делании владыки Николая нельзя по-школьному определить процедуру и приёмы. Невозможно понять: когда идеальное оказалось привязанным к грубой земле и грубым людям. Вы не сможете усмотреть ни научных, ни художественных методов [...] Нет у него пятилетки; нет в карманах начерченных планов и расписанных счетов; нет большой кассы, полной денег. Владыка Николай — духовный зодчий: он следует призванию. Соработники его — в большинстве своём безымянные простецы, а не именитые и знаменитые, ибо для простецов блаженнее давать. И́ возвеселишася людіе ѿ ѿсърднѣмъ подаднїи, понѣже всѣмъ сѣрдцемъ приношахѹ Гдѹ (I Пар., XXIX, 9), как сказано в *Ветхом Завете*.

Владыка Николай обновляет древние основания сербских иноческих обителей всех традиций. Да будут монастыри опять, как некогда, по замыслу святителя Саввы и иных государей и архипастырей, не только храмами и святыми местами, но и великими народными и культурными учреждениями, затрагивающими всю жизнь народа и державы. Да укрепляют они религиозные идеалы как один из элементов общественной жизни. Ибо мы — народ, в истории которого «Царствие Небесное» имело решающее значение и в государственной политике.

Довольно ли у владыки Николая помощников, довольно ли единомышленников для этой исполинской работы — возрождения основ? По мыслям, по национальному чувству — сотрудники его безусловно, многочисленны; но, боимся, вряд ли они под стать самому Владыке.

Посетит человек достаточно обителей и увидит, что единственно Жича исключение [...] Впрочем, и для исключительности Жичи среди монастырей есть своё оправдание.

Она стоит «среди міра», на перекрестье дорог. По своему положению и традиции, она должна стать учреждением в духе святителя Саввы, организационным и даже административным центром для пространной области с её монастырями, городами и весями, а в определённом смысле — и для всего сербского народа.

Разумеется, владыка Николай знаком с многочисленными и разнообразными жалобами и трудностями. Он видит их, смотря на дивные сосны под своими окнами, — а сосны эти, как он сказал нам, «столь спокойны, покуда в мире бушует ад столкновений и раздоров». Сосны, вероятно, и ему самому помогают успокоиться и понести заботы, знания, добрую волю смиренных людей и злую волю воителей, что *разрушают дома, чтобы укрепить стену*, по слову пророка Исайи (XXII, 10).

Монастыри должны печься о том, как провести народ чрез искушения на другой берег жизни... Мог бы такой венок обителей, как в Овчарско-Кабларском ущелье, или в Южной Сербии, или на Фрушкой Горе, собрать духовные силы своего края? Может ли монастырь, подобный Жиче, со всеми своими личностями от алтаря до типографии, быть посредником в заключении союза между вождями Церкви, Державы и Народа? Передатчиком открытой святителем Саввой политичес-

Владыка Николай перед воротами собора в Жиче

кой энергии, состоящей в сплочении народа вокруг единого на потребу из мира иного?..

На монастырском фундаменте утверждается возможность крепкой духовной жизни и духовного зодчества. Не обманывается тот, кто знает: монашество есть сосредоточение духа на единственном; сосредоточенность представляет собою призвание; призвание же требует геройства духовного.

А Владыка Николай — чтец и ученик всю свою жизнь!.. Смотрящий со стороны огорчается, иногда и возмущается. А Владыка Николай мирен. Он знает, чего мы не знаем, и думает, о чём мы не думаем... Владыка Николай всегда мирен. Он не любитель катастроф и катастрофических предчувствий, пока есть люди, в Бога верующие и духовно трудящиеся. Бесчисленное множество раз говорил Владыка в своих проповедях: нельзя ничего на земле бояться. Даже смерти страпиться. У римского поэта Вергилия есть строка: *Usque adeo ne mori miserum est* «Разве так трудно умереть». А Владыка Николай говорит: «Умершие живы». Здесь причина долготерпения Владыки Николая и причина мирного духа его в успешных, равно как и в безуспешных трудах. В конце концов Бог всё уравновешивает.

Потому владыка Николай столь решителен и столь упорен, упорен, как все люди, имеющие призвание. Он или дождётся, или подготовит, чтоб дождалась другие, когда чрез монастыри как народные учреждения вернутся в сербский народ те добродетели мужские и женские, которые в прошлом нашем оставались ценностями даже для неверных и грешников, благодаря чему даже таковые, наконец, находили путь монашества и задушбинарства. Владыка Николай трудится создать из иноческих обителей таинственную стену, ограждающую народ. От крохотного Йованя, зажатога между скалами Каблара и бурной Моравой, через Жичу, через Саввину Студеницу, и далее, лучеобразно, по всем направлениям Сербства, доколе не возвратимся в ту же Шумадию... Эта стена и может и должна противостоять всяческим напастям лучше, нежели «непробиваемые» стены крепостей, башен, вышек, тюрем.

1940

Перевела Анна Евстратова

Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович)

ЖИЧА В ВЕКАХ

Возведи шкестъ Очи твои, ѿвѣне, и виждь: се бо придоша къ тебе ѿ запада, и гѣведа, и моља, и востока чада твоа, въ тебе благословаша хрѣта во вѣки. Так некогда пророк ветхозаветный, созерцая в видении гору Сион в Иерусалиме и всё то, что должно на ней произойти, говорил: Возведи шкестъ Очи твои и виждь собраша чада твоа: се, придоша вси сынове твои и здадеча (Ис., VХ, 4).

Когда я в 1930 году был в Иерусалиме, то перед поездкой думал, будто Сион — высокая гора. Между тем, это небольшой холмик в Иерусалиме; и я спрашивал себя, почему пророк говорит о Сионе как о горе высокой. Но он тут имеет в виду не физическую высоту, а высоту духовную и нравственную. Не высота земной поверхности сделала Сион высоким, но тот высший Божественный дух истины и нравственности, пребывавший на Сионе, но те великие, те исполины, что проповедовали с Сиона истину Божию. Благодаря Христу, на Сионе являемомуся, сей холм возвысился над всеми горами.

Теперь, когда я размышляю о тех словах и о горе Сион, находясь в сем святом месте, в стенах древней нашей святыни, мне хочется сказать: «О Жича святая, возведи очи твои и виждь: се чада твоа сербская идут с запада, севера, юга и востока в тебе благословить Христа, Его рождество, Его смерть, и Его воскресение, и Его победу».

А теперь представьте, что увидел бы тот из нас, кто обратился бы в некоего бессмертного духа и очутился бы в святой Жиче семьсот лет назад. Что происходит с народом сербским и что бывает с великими и славными святынями сербскими? Народные соборы, вельмож сербских и сербский народ — вот что мог бы увидеть стоящий на куполе Жичи и взирающий чрез века на судьбу народа сербского. Первый собор: освящение дивного храма, какого не бывало на Балканах, кроме, быть может, только Святой Софии Царьградской.

Святитель Савва не жалел тогда ни своих богатств, ни своего труда и пота, дабы создать святыню, коя самым видом своим прославляла бы Господа Бога, Творца и Вседержителя. И созвал святитель мастеров из Солуни, из Царьграда, с островов и из Азии, и сам назирал за работами — да будет всё совершенно. И когда Жича была готова, она воссияла, как солнце.

Для чего святитель Савва выстроил такую Жичу? Сейчас я вам об этом расскажу.

Тот невидимый дух дальше увидел бы, как Жича процветает и возрастает, — так же, как процветает народ сербский и возрастает его благосостояние; всё большим становится влияние Жичи на сербский народ, — и народ сербский становится всё более влиятельным на Балканах и в целом в этой части Европы. Он увидел бы, как, наряду с Жичей, повсюду народ строит церкви, и украшая всю страну храмами Божиими, славит Бога. И как, причащаясь в храмах сих, народ становится наследником Божиим. Ибо все мы, в этом смысле, должны стать наследниками Божиими. Все вы знаете, что мотыга для кузнеца — его творение. Могу ли я, человек, стать сыном Божиим, бессмертным, подобным Богу? Могу! Можешь ли ты, дева, мать или жена, стать дочерью Божией? Можешь! Вот мотыга не может стать кузнецом. Нам же дана возможность стать чадами Божиими.

Прослеживая внутреннее и внешнее развитие народа сербского, мы увидим и то, как росла и духовно и нравственно Жича; как она стала державным средоточием, откуда рассылались законы и происходило управление всей сербской землёй. Отсюда руководили и военной силой, до известной меры и известного времени, ибо это было первое укрепление на северных границах Сербии.

А затем дух-наблюдатель увидел бы, как развратилась сербская знать, как начались между дворянами раздоры и борьба за власть, почести и богатство. И Жича начала терять своё прежнее влияние, приходит в запустение. Не притекают сюда более вельможи сербские; но лишь простой народ поклоняется в этих стенах живому Богу и молится Ему о спасении рода сербского.

И увидел бы он, как в то время страшное и расслабленное приходит сюда единственный князь — не из Неманичей,

1935 год

а из другой династии – приходит князь Лазарь со своею супругою Милицей и сыновьями помолиться Господу Богу и святителю Савве о спасении народа сербского от нашествия турок. Увидел бы он, как гибнет царство сербское – и гибнет Жича. Увидел бы, как Жичу не только сербская знать оставляет, но и народ запуганный не смеет сюда более приходить. Заросли дороги в Жичу. Народ бежал в леса и скрывался в горах, а на Жичу смотрел с горных высот и плакал над Жичей и над своею судьбой.

Потом стоящий на куполе Жичи увидел бы, как приходят грабители и уносят золото и серебро, дарованное во времена Немани и его потомков, от Милутина до Душана и Уроша, всё разоряют и всё отнимают – и Жича и весь сербский народ остаются в нищете. Народ в опанках, с куском грубого хлеба, молчит, возведя полные слёз глаза к небу. Такова и Жича. Затем он увидел бы, как камни, один за другим, выпадают из стен Жичи; как змеи ползают в развалинах Жичи; как произрастают здесь терния и волчцы; и как всякий расхищает имение Жичи. Увидел бы, что ту же судьбу переживает и весь сербский народ. А позднее увидел бы: крестьянин и священник, крестьянин неграмотный, а священник полуграмотный, поднимаются против турок; приходят они ночью в Жичу и со слезами просят предка своего духовного, свящи-

теля Савву, молиться ко Господу Богу о прощении народных грехов. Увидел бы: восстают крестьянин и священник, народ одерживает победу за победой, создаётся пусть небольшая, но свободная Сербия, и в этой маленькой Сербии сразу же начинают заботиться и думать о Жиче. Приходит строитель с известкой, и Жичу принимаются восстанавливать во времена князей Милоша и Михаила и бессмертного владыки Иоанникия.

И увидел бы он не столь давние события: как прибывали в Жичу два короля, последний Обренович и первый Карагеоргиевич, дабы здесь, в Жиче, принять миропомазание. Многие тогда впервые услышали о Жиче и, увидев её, поразились противоречию между её именем и её немощью.

И так дух-наблюдатель дошёл бы до теперешних времён и увидел бы вот что. Страна наша объединена, народ освобождён. Государство возросло, народ вырос. Страна оправилась после войны, излечилась, поднялась, обогатилась, — и теперь настала очередь матери Жичи. Так поступает и мать семейства. Когда все дети её после войны омылись от крови ратной и облеклись в новые одежды; когда она всех чад своих видит омытыми, исцелёнными, нарядными, тогда и сама мать, последней, приводит себя в порядок, прибирается, наряжается, чтобы засияло её материнское лицо среди собравшихся детей. Вот вам история Жичи до наших дней.

Возвратимся теперь, братья, к создателю сей святыни, мужу великому, мужу разума, святителю Савве. В древности существовал миф о стоглазом Аргусе, всё вокруг видевшем. Святитель Савва предался подвигу иноческому на Святой Горе Афон, так что стал весь зрение, весь он исполнился очей да видит всё; и таковым, преисполненным разума и ведения, преисполненным учения Божия, мужем совершенным, пришёл он просвещать сербский народ.

+ + +

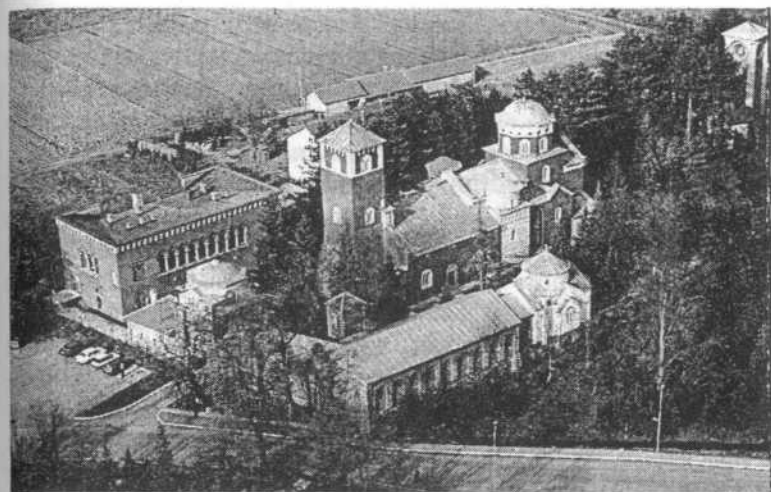
Слушая о Жиче, о венчании святителем Саввою первого сербского короля, вы замечаете, что святитель Савва непрестанно учил народ. А учил он его не чему-нибудь мелкому и временному, но вечному — учению Христову.

Он учил и догматам и истинам, ибо учение о догматах и истинах есть основа души человеческой в мире. Кто этого

не изучает и это забывает, тот, пусть даже читает и изучает всё прочее, не может зваться христианином, православным, сербом; и будет он как ненужная бумага или материал. Истину должно знать, ибо истина – основа жизни человеческой. Знающий истину знает и путь, знает и правду Божию, знает, куда идти. Истина отражена в православном Символе веры. Потому мы и видим, что святитель Савва не говорит о политике, об общественной жизни, о злободневных вопросах своего времени, но постоянно говорит о Евангелии, о догматах, о великих истинах. Он готовит свой народ к великим делам. А вы знаете: когда готовятся строить здание в двадцать или тридцать этажей, закладывают глубоко крепкий фундамент. И святитель Савва закладывает глубокое и прочное основание учения христианского, веры христианской и истины христианской.

Он делает это здесь, в Жиче. Жича похожа на другие монастыри, а всё-таки не то, что прочие обители. Другие монастыри более закрытые, они предназначены для личного подвига, для врачевания болящих. И здесь исцелялись больные, но это не было главной задачей Жичи. Как всем апостолам было наказано проповедовать Евангелие, но у каждого из них свой особый путь, так и у монастырей наших – свои особенности. Жиче дано утверждать учение Христово, распространять и укреплять логику евангельскую в народе сербском, дабы разум народа сербского углублялся, утверждался и расширялся. Когда была сотворена и выстроена Жича, святитель Савва приступил к выполнению этой задачи. Он начал с Символа веры, с догматов, с истин христианства. Все истины содержатся в вере. А как человек должен жить – тому учит другая наука, наука о поведении. Первая наука о вере, называется догматикой, вторая наука о поведении – этикой; итак, вера и поведение, логика и этика, наука о вере и наука о поведении.

Есть и ещё одно различие между Жичей и прочими нашими святыми обителями, великими и славными, вызывающими восхищение – часто у иностранцев больше, чем у нас самих. Там, в других монастырях, день и ночь молятся Богу. Сюда же приходят вожди народные, духовные, нравственные и военные. Отсюда сияло учение; здесь правители получали

наставления и учителя научались; сюда приходили короли, архиепископы и епископы; здесь подавались великие примеры нравственности, неразрывности слова и дела, церковно-общественного единства. Так Жича имела государственно-созидательный характер, характер во всех отношениях водительствовавший.

Сегодня Жича не стремится быть административным центром. Известно, где в нашей стране находится средоточие государственной и церковной власти – там, где костёр святителя Саввы и могильный крест патриарха Варнавы. Там, где король, там и патриарх. Где центр государственный, там и церковный. Но Жича от этого ничего не теряет. Ещё в стародавние времена архиепископская кафедра была перенесена отсюда в Печь. Однако Жича ничего не потеряла, а, напротив, возматерела. Жича остаётся центром духовным, матерью, разделяющей на протяжении веков судьбу народа сербского. Она то возвышалась во славе, то падала без сил, как раненый на поле боя, – когда так было с народом; у неё своя голгофа и своё воскресение, как и у народа сербского...

Я вчера сказал, что нет ничего более трудного, нежели разделить сербский православный народ и Православную Церковь. В этом сербский народ опередил другие народы,

даже братский русский народ. На что это походит? На раскалённое железо, если на него смотреть издалека. Один скажет, что это огонь, а другой – что железо. Первый скажет: «Я железа не вижу». Однако каждый из них по-своему прав. Потому очень трудно сказать «Сербская Церковь», не думая о сербском народе, и столь же трудно сказать «сербский народ», не думая о Сербской Церкви. Трудно писать историю сербского народа и не писать при этом историю Сербской Церкви, и наоборот. Церковь и народ едины. Точно так же, как раскалённое железо является одновременно и железом и огнём. Мы видим, что там, где народ отделён от Церкви, то есть железо от огня, где Церковь отделена от государства, – такое железо ржавеет. Не дай Боже, чтобы так было у нас. Не дай Боже, чтобы рухнуло то, что строил и построил святитель Савва. Он возжёт пламень в целом сербском народе как в одном человеке. И мы веками и донныне сохраняем органическую связь Церкви с государством, народной обороной, просвещением, культурой, народным творчеством и ремёслами. Точно так же, как я, имея руки, ноги, глаза, несмотря на то, представляю собою единое существо. Так и Сербская Церковь, устроенная святителем Саввой.

Западу необходим этот Божественный залог – национальная Церковь, чрез кою струится сила Христова. Западу необходим этот правильно устроенный «акведук». Между тем, мы видим: у западных народов соответствующие «каналы» и «трубы» испортились, загрязнились и заржавели. Не дай Боже, чтобы они испортились и у нас. Господи Боже, вразуми вельмож наших, дабы они не подражали тем жившим накануне Косовской битвы вельможам, что погубили державу, веру и народ. Не народ был виновен в косовском поражении, но вознёсшиеся над народом вельможи. Разве не так, братья? [Так!] Не дай, Господи Боже, чтобы это повторилось. Не дай, Боже, чтобы господа наши в слепоте своей стали брать пример с иностранцев. Не дай нам, Боже, веру из Америки. Дай нам, Боже, что есть доброго в Америке, дай нам, Боже, что есть доброго в Англии, Франции и Германии, но только веры их мы не желаем, и не желаем их устройства. Почему? Потому что имеем веру лучшую и Церковь лучшую, нежели они.

Горько сегодня видеть, как множество образованных сынов, выученных за счёт пота народного, заявляют: «Народ глуп, народ нужно просвещать, и надо отделить Церковь от государства и убрать веру из школы». Если вы отделите Церковь от государства, погибнут и Церковь и государство. [Так!] Если вы уберёте веру из школы, это будет не школа, а зверинец, и будут там растить не чад святителя Саввы, не святых и героев, но зверей хищных, ибо без Бога люди — звери худшие других зверей. [Так!]

Ещё некоторые про меня говорят: «Николай водит компанию с представителями социального дна. Не хочет он общаться с господами, а всё время проводит с крестьянами, рабочими и какими-то там бедными богомольцами». А я говорю: «Довольно я был с вами и знаю, что вы думаете и чувствуете. Знаю вас насквозь, вижу вас, как пастух видит стадо». А что касается дна, я вас вот что спрошу: может ли быть кувшин без дна? [Не может!] Может ли быть чаша без дна, и может ли удержаться вино в чаше без дна? [Не может!] А народ держит государство, Церковь, династию, святыню и всё, что у нас есть. Народ есть дно, опора, и я — с этим народом. Здесь я более всего уверен, спокоен, мирен и разумен. Был я на вершине горы и видел пузыри, что быстро надуваются, взлетают, а потом лопаются. А мне хорошо с народом, и народ это чувствует. И я люблю свой народ. [Многая лета!]

Перевела Анна Евстратова

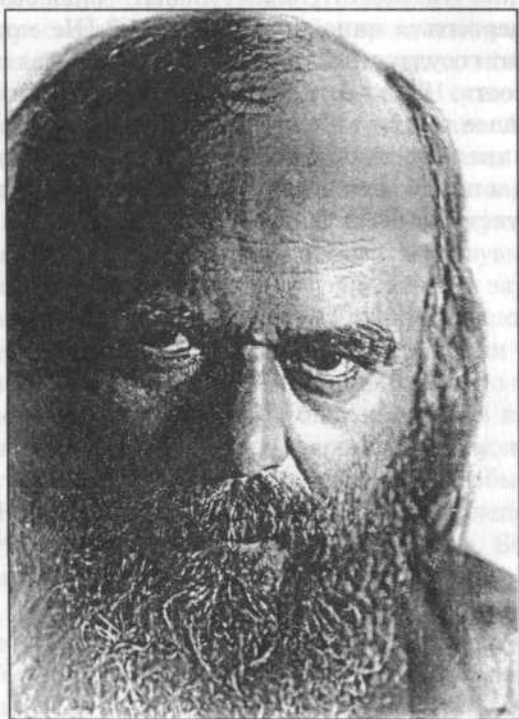
Милица ЗЕРНОВА

ОЧИ, ЧТО БОГА ВИДЕЛИ

(из книги воспоминаний семьи Зёрновых)

Однажды после войны мои американские друзья пригласили меня в гости. Приехав к ним, я узнала, что Владыка Николай теперь живет в Чикаго, и решила, во что бы то ни стало, навестить и его, хотя это было непросто, да и не дешево. Я стала звонить по телефону в сербскую церковь, чтобы узнать его адрес, и тут, совершенно неожиданно, услышала, что Владыка на три дня прибыл в Нью-Йорк. Поистине, это был дар неба!

Мы встретились. Он сильно постарел, однако взгляд его черных глаз, как и в прежние времена, пронизывал собеседни-

ка насквозь, лучше сказать, проникал прямо в душу. Мы стали вспоминать о былом, говорили о жизни, о Церкви, о России...

— Владыко, — спросила я, — страдания и лишения убивают в духовном смысле узников концлагеря или воскрешают? Вот я, например, знаю людей, причем верующих, которые в лагерях не имели сил молиться: все их силы были сосредоточены на куске хлеба, головке лука, кружке кипятка...

Владыка ответил:

— В лагере, бывало, забьешься в какой-нибудь угол и повторяешь про себя: «Я прах и пепел. Господи, возьми душу мою!» И вдруг душа возносится на небо — и видишь Бога лицом к лицу. Но ты не можешь этого вынести, и говоришь Ему: «Не готов, не могу, верни меня обратно!» Затем снова часами сидишь и повторяешь про себя: «Я прах и пепел. Господи, возьми душу мою!» И вдруг снова возносит тебя Господь... Короче говоря, всю жизнь, что осталась мне, отдал бы, если только это можно, за один час пребывания в Дахау.

Владыка поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. И я не смогла вынести этого взгляда — на меня смотрели глаза человека, который видел Господа лицом к лицу...

Владыка рассказал мне еще и другое.

«Порой приходили тюремщики и, издеваясь, спрашивали:

— Веришь ли, что Иисус Христос был Богом?

— Нет, — отвечал я им.

Тогда они начинали смеяться и снова спрашивали:

— Так ты, значит, больше не веришь?

— Не верю, но знаю, — твердо отвечал я.

И тогда они, не скрывая раздражения, уходили. Позднее они снова появлялись и опять вступали в разговор:

— Правда ли, что твой Иисус был сыном одной жидовки?

— Нет, — отвечал я.

— Так чьим же тогда он был сыном?

— Сыном Человеческим, — отвечал я, и они не знали, что еще сказать...»

Владыка Николай был столпом Сербской Церкви. Теперь, после своей смерти, он постоянно видит Бога, лицом к лицу.

Перевела Наталья Феофанова

Владимир МАЕВСКИЙ

СМЕРТЬ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ

Мои встречи и жизнь с Владыкой Николаем

Мне выпало счастье еще в молодости впервые встретиться с будущим великим иерархом, Преосвященным Николаем (Велимировичем). Тогда я в первый раз приехал в Сербию, чтобы добровольцем вступить в Сербскую армию во время Балканских войн 1912–1913 гг. Таким образом, мое знакомство с Владыкой Николаем началось еще 45 лет тому назад. После Балканских войн я вернулся в Россию, а в начале 1920-х, уже как эмигрант, снова приехал в Сербию. И жил я в тогдашней Югославии около 25 лет, часто встречаясь по личным или по служебным делам с Преосвященным Николаем, тогда уже епископом Охридско-Битольским, а позднее Жичским. Война, а затем оккупация принесли нам страдания и обоих забросили на чужбину: мы были лишены свободы, а потом отправлены в Германию, в концентрационный лагерь. И лишь после Второй мировой войны мы снова встретились в США; вместе работали в духовном училище и жили в одном доме до самой смерти Владыки, наступившей 18 марта 1956 года.

В 1950 году в Нью-Йорке я сильно пострадал в автомобильной катастрофе. Владыка Николай узнал об этом и навещал меня в больнице. А когда после двухмесячного лечения меня перевезли на частную квартиру, он стал навещать меня еще чаще, и мы вели с ним долгие разговоры. Оба мы страдали одной и той же болезнью — ностальгией. Но, разумеется, Владыка страдал гораздо сильнее, ведь я провел в эмиграции более 30 лет, и потому моя душевная рана была уже не такой мучительной, а Преосвященный Николай был новым эмигрантом, и его свежая язва кровоточила невыносимо.

Оправившись после тяжелых последствий, я вернулся на работу в Духовную семинарию при монастыре Святителя Ти-

хона Задонского в штате Пенсильвания. И когда я узнал из разговора с Владыкой Николаем, что тогдашний сербский епископ в Америке Дионисий не оказывает ему, заслуженному иерарху и великому православному богослову, должного, а вернее, никакого внимания вообще, я сразу поставил вопрос о том, чтобы Преосвященный Николай был приглашен в нашу семинарию. И вскоре я сам лично говорил об этом с Владыкой. Я был поражен его

реакцией на мои слова: от неожиданности он заплакал как дитя, стал сердечно благодарить меня и снова говорил, как тяжело ему из-за плохого отношения нынешнего епископа Дионисия.

С сентября 1951 года мы радовались пребыванию Преосвященного Николая в нашей семинарии. Владыка преподавал догматическое и пастырское богословие. А с осени 1955 года, после смерти нашего ректора епископа Ионы, Преосвященный Николай был единогласно избран ректором нашей семинарии. На этой должности и застала его смерть.

В окрестностях монастыря, в живописной местности, простирившейся вдаль до едва приметных гор, над обрывом и маленькой речкой, за которой таилось озеро в лесу, стоит белый дом в два этажа, где Владыка Николай провел свои последние годы. Дом этот не блещет необычностью архитектурного замысла или богатством украшений, и не заметно, чтобы был новым. Годы наложили свой отпечаток на этот одинокий приют, который

хоть и не блещет внешним своим видом, но внутри располагает полным американским комфортом и удобствами. Скромнен этот дом, но далеко вокруг все знают, что это бывшая летняя резиденция митрополитов, приезжавших в монастырь. А в последние годы жил в нем великий православный иерарх, сербский епископ Николай.

В жизни мы часто видим, что правда Божия — этот огонь, который манит путников в даль, исполненную чарующей красоты,— обитает не в роскошных дворцах, а в простых домах и даже в лачугах. Свет Христов сияет иногда и в таких скромных жилищах, мимо которых мы часто проходим, не обращая на них никакого внимания. Христос как Небесный Гость посещал лачуги бедняков и простецов порой даже чаще, чем великолепные хоромы гордых богачей и надменных мудрецов. Войдем же и мы в этот скромный домик и посмотрим, что там... Перед нами белая веранда, занавешенная с трех сторон тюлем; через внутренние двери мы входим в просторную гостиную и дальше в столовую и большую кухню, а справа расположены две жилые комнаты. Деревянная лестница ведет на второй этаж, где имеется пять спальных комнат со всеми удобствами.

Вот здесь и была квартира Преосвященного Николая.

Все последние годы жил и я в этом доме, не только под одним кровом с Владыкой Николаем, но и, так сказать, бок о бок, по соседству. Потому я имел счастье изо дня в день не только наблюдать его жизнь и труд, но и проводить с ним много времени в незабываемых разговорах, когда Владыка без околичностей делился своим огромным духовным опытом и с совершенным доверием высказывался по многим жизненным вопросам. Первое время жили в этом доме только мы вдвоем, Владыка Николай и я. И только через два года поселился в нижнем этаже еще один профессор, тоже одинокий.

Все это время Владыка Николай был близок мне, не только потому что знал меня десятки лет и хорошо относился ко мне, но и потому что мы жили обособленно, далеко от семинарии с ее интернатом для учащихся и классами, куда Владыку в непогоду возили на автомобиле. У Владыки был келейник, учившийся в семинарии, который приходил из монастыря. Владыка очень любил его. Это был иеродиакон о. Кирилл (Булашевич), который сейчас в сане иеромонаха подвизается на Аляске. Он наполовину рус-

ский, наполовину серб: отец его был русский морской офицер, а мать сербка.

Все свободное время мы проводили одни, предоставленные самим себе. Владыку редко посещали гости-сербы, и то все больше из Нью-Йорка и Лакаваны. Здесь, в помещении Сиротского дома, сербы иногда устраивали свои скромные праздники, чтобы в них мог поучаствовать и их дорогой Архипастырь и чтоб они могли ближе пообщаться с ним и послушать его мудрые со-веты. И этим своим гостям,

нескрываяемо верным почита-телям, Владыка Николай очень

радовался. К сожалению, эти посещения были редки и коротки, всего на один-два дня. Чаше приезжали Т. Топалович из Нью-Йорка и о. Миодраг Джюрич из Лакаваны.

На расстоянии примерно километра от нашего жилища стоит большое здание Сиротского дома, тоже на монастырской земле. Этим домом управляет священник о. Сергей Семинин, у которого есть семья: матушка и дочери Мария и Кира. Об этой семье нужно сказать несколько слов не только потому, что все ее члены приехали из Югославии и очень почитали Владыку Николая, но и потому, что эту семью Старец особенно ценил и нежно любил. Случалось, что он и по два раза на дню заглядывал к ним и минут 15–20 сидел за чашкой кофе. Все члены этой доброй свя-щеннической семьи вместе с детьми Сиротского дома оказывали почтенному Старцу любовь с предупредительностью. И трудно перечислить все услуги, которыми они старались порадовать Вла-дыку Николая: готовили его любимые сербские блюда, выполняли всяческие поручения, паковали его посылки на родину и главное — гостеприимно встречали его у себя и размещали прибывших сербов; уступали помещения для устройства сербских

Владыка Николай с иеродиаконом Кириллом (Булашевичем)

трапез и помогали в организации сербских торжеств. А при малейшем недомогании Владыки Николая вся семья отца Семинина ухаживала за ним.

Как было сказано выше, Владыка Николай преподавал в семинарии догматическое и пастырское богословие. И исполнял он эту свою должность с исключительной любовью. Потому и оставил неизгладимый след в душах слушателей, ставленников в священники, на всю их последующую жизнь. И все его бывшие слушатели, из которых многие уже стали пастырями американской России, с любовью вспоминают своего Преосвященного наставника и ректора.

Не обычная формальная обязанность собирала слушателей на его лекции, а нечто совершенно особое, что можно было на них услышать и ощутить. Лекции Владыки Николая не пестре-

ли блестящими высказываниями, учеными терминами и иностранными словами; в них не было того внешнего лоска, который обычно на весьма краткое время привлекает внимание слушателей; они не давили грузом учёности. Но поэтому они тем более восхищали своей глубиной и насыщенностью, пламенной верой, необычайной ясностью изложения мысли и простотой, которые свидетельствовали об огромных познаниях и религиозном опыте лектора. Поэтому

Ректор Свято-Тихоновской семинарии
с семинаристами

Владыка Николай по праву считался исключительно одаренным профессором, умевшим влиять на молодежь и привлекать к себе не только внимание своих слушателей, но и их сердца. А это самое важное.

Его лекции были оригинальными и интересными, колоритными и живыми. Они целиком захватывали внимание и неослабно владели им. Этот знаменитый и опытный иерарх-богослов и мыслитель читал свои лекции с таким глубоким знанием предмета и, я бы сказал, вдохновением, что на его лекциях появлялись и другие преподаватели. Всем хотелось услышать великого богослова и знатока души человеческой и поучиться у него.

Необычайно совестливый и внимательный во всех своих поступках, к студентам Владыка Николай был весьма снисходителен. Он ценил только свободное усердие ученика и был далек от всяких искусственных педагогических мер, от всякого принуждения. Подобные меры были совершенно чужды его духу и противны его добросердечному нраву. Его келья была всегда открыта для студентов; каждому он был готов дать совет, предоставить все необходимые справки, а часто и должную защиту. И непрерывная сердечная связь с воспитанниками в течение всего пребывания Владыки Николая в нашей семинарии имела огромное значение для их образования и религиозного воспитания. Это хорошо понимали сами воспитанники и умели высоко ценить такое отношение к ним со стороны их незаурядного наставника, а впоследствии ректора. Это отношение и подчеркнул один студент в своем прощальном слове, когда, проливая слезы над гробом Владыки, сказал, что Владыка Николай был для них не просто наставник и лектор, он был им как отец родной.

Кроме наставнических трудов, Владыка Николай за время своего пребывания в нашей Свято-Тихоновской духовной семинарии много времени и внимания посвятил богослужению и проповедничеству. Можно сказать, почти не было воскресенья, а тем более, праздничного дня, чтобы он не служил в монастырском храме и не проповедовал по-русски или по-английски. Проповедь на английском была нужна потому, что большинство прихожан монастыря составляли фермеры, давно переехавшие в Америку или родившиеся здесь и потому не знавшие русского языка.

Владыка Николай проповедовал обычно на евангельские темы, выводя мудрые заключения и поучая слушателей приме-

нительно к текущей жизни и событиям. И делал он это настолько мудро, что каждое слово его поучения западало в душу слушателей. Почти всегда проповедовал и очередной студент старшего класса семинарии. Но и этих юных проповедников готовил к проповеди Владыка Николай. Последние два года он их, в основном, готовил к проповедничеству, взяв на себя и третий предмет — гомилетику. Владыка обычно в классе говорил о теме будущей студенческой проповеди, затем студент приходил к нему в келью с планом задуманной проповеди, и, наконец, приносил написанный текст. Тогда он произносил проповедь перед Владыкой-наставником. Только после этого он получал право проповедовать в храме. Так заботливо подготавливал многоопытный архипастырь своих питомцев к ответственному делу проповедничества.

За годы обучения все студенты нашей Духовной семинарии вместе с их хором приглашались на приходы, как близкие, так и отдаленные. Приглашали их с миссионерскими целями: тогда совершалось праздничное архиерейское богослужение, на котором студенты прислуживали, читали, пели и проповедовали. Обычно выступали два проповедника, и в зависимости от состава прихода говорили на русском, английском, а иногда и на карпато-русском языке. Ко всем этим проповедям готовил их также Владыка Николай. И, надо признать, готовил их с усердием, терпением, любовью и великим искусством, которые удивительны. Потому и сегодня многие приходские священники с радостью вспоминают, что наставил их к пастырскому служению, учительству и проповедничеству великий иерарх, Преосвященный Николай Сербский. И что именно его подпись стоит в их аттестатах, для них всего дороже и намного важнее, чем даже университетские дипломы.

Можно только сожалеть, что этим даром не воспользовалась Сербская Церковь в течение 15 лет.

Духовный лик Владыки Николая

Наряду с внешним, существует еще внутренний мир. Он преисполнен таких глубин и таких тайн, каких мы не найдём нигде в мире внешней деятельности, какого бы высокого свойства она ни была. И в том мире содержится зерно вечной жизни. Тут само Небо. Тот мир не занимает никакого пространства, но, чем больше мы углубляемся в него, тем более он видится неохватным и необозримым.

В том внутреннем мире находится основа всей нашей жизни. Свет того внутреннего мира освещает весь порядок личной жизни, а также жизнь людей вокруг нас — видимый мир с тысячами его разнообразнейших проявлений. В том мире, может показаться, мало внешних знаний, фактов внешней активности. Но при кажущейся скудости дел в нем сокрыта глубина познания себя и всего, что нас окружает.

Здесь сияет драгоценная евангельская жемчужина (Мф. 13, 45—46). Гениальный ученый может показаться слепым в сравнении с таким человеком. И Спаситель говорит, что Его учение недоступно для тех, кто мудр внешней мудростью. И Апостол свидетельствует, что проповедь о Кресте для этой внешней мудрости — один только соблазн или одно безумие (1 Кор. 1, 23). Можно глядя не видеть и слушая не слышать.

Вот эта жизнь духа и была жизнью Владыки Николая за все время его существования, до последнего вздоха. Этим он был силен и славен. Эта жизнь духа накладывала особый отпечаток на все его существование и труды и создала в нем такие твердыни, о каких другие не могли и помыслить. Из того внутреннего своего мира он радостно смотрел на весь внешний мир с тысячами его простых и сложных проявлений. Тот мир придавал ему сил выстоять даже там, где другие безо всякого боя сдавались и гибли. Он осиявал ему все таким светом, какого напрасно домогались другие люди внешними средствами.

Там, где люди были и слепы, и безчувственны, и скорбны, Владыка Николай находил возможность быть радостным и безконечно сочувствующим. Там, где многие, как слепцы, не видели ничего, он своим духовным оком прозревал все. И получалась интересная картина. В одних и тех же явлениях он и другие люди видели совершенно разные, до противоположности, стороны. Читали одну и ту же книгу жизни, а понимали ее совершенно по-разному, словно читали какую-то никому не ведомую клинопись.

Заглянем хотя бы на несколько мгновений в этот особый внутренний мир Владыки Николая и посмотрим, что там.

Владыка Николай был исключительно глубоко верующим и проникновенно религиозным человеком. Его вера в Бога не поддается определению в сухих формулах и всяческих философских дефинициях. Это была живая вера в Живого Бога, Который настолько и непрестанно близок к человеку, что это трудно и вы-

разить человеческим языком. Он представлял Бога более близким к человеку, чем воздух, который нас окружает, ближе, чем само тело наше. Он представлял Бога как Того, Кто живет в самых сокровенных недрах нашей души. И в природе везде — от самой малой частички пыли до огромных явлений — Владыка Николай видел и созерцал Бога. И это постоянное ощущение близости Божией к человеку выражалось у него прежде всего в молитве.

Молитва для многих — пустой звук, формальное отправление культа. Для Владыки Николая она была священным гимном в честь Того, Кто держит все в Своей всемогущей, премудрой и благой деснице. Молитва — это живая беседа человека с Богом о том, что для него дороже всего в мире и в целой вечности. Вот почему часто заставляли Владыку Николая молящимся. В своей комнате он с исключительным усердием совершал молитвы и вычитывал службы. А в некоторых его заметках содержатся интересные записи о том, как он противостоял человеческим слабостям на молитве.

Владыка Николай, этот редкостный молитвенник, рассказывал, как много он боролся с собой, приучая себя к молитве. И наблюдая за ним в течение многих лет, мы видели картину его великой борьбы с собой. Как страж, который стоит на опасном посту, бдительно смотрит он повсюду и на все, что происходит возле. И так из года в год внимал себе и бдил этот Великий Иерарх. Если только в мыслях представить себе это, сама собой поражает огромность его внутренней борьбы.

Приведем несколько мыслей-замечаний Владыки Николая о молитве. «На молитве не было достаточно покаяния»... «При молитве побуждение к покаянию, но не в достаточной мере» ... «Читал Покаянный канон. Волнение при чтении канона»... «Нехватало доброго расположения при чтении»... «Молился искреннее и теплее, чем в прошлый раз»... Эти краткие замечания приоткрывают ту тайну жизни, которая протекала в этой глубоко верующей душе. О какой силе и чистоте духа свидетельствуют они! То, чего для многих и не существует, что целиком ускользает от внимания, здесь примечается с малейшими подробностями и нюансами.

Владыка Николай молился не только в келье. Можно сказать, что он молился всюду. Молился, идя в храм или в семинарию. В хорошую погоду он прохаживался по безлюдной аллее, а в это время уста его шевелились, что-то шептали; взгляд был со-

средоточен на чем-то изнутри. Задерживался... останавливался на какой-то невидимой внутренней точке. Молился он и гуляя по монастырскому кладбищу.

И сам я не раз совершенно неожиданно встречал его и заставал на молитве. Хорошо помню эти мгновения. Вот он стоит за кустом густой сирени, почти незаметный в ее ветвях. Солнце заливает своими лучами землю. Чистый прозрачный воздух дрожит. Вокруг тишина. Природа словно совершает своё богослужение. И вот, среди этого служения природы и служитель Божий, с седой непокрытой головой, стоит и возносит славословия и благодарения Тому, Кто мудро все создал и Кто нам так близок, Чье дыхание чувствуется во всяком и самомалейшем кустике, листике, травке, душистом цветочке. Взгляд святителя устремлен к небу, а уста шепчут молитву. И от сильного молитвенного чувства все ниже склоняется голова седого Старца.

Но когда Владыка замечал, что кто-нибудь приближается, он быстро принимал обычное положение, чтобы не дать понять, чем он занимался. Я всегда старался в подобных случаях незаметно скрыться дабы не нарушить молитвенной настроенности Старца.

Однако, надо сказать, что Владыка в своей жизни не ограничивался одними молитвенными подвигами и созерцаниями. Свою веру в Живого Бога, имя Которому Любовь, он непрестанно старался доказать делом. И с этой стороны он был столь необычайно высок и велик, что не многие монахи-подвижники, удалившиеся в монастыри, могли бы сравниться с ним. Он был несребролюбив в буквальном смысле этого слова. Все, что получал от многочисленных почитателей, всегда отдавал нуждающимся. Потому и умер совершенным бедняком.

Можно было бы говорить и о многом другом необычайном, происходившем в белом домике в окрестностях Свято-Тихоновского монастыря, где тихо прожил Владыка Николай последние годы своей жизни. Но время и место не позволяют нам рассмотреть подробнее тайники души Великого Архипастыря, жившего здесь. Однако верится, что придет время, когда мы сможем, и не однажды, вновь вызвать из памяти все, что было пережито в этом домике. И тогда обо всем будет рассказано верным почитателям Великого Николая. Духовный образ Владыки Николая тогда еще выше вырастет в наших глазах, и еще ниже преклонятся перед

ним головы и сердца не только почитателей, но и гордых, много мнящих о себе неразумных противников Старца.

Смерть Владыки Николая

Свободное от работы в семинарии время Владыка Николай в основном посвящал научному и литературному труду. И это творчество представляет самую видную, самую богатую сторону его деятельности за всю его жизнь не только в Свято-Тихоновской Духовной Семинарии, но и в Америке вообще. В творчестве в наибольшей мере проявились свойственные ему таланты: обширность познаний, ученость и трудолюбие. При знакомстве с этой его деятельностью поражает его необычайная плодовитость. Владыка писал много, писал непрерывно и на различные темы. Можно по праву сказать, что богословские труды были для него необходимой потребностью, без утоления которой он не мог чувствовать себя довольным. Его перо не знало усталости, и очень часто случалось, что он одновременно писал несколько сочинений. Владыка Николай оставил богатое литературное наследие. Но, к сожалению, оно повсюду разбросано и необходимы огромные усилия, чтобы собрать его произведения на разных языках воедино и описать их.

Все остальное свободное время — много времени — Владыка Николай посвящал келейной молитве, чтению. И я, в последние годы живший с ним бок о бок, поражаюсь необычайному трудолюбию этого незаурядного старца-святителя. То была великая милость Божия к этому великому служителю Его, архипастырю и молитвеннику. Часы напролет проводил Владыка Николай за письменным столом, окруженный горами книг, стопами бумаг, рукописями и записными книжками. Он участвовал во многих изданиях, и почти каждый год выходила из печати его новая книга, а иногда и несколько. Писал он на сербском, русском и английском; бывало, что писал и на немецком, потому что отлично владел и этим языком. Но он не любил пишущей машинки и избегал диктовать; писал по-старинному — от руки и четко, так, чтобы каждый мог легко и свободно прочитать. Много времени посвящал Владыка Николай правке корректур своих сочинений, выходивших в свет. Но достаточно трудился он и над чужими рукописями, которые ему в изобилии присылали досужные «литераторы».

Много времени уходило у него и на обширную переписку, потому что к нему обращались со всех концов земли за советом, благословением, ободрением. Часто писали и из отечества. Вообще, Владыка Николай в последние годы больше всего времени посвящал молитве и сербскому делу. Но, к сожалению, насколько мы могли видеть, при жизни к Владыке не проявляли достаточного внимания и заботы, а потеряв его, начали плакать и жалеть о том, что не сохранили великого Старца, не оказали ему должного попечения. Об этом еще будет речь впереди, а сейчас вернемся к описанию жизни Владыки в одиночестве, вблизи монастыря.

Известно, что Владыка Николай был не только подлинным, но и храбрым патриотом. Он всецело жил интересами своей Отчизны и страдал ее страданиями. Поэтому свою вынужденную разлуку с ней он переживал болезненно. Ностальгия становилась подчас сильной и мучительной. В такие часы ему тяжело было оставаться одному, и он приходил ко мне совершенно сломленный и почти отчаявшийся. Сильно мучило его и то, что он был совершенно отстранен от жизни Сербской Церкви. И много говорил он мне тогда обо всем этом, но еще не пришло время предать огласке эти разговоры Старца, которые я старательно все записывал.

А приходил Владыка Николай ко мне потому, что я его, при нашем одиночестве, отчасти мог понять. Через свою семью я был близок к его родине, прожив в Сербии более 26 лет, был связан с ней радостями и горестями. Кроме того, своими скромными делами я был связан с Сербской Церковью и искренне любил ее. Много мы тогда говорили — откровенно, от всего сердца и запросто. Как мог, я утешал его и что было возможно, передавал его близким. Писал и исполнял его поручения, когда Владыка сам по каким-либо причинам лично не мог обратиться к тому или иному лицу.

Однажды, подавленный чувством ностальгии, Владыка Николай выразил сожаление, что у него нет флейты, на которой он с детства любил играть. Я тут же написал епископу Призренскому Владимиру (Раичу) и вскоре получил от него флейту, великолепно исполненную кем-то из почитателей Владыки Николая. Помню, когда передавал ее Старцу, он как дитя обрадовался, ведь флейта была из его дорогой Отчизны и напоминала о ней. И впоследствии часто, когда Владыка — всегда исключительно

деликатный — думал, что все в нашем доме спят, начинали разливать звуки флейты, мелодии дорогих сердцу сербских песен. Это Старец, Владыка, как в древности Иувал (1 Быт. 4, 21) или Роман Сладкопевец, наигрывал дорогие ему сербские мелодии и плакал. И когда я дважды после этого входил к нему в комнату, то заставал Старца в слезах. Но плакал не только он — плакал и я, еще намного раньше лишившийся Родины. И для нас обоих тяжка была участь оставить свои кости на далекой чужбине.

Так мы приблизились в этих воспоминаниях к крайне болезненной теме, а именно, к вопросу о небратском отношении церковных властей к старейшему и заслуженнейшему собрату, к Владыке Николаю, в последние годы его жизни, в годы скорбной и горькой эмигрантской жизни. И, сохраняя полную объективность незаинтересованного стороннего наблюдателя, должно сказать, что это отношение не только было небратским, но часто выливалось в открытую неприязнь к великому имени и популярности Владыки Николая. Часто оно переходило за грань жестокости по отношению к старому и немощному великому иерарху. Говорят, что главным мотивом такого отношения была человеческая зависть. Мы не считаем себя компетентными для вынесения суждения и оставляем все целиком на совести виновников такого отношения. Бог и история вынесут свой суд. А письма и слова об этом вопросе самого Владыки Николая мы приведем в другой раз в другом месте.

Во всяком случае, при наличии больших возможностей и средств церковная власть оставила своего знаменитого иерарха, великого и известного во всей Православной Церкви, без столь необходимой заботы и внимания. Мало того, когда жизненные условия Владыки Николая улучшились, его неприятели попытались даже ухудшить их. Когда стало известно, что Владыка Николай приглашен как наставник к нам в Семинарию, то уже через несколько дней с великой поспешностью прилетел (в буквальном смысле слова) правящий сербский епископ и со свойственной ему грубостью потребовал, чтобы Старец покинул нашу Семинарию. Налицо было явное желание, чтобы Владыка Николай снова оказался в нужде и тревожениях. Но на этот раз Старец удивил нас твердостью и решительно отказался исполнить требование своего немилосердного собрата.

Но эта борьба дорого обошлась измученному Владыке Николаю: совершенно сломленный морально и физически, он

пролежал в постели более двух недель под наблюдением американского доктора и монастырской братии. Тогда нам и сказал: «Запомните, если я умру здесь, тогда похороните меня здесь... на монастырском кладбище. Здесь я обрел спокойствие и сердечную заботу добрых людей. Молюсь и тружусь на пользу Церкви... так пусть здесь и кости мои упокоятся. А там... может, когда-нибудь их перенесут на Родину». Это он впоследствии часто напоминал и повторял. А однажды, прогуливаясь по монастырскому кладбищу с семинарским инспектором, человеком тоже изрядного возраста, он сказал: «Вот здесь хорошо было бы нам обоим упокоиться», — и при этом показал на место вблизи могилы профессора Спекторского, которого очень ценил.

Но все это сейчас уже несущественно. Время шло. Однако за все время пребывания Владыки Николая у нас его ни разу не посетил правящий сербский епископ, никогда не звонил по телефону и не спрашивал о Старце-собрате.

В начале осени 1955 г. умер ректор нашей Духовной семинарии Преосвященный Иона, и наш Профессорский совет обратился к Архиерейскому Собору с просьбой утвердить Владыку Николая ректором. И вскоре Собор охотно удовлетворил нашу просьбу. Но, как это было и в первый раз, при назначении Владыки Николая нашим профессором, наш митрополит из деликатности снова обратился за одобрением к правящему сербскому архиерею. И вот тут произошло то, что всех нас удивило своей неожиданностью, а Владыку Николая сильно поразило. Но на этом вопросе, учитывая его большую важность, необходимо задержаться подольше.

Со дня смерти нашего бывшего ректора епископа Ионы 26 ноября 1955 года, Владыка Николай спокойно работал как ректор. А 12 марта следующего, 1956 года, когда я собирался на несколько дней в Нью-Йорк в нашу Митрополию, здороваясь с Владыкой, я заметил, что он необычно взволнован и нервозен. Я спросил его о причине, но Владыка сперва помолчал, а потом тихо сказал: «Нет, со мной ничего...». А затем добавил: «Когда будете в Митрополии, узнайте, что там за письмо. Кажется, оно касается меня». Я не придал тогда этому значения и когда на следующий день был в Митрополии, запомнил об этом упоминании Владыки Николая о письме. Но когда я, закончив дела, уже выходил из канцелярии, ко мне обратились с просьбой: «Вы знаете

сербский язык, переведите нам в точности это письмо». Я взял письмо, адресованное правящим сербским епископом митрополиту. И как только я прочел первые строки, то сразу понял, что это как раз то письмо, о котором просил узнать Владыка. Мое предположение впоследствии полностью подтвердилось. Это письмо, совершенно исключительное по форме и содержанию, настолько показательно для понимания всего происшед-

шего, что я нахожу нужным привести его содержание хотя бы в сокращении... «Вы просили о моем согласии, писал епископ Дионисий русскому митрополиту, чтобы ректором Вашей Семинарии стал сербский епископ Николай. Его Преосвященство епископ Николай уже давно и хорошо знает мое мнение по этому вопросу (разумеется, отрицательное! — В. М.). А за разрешением он должен обратиться к Патриарху в Белград... Но встает еще такой вопрос: перейдет ли епископ Николай одновременно с этим под Вашу русскую юрисдикцию? Это само собой разумеется, если он будет служить у Вас...».

Излишни всякие комментарии к этому письму. Оно оскорбительно для любого человека, а тем более для заслуженного Старца-иерарха, который был украшением не только своей, но и всей Православной Церкви. Кроме того, в письме была одна очевидная неточность. Тут говорится о том, что «встает вопрос: перейдет ли епископ Николай под русскую юрисдикцию». Но такой

вопрос просто не имел места, и как раз епархиальный архиерей отлично знал, что об этом никогда не было речи. Этого никогда и никто не предлагал Владыке Николаю, зная его исключительный патриотизм. Вообще, в нашей юрисдикции все радовались, что могли обеспечить спокойную жизнь великому православному иерарху, и гордились тем, что он крохи своих огромных познаний передаст будущим поколениям. Однако мысль склонить его к переходу под нашу юрисдикцию никому даже в голову не приходила, потому что этого вообще не требовалось. Такая мысль родилась единственно и только в голове непримиримого противника Владыки Николая. Эта мысль епископа Дионисия об «юрисдикции» тем более странна, что сам бывший его секретарь, архимандрит Фирмилиан, сейчас является профессором нашей семинарии в Нью-Йорке, а митрополит Болгарский Андрей ее деканом. И никому из них не приходило в голову менять юрисдикцию. Это отлично знал и епископ Дионисий. В чем же тогда дело?

Но вернемся к нашему рассказу о последних днях жизни Владыки Николая. Известие о содержании письма епархиального архиерея к нашему митрополиту Владыка Николай получил за несколько дней до моего отъезда в Нью-Йорк. И потому, как было выше сказано, он был так сильно взволнован и просил меня расспросить в Митрополии о приведённом письме. Нужно еще упомянуть, что за несколько дней до этого в сербской газете, которую получал Владыка Николай, появилось сообщение о том, что он опасно болен. Он сам нам об этом говорил и при том с болью добавил: «Рано хотят недруги похоронить меня... Но даст Бог, я еще поживу». Это было за 11–12 дней до неожиданной смерти Владыки Николая.

А сейчас с тяжелым чувством перехожу к самой деликатной части воспоминаний. В течение последних лет пребывания у нас Владыки Николая в монастырь приезжал один серб, из вновь прибывших эмигрантов. Владыка не был этим особенно доволен и сторонился его, не испытывая к нему полного доверия. И вот этот серб — после того, как отсутствовал более года — однажды снова появился у нас, в крепкую зимнюю стужу и сильную выюгу, в самый канун внезапной смерти Владыки, а точнее, в субботу 17 марта 1956 года. Из-за глубокого снега, не дававшего возможности пользоваться автомобилем, Владыка перебрался на несколько дней в здание семинарии, поближе к монасты-

рю и храму. И вечером в субботу, после ужина, он заходил в комнаты семинаристов. Говорил с ними о Литургии завтрашнего воскресного дня, когда должен был проповедовать на приходе семинарист из старшего класса. Заходил Владыка и к секретарю семинарии и передал ему некоторые подписанные бумаги... Около 10 часов вечера семинаристы видели, как серб DP [англ. displaced person незваный гость — Ред.] входил в спальную комнату Владыки. А после 11 часов они видели, как он с кофейными принадлежностями ходил за водой, говоря, что готовит для Владыки черный кофе. Семинаристы очень удивились тому, что Владыка так поздно захотел кофе, которого он в последнее время вообще избегал по предписанию врача. Когда и как серб ушел от Владыки, никто не видел. Здесь и кончается все, что вообще известно о последних часах Владыки.

На следующий день, в воскресенье 18 марта, все семинаристы с о. инспектором и певчими уехали в 7 часов утра в миссионерскую поездку на дальний приход. А Владыка Николай должен был служить в монастырском храме. В положенное время зазвонил колокол, и в храме приготовились к встрече Владыки. Однако он не появлялся. Тогда игумен о. Василий пошел в семинарию и постучал в дверь владыкиной кельи, но ответа не было. Он вернулся в монастырь и известил об этом настоятеля, решили ждать Владыку. И как раз в это время, минут через 15–20, послышался телефонный звонок: оказалось, что епархиальный сербский архиерей, никогда прежде не интересовавшийся здоровьем Владыки Николая, вдруг спрашивает о состоянии его здоровья... Все в монастыре удивились, потому что знали, что никогда раньше не оказывалось такого внимания Владыке Николаю. Поговорили, подумали, и настоятель сам пошел в семинарию. Постучал в дверь, но ответа также не было. Тогда он силой открыл дверь. И увидел такую картину: в ночном белье Владыка лежал ничком на полу возле кровати, ногами к дверям, а головой к окну. Настоятель подбежал и хотел поднять Владыку, но тут же понял, что он мертв. На голове Владыки виднелась маленькая рана, а в руке были четки, подаренные ему русскими монахинями.

Настоятель выбежал из комнаты, позвал из монастыря насельников и секретаря семинарии. Из ближайшего городка позвали врача, который установил смерть, наступившую за несколь-

ко часов до того. Причину смерти без вскрытия он не мог назвать. Прибывшие позже сербы просили не делать вскрытия.

Тело Владыки перенесли на кровать и отслужили первый парастас. Оповестили нашу Митрополию в Нью-Йорке и владыку Дионисия в Либертивилле. А также сербские церковные общины в Нью-Йорке, Лакаване и другие. Ожидали приезда сербов. Тело Владыки было перенесено по глубокому снегу в монастырский храм и облачено.

К вечеру стали съезжаться сербы, и у гроба Владыки начались споры о том, где его хоронить. Здесь, на русском монастырском кладбище, как выразил желание Владыка, или в сербском монастыре в Либертивилле? Некоторые настаивали на последнем, говоря, что «сербам было бы неприятно, если бы сербского владыку похоронили в русском монастыре»... Разумеется, русские соблюдали корректность и в спор не вмешивались.

На другой день рано утром явился и сам владыка Дионисий и с первой же минуты поразил нас в монастыре и семинарии. В присутствии монахов и вернувшихся семинаристов он воскликнул у одра умершего: «При жизни ты меня много мучил... а после смерти заставил ехать по непогоде».

Затем с несколькими сербами, приехавшими с ним, он бегом устремился в покои Владыки Николая (и в нашем доме и в семинарии) и подверг их полному разорению: отворяли чемоданы и сундуки, хватали все, что попадалось под руку, а особенно их интересовала переписка Владыки и его заметки. Погрузили они все это в свои автомобили и увезли. Другие сербы пытались по-

мешать этому противозаконному разграблению и, за отсутствием американских властей, кричали, ругались и даже грубо бранили владыку Дионисия... Но ничто не помогло.

Когда я приехал, комнаты Владыки Николая являли собой неопишное зрелище опустошения: все было перевернуто, на полу валялись сотни писем, бумаг, коробок и др. Зрелище, какого я до сего дня никогда в жизни не видел! И самое печальное было то, что так поступили с памятью и наследием величайшего православного иерарха, светила Церкви и богословской науки... Все это стало возможным только в моё отсутствие. Если б я был на месте, никого, кроме врачей, не подпустил бы к телу Владыки до вызова из соседнего городка полиции, которая провела бы расследование и опечатала покои Владыки. Затем только по решению суда были бы вскрыты комнаты Владыки, и все подробно было бы описано, приведено в порядок и взято на учет. Кроме того, я нисколько не сомневаюсь в том, что у такого человека, каким все мы знали Владыку Николая, при его характере, не могло не быть письменного волеизъявления на случай смерти или даже официального завешания. В этом меня убеждает не только его характер, но и другие обстоятельства. Но об этом — тоже в другой раз.

1958

Перевела Зинаида Пейкова

Йован М. КОНТИЧ

ВЛАДЫКЕ НИКОЛАЮ — НАД ГРОБОМ

(прощальная песнь в прозе)

Закрл ты усталые очи. Навеки. Лежишь в простом деревянном гробу, под пёстрым покрывалом, сотканном заскоружлой рукой крестьянки. Таким же покрывала тебя мать, когда ты появился на свет. Ныне, в конце пути, — как в начале. Завет. Сколь высоко поднялся ты. Словно гора. В жизни и в смерти. Не потому, что на голове твоей митра. Носили её многие и до тебя, а прошли незаметно, словно будни в году. Так пройдут многие и после тебя. Ты исполин, потому что ты Владыка Николай.

На мраморном лице твоём — отпечаток покоя и мира вечно-го. Ты уплатил долг Богу и своему народу. С тех пор как ты возмужал, ты отдал им всякий час и день жизни. Благоплодно. Потому лицо твоё так блаженно...

Саввы Неманича ты ниже. И только его. Схож с ним скромностью и мученичеством. Он сгорел после телесной смерти. Ты — при жизни. Ты был учителем народа сербского, как и Савва. Потому ты к нему ближе всех.

Ты не водил войска в сражения, как святитель Петр Цетиньский, но провожал их с крестом и молитвой. Из боя в бой, чрез победы к славе. За свой сербский народ твёрдо стоял ты и пред лицом Божиим. Твой народ никогда не отнимал чужого. Он защищал очаг и имя. Потому ты всегда имел дерзновение в речи и молитве за свой народ. Петру ты подобен.

Ты не вёл свой народ физически, спасая его от завоевателей, как патриарх Арсений Чарноевич. Ты просвещал его, чтобы он сам мог принимать судьбоносные решения. Духовно ты вёл свой народ, как никто другой до тебя. «Лучше временно оставить дом, но сохранить веру в Бога, Правду и Свободу», — говорил ты. Мы слушали тебя. Ты шёл с нами. До Голгофы. Потому ты равен Арсению.

Мудростью, дарованною от Бога и приобретённою бессонными ночами, ты равен Владыке Негошу. Всех остальных на голову выше.

Проповедями мудрыми, оратор славный, ты превзошёл всякого черноризца, от возникновения имени сербского и доньше. В них ты уже давно переступил границы своей страны и далеко шагнул в христианский мир. Потому ты Николай Златоустый.

Тень твоего огромного величия была тяжела. Мелкие в твоей тени не были даже заметны. Когда люди со слабым зрением долго смотрят на солнце, они слепнут. Потому они должны были держаться от тебя как можно дальше. Прости им!

Учитель сербский, припади ко Господу и моли Его, да дарует в каждом веке по одному сыну, тебе подобному. И будем мы богаты. И духом сильны.

Перевела Анна Евстратова

Святитель ИОАНН (Максимович)

О СВЯТОМ ВЛАДЫКЕ НИКОЛАЕ

В конце прошлого столетия привели к одному епископу маленькой тогда Сербии мальчика благословить в семинарию. “Куда нам такой, сказал владыка, взглянув на ребёнка. Зачем посылать такое немощное дитя? Не выдержит там, помрёт, и зря выбросим деньги”. Видя, однако, сколь мальчик охоч до ученья, владыка всё же решил послать его в семинарию.

Вот как бывает: что выглядит малым в глазах людей, велико есть пред Богом (ср. I Кор. I, 27—28).

Это был Николай, великий святой и Златоуст наших дней. Возрастая телесно, ещё выше возрастал духом малый Велимирович. Как губка впитывает воду, так и он напITYвался науками. Не одна, а несколько школ имели в нём своего слушателя и ученика. Сербия, Россия, Англия, Германия и Швейцария видели его на своих просторах как пчелу, собирающую мёд. Не стремился он лишь много знать, стремился постигнуть Истину. Твёрд в вере Православной, он стремился и умом постичь то, что даёт вера. Не сомневался в истинах веры, но стремился разум свой освятить Истиной и послужить ей умом, сердцем и волей. Развивал свой разум, чтобы от плодов его напитать не только себя, но и других. Сколь возрастал разумом, столь возрастал и духом. Постепенно ослабевали его человеческие немощи, созидался духовный исполин, светел и умом и житием. Подобно святому Григорию Богослову, *иже главны Духа и зикнавши, и доброты в ещаниа приложиса* ему. Тот маленький мальчик, такой слабосильный, что боялись его в школу отдать, сделался великий учитель Церкви Православной, проповедник Православной веры, мудрый пастырь, духовный вождь Сербии, столп своего Отечества, апостол Православия в дальних землях.

Постоянно размышляя о высших вопросах, он черпал мудрость отовсюду — из науки, из природы, из событий обыденной жизни, но более всего просвещал душу свою светом божественным, питая её Священным Писанием и молитвою. Он учил своим примером и словом, на всяком месте и на всякое время, не взи-

*Святитель Николай Охридский и Святитель Иоанн Шанхайский
(настенная роспись в храме монастыря Сретенье в Овчар-Бане)*

рая, разговаривает ли с одним человеком или его слушают тысячи людей. Когда заранее было известно, что проповедует Владыка Николай, собирались в большом количестве: и верующие и маловерные, мудрецы и простецы, и стар и млад, профессор и ученик — для всех были поучительны и полезны его речи.

Своими литературными трудами Владыка Николай вошёл в ряд великих церковных писателей — отцов Церкви.

Он является украшением и славой Сербской Церкви, и одновременно принадлежит полноте Православной Церкви. Как о святом Иоанне Златоусте сказал святой Прокл, что ему лишь второй Златоуст может воздать достойную хвалу, так и епископа Николая может похвалить единственно ему равный.

Он свою земную жизнь завершил на молитве, и мы веруем, что теперь молится за нас пред Небесным Престолом Спасителя мира, Которому верно служил.

1958

Мария МЕЛЬКОВА

СЕРБСКИЙ СТАРЕЦ СХИАРХИМАНДРИТ ИУЛИАН (КНЕЖЕВИЧ)

В 2006 году исполняется 5 лет со дня упокоения схиархимандрита Иулиана, сербского старца, старейшины и духовника в течение почти полувека малых и больших монастырей, студеницкого и градацкого настоятеля, “одного из великих столпов мученической свято-саввской Церкви, — по словам владыки Афанасия (Евтича), б. Захолмско-Герцеговинского. — И, мы веруем, этот столп ныне явился и столпом Небесной Церкви, ибо на семь столпов Премудрость созда себе дом.

Мы его проводили, осиротевши с одной и обогатившись с другой стороны. Осиротевши, ведь он служил здесь для нас столпом, хотя и он был хрупкого тела, брэнного, как брэнно всё потомство ветхого Адама. Однако нас всех поддерживал. Наиболее своим бытием, христианским, монашеским и сербским, своим следованием евангельским подвигам. Но мы и обогатились его переходом в Церковь Небесную, где его встретили, распростерши объятия, преподобный Симеон и святитель Савва, благоверный Стефан и преподобная Анастасия и лик студеницких и других подвижников, а там и мучеников сквозь века. И там за нас молится да нам будет из того мира ещё более помощи. Проводили его мы все, кто перед ним в долгу, и мы все, кто его знал, и все те, кто его знал больше нас, кто говорил, что старец Иулиан мог бы быть патриархом сербским, неважно, с какими школами и дипломами и с чем ещё. А он и был монашеский патриарх сербский. И собрат ему Патриарх и епископ Павел, его постриженник.

Всякая ему похвала за всё, что сделал, и более всего за его облик и подвиг, за то, что нёс Крест Христов — ни жаловал-

ся, ни хвалился, ни причитал, ни пел, разве того, что Богу пел. Да будет нам пример всем, да не требуем никаких почестей и да не жалуемся, когда придут тяготы. Сколько раз он просто сходил с настоятельского места или его низводили, а и вновь возводили, и никто никогда не слышал от него слова «почему»? Сколько доброго сделал, обновляя, восстанавливая святыни, храмы, монастыри и церкви...”

Как писал в посмертном слове его собрат архимандрит студеницкий Савва (Милошевич), “Бог отца Иулиана призвал к жизни в тяжелейшее время сербского физического и ещё более тяжкого духовного рабства. Привыкал к терпению «страдания и боли рода своего» во утробе матери своей пока ещё длилась I Мировая война. От самого зачатия приобщался родолюбию и тяге к возвышенной и святой жизни от крови и духовных и святых чувств своих набожных родителей Николы и Дивны, которые его, одного из десятирех своих чад, произвели на этот свет 25 июля 1918 г. Рождён в невеликом селе Виткове, вероятно, по желанию своих насельников увенчаться славы Небесной зовомом «Венчац».

Это желание Радомира Кнежевича (таково было мирское имя о. Иулиана) двенадцатилетним отроком приводит в монастырь ради осуществления жизненной цели — стяжанию святости чрез служение Богу и роду своему в святых обителях. Ещё в восьмилетнем возрасте два раза бежал в монастырь, откуда его возвращали домой. Ребёнком научен от родителей всякому благочестию, вере и набожности он одновременно был приучен к любому делу подходить ответственно. Детство тогда мало кого баловало. И совсем малые детки имели ежедневные повинности в посильных трудах по дому. И он двенадцати лет поступив в монастырь Стрмац возле Бруса, стал нести все строгости монашеской дисциплины. У своего первого игумена, известного священномонаха, великого духовника о. Даниила (Синько), карпатского русина, должен был вставать в полночь на монашеское правило до утра. Нужно было трудиться на всех послушаниях, часто самому готовить трапезу, выполнять и более тяжёлые работы. Градацкие сестры рассказывают, что, по словам самого старца, он сыздетства навыв житейским тяготам и, например, в молодые годы никогда не мёрз, даже зимними поездками верхом в снег и буран.

В монашеской школе монастыря Дечаны послушник Радомир дополнил свое духовное образование в течение 4 лет, по завершению чего пребывает в монастыре Вуян, где 13 августа 1939 г. пострижен в чин архангельского образа (малая схима) и получает в монашестве имя Иулиан. А в сентябре того же года в сан иеродиакона и затем иеромонаха его рукополагает Святой Владыка Николай (Велимирович)⁴, великий обновитель Жичской епархии и особенно монашеской жизни, в частности, на «малой сербской Святой Горе» — в многочисленных обителях Овчарско-Кабларского ущелья. Здесь он последовательно несёт послушания приходского священника, наместника и настоятеля монастыря.

По воспоминаниям его благовещенского собрата архимандрита Иоанна (Радосавлевича), осенью 1944 г. в округе происходили тяжёлые бои между четниками-монархистами, партизанами-коммунистами, оккупантами немцами и болгарам. Братство обители вынуждено было бежать в соседние селения. Юноша Гойко Стойчевич, незадолго перед тем перешедший из другого монастыря, возвратился с полдороги в Вуян, не желая по причине хрупкого здоровья идти в неизвестность. Через несколько дней вернулся и о. Иулиан. Так они вдвоём и жили, заботясь о монастыре, сохраняя в нём то, что могли до возвращения остальной братии. Батюшка обслуживал тогда монастырский приход, терпя великие невзгоды и поношения от разных войск. Однако его как молодого, но известного по прекрасным проповедям, мудрому и тонкому обхождению с людьми, все очень любили и защищали, хотя один участок прихода был настроен более партизански, а другой — четнически.

Так иеромонах Иулиан рано возмужал в зрелого духовника и рачительного хозяина и был в молодых годах произведён в сан игумена. После II Мировой войны он был самым молодым игуменом Жичской епархии, а может быть и всей Сербской Церкви.

В 1945 г. о. Иулиан был перемещён в монастырь Благовещенье на «малой сербской Святой Горе», с ним перешли три послушника, и среди них Гойко. А настоятелем там был великий духовник по образу святителя Саввы о. Василий (Доманович), исповедник от мучителей-партизан. К благовещенской

братии принадлежал и о. Антоний (Джюрджевич), ратник, тоже исповедник, во время войны совершавший своё пастырское служение ближним, таким же, как и он, узникам лагеря Гнатесдарф в Австрии.

“Со мной из Вуйна, — говорил о. Иулиан, — в Благовещенье перешёл Гойко Стойчевич, получивший перед войной диплом Богословского факультета. Позже был перемещён в Рачу, как и о. Василий, так и Гойко, сегодня монах о. Павел, потому что мы постригли Гойка в 1947 г.” Там в Раче собралась дивная духоносная братия:

О. Василий, который по своему великому монашескому смирению и братской любви к о. Иулиану понудил его принять управление монастырём. Потом Промыслом Божиим он был направлен в Боснию ради обновления порушенной войной великой святыни — Чайничской церкви со знаменитой чудотворной Чайничской иконой Божией Матери, в чём ему помогал весь глубоко почитавший его местный люд, также и мусульмане. Будучи позднее наместником о. Иулиана в Студенице, этот великодаровитый пастырь в 49 лет был неожиданно для всех своих чад и собратьев призван ко Господу после краткой болезни в 1963 г., вызвав тем великую тугу и печаль, но и радость о новом заступнике за нас пред Престолом Божиим.

О. Антоний тоже принял потом послушание возобновить монашескую жизнь в опустелых и порушенных обителях: сначала Пустыня, за что был удостоен сана игумена, затем Троноша, где его произвели в архимандриты за великие труды, понесённые по восстановлению этих знаменитых святынь. Когда по смерти Святейшаго Германа Архиерейский Собор избирал нового Патриарха, требовалось, чтобы из трёх записанных на отдельных листках имён кандидатов всеми почитаемый старец-духовник вынул жребий согласно воле Божией. Для этого священнодействия был приглашён о. Антоний. Положив три земных поклона пред Честным Престолом в столичном Кафедральном соборе, он в виду архиереев извлёк хартию, на которой было написано *Павле*, то есть имя его рачанского собрата, бывшего послушника Гойка Стойчевича. Архимандрит Антоний мирно, хотя также нечаянно для паствы и почитателей преставился ко Господу в 1997 году.

Студеницкий игумен

На отпевании старца Иулиана в монастыре Студеница владыка Афанасий говорил, что утверждёнными столпами Сербской Церкви «были о. Иулиан, о. Василий — в Раче, потом в Чайнице, обновитель предивной чудотворной церкви — могила его тут. А там и о. Антоний, узник концлагеря, создатель послевоенных Пустыни и Троноши, тот, чрез кого Дух Святой избрал своего четвёртого столпа, который ещё пребывает с нами, младший по возрасту, но не слабейший

по силам, верою накрепчайший, — Святейшаго Павла. Когда я недавно, святые отцы, братия и сестры и чада, в Грачанице служил с Павлом — и он есть рачанский собрат этой четвёрки, а о. Иоанн пятый, — и он нас причащал, видел я, что руки его, как у Царя Лазаря, чьи святые мощи были 12 лет назад в Грачанице. И сейчас поглядите на руки о. Иулиана, почти мощи — и по цвету и по видимо исходящей от них благодати... Что он претерпел и та рачанская братия! И как претерпели тяжкие времена безбожные, пошли подобно апостолам по сербским землям: он сюда в Старый Влах, о. Василий в Герцеговину, о. Антоний в Старый Срем, о. Иоанн на другую сторону, а Павел на мученическое Косово и Метохию...

Молим тя, отче Иулиане, молися Богу и за нас, буди народу нашему хранитель и управи его путем, коим шествовал еси. То был блаженный путь, кои и ныне продолжает душа твоя, ибо что начато здесь, то и продолжается горé... И там желали бы мы все почивать, что и есть Живот Вечный. Сербь суть народ, который верует в Жизнь, как говорил твой и наш духовный отец Святой Владыка Николай. Сербь суть народ

культы живых. Потому что так любят ушедших и хотят быть с ними, ведь те у Бога живы, а были бы мертвы, никто бы их и не вспоминал. Если бы мы не ощущали, что они живы, не были бы связаны с нашими покойниками, нашими мучениками, нашими праведниками, святыми. И сегодня многие говорят, отче Иулиане, о сербском роде всё, что угодно. Из своей скудоумной головы, от своего праздного отолстевшего сердца говорят против сербов всякое. Тем на другой лад продолжают мысль, которой раньше безбожники держались”.

Сам старец Иулиан считал, что “сербь суть чада сотворившего чуда в своей истории народа. И не дай Боже сказать, что они уже всё сделали. Им ещё предстоит великий труд. Прошлое должно подвигать к осуществлению ещё более прекрасного будущего. Сербам после всех невзгод предстоит ещё один подвиг да даст Бог силы выдержать”. На вопрос о том, какими он видит сербов сегодня, старец отвечал: “Мы народ, который обезхрабрен, обезправлен, народ, которому кажется, что не имеет права и говорить о себе. Сколько бы ни было скверных среди нас, у нашего народа есть сердце и душа. Это добрый народ, но та доброта затянута пеплом неких худых дел, а душа осталась чиста, здрава... О нас говорят, как о людях, которым любо быть мучениками, что мы представляемся мучениками, как бы свихнулись, не отдавая себе отчёт, якобы сами не знаем, чего хотим. Я считаю страшным оскорблением, если кто скажет, что сербскому народу нравится разыгрывать из себя мученика. Он не играет — он есть мученик. Разве мы представляемся, когда начиная с 1941 года с Косова и из Метохии выселены сотни тысяч сербский семей, гонимых жестокими, дикими арнаутами? И сейчас разыгрывают ли из себя мучеников наши в Дечанах, окружённые этими дикарями, которые только убивают и разрушают?.. Не знаю, заслужил сербский народ или нет то, что сейчас с ним творится, но страшно то, что наш народ обманут. И обманут сатаной через злых и скверных людей. Но мы не имеем права говорить, что у нас нет будущего — это бы значило подписать себе смертный приговор. Но если не опомнимся и не поворотим назад к соблюдению закона Божия и закона человеческого, ничему хорошему не бывать. Прежде всего рассчитываю на молодёжь, которой вижу здесь в Студенице всё больше, и на их лицах замечаю

радость, что даёт надежду на лучшее. Но нам сегодня угрожает «белая чума» (вымирание нации в пару к «красной чуме» коммунизма — М.М.), которая есть только продолжение того, что давно начал тот, кто погубил миллионы наших людей, величайший злодей, сам сатана из пекла — Йосип Броз. Всё, что сейчас у нас происходит — его рук дело. Похвалялся, что отбросил Сербию назад на двести лет. Он был послан закулисой чтобы нас порушить и уничтожить”.

Будучи спрошен о ситуации на Косове, старец Иулиан ответил: “Никто из нас не знает, как то можно разрешить, даже и те, кто во всём этом заводи́лы, не знают, как оно завершится. Те, кто всё это инсценирует и этим хороводит, принадлежат закулисе, которая хочет владеть миром. Они то делают не ради албанцев, не ради сербов, а только для себя. Они бы и владели миром, если бы не единственный народ, который этому противится, — сербский”. И Милошевич, по словам старца, не мог защитить народ и вёл “в тот же мрак, будучи таким правителем и имея столько влияния, сколько нужно для того, что они хотят; он сам утверждал, что нужно покоряться праву сильного”.

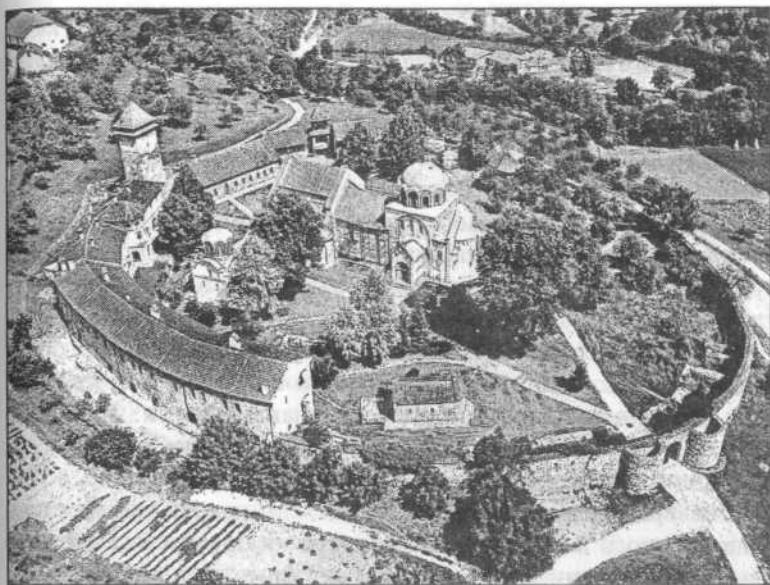
“Это не мы вне мирового сообщества, это они нас исключают, — говорил о. Иулиан. — Чего мы ищем на Западе, то они нам и предлагают. Они нам свободу уничтожили. Сейчас, скажем, извращения узаконивают. Это есть уничтожение нации, уничтожение человека; это нечто самое нечеловеческое, что можно помыслить. Кто суть люди, которые этого ищут и что нам сейчас нужно от того мира? Неужели и нам нужны такие законы?”

О современной власти в Сербии и России батюшка не захотел распространяться: “Здесь, конечно, есть некоторые перемены. Вы можете меня спрашивать, и я могу вам отвечать, а во время оно нельзя было ни помыслить, ни знаками показать”. Старец всегда говорил: “Вы, русские, не предавали нас. Предали люди из вашего правительства. Но ведь русских среди них нет”. О. Иулиан благословлял противостоять тайне беззакония, которая, мня о своём превосходстве, напала на кажущийся ей беззащитным сербский народ, а в нашем Отечестве воссела у рычагов власти. Именно старцу Иулиану принадлежат ставшие крылатыми слова: “Лучшая помощь Сербии — сильная Россия”, главная надежда православного люда всего мира.

На вопрос об отношениях Церкви и государства в наших странах старец ответил вопросом: “А в какие времена живём?”, и получив ответ, что в тяжёлые, возможно, и последние, продолжил, говоря, что Церковь в наше время должна использовать малейшую возможность для исполнения своего предназначения в мире. “Часто люди, которые о том не размышляли, произнося «Церковь» подразумевают священство. Однако, когда кто говорит «Сербская Церковь» — это то же самое, как сказать «сербский православный народ». Церковь не составляют только епископы, священники, клирики, но все православные сербы. А Церковь может много, но как Соборная Церковь, а не только архиереи, монахи, монахини, но как все наши отцы, все наши матери, вся наша чада и братия. Этот народ падал, но не пал. За сто лет мы губили державу, не за один день”.

Будучи спрошен по поводу конкретных личностей, батюшка сказал: “И они порождены этим народом. А сейчас мы не можем смотреть, кто каков есть, но что должны сделать, чтобы нечто спасти. Наше спасение в том, чтобы молодой человек возвратился на село, прилепился к своему лугу или саду, трудился, женился, чтобы создавались здоровые семьи, чтобы остановилась «белая чума» и мы возвратились к нашим нравственным корням, вернулись в Студеницу”.

Студеница для старца Иулиана так же, как и для всей Сербии, — не просто монастырь, где начиная с 1961 г. до последних дней он совершал своё служение настоятеля и духовника. Он говорил: “Эта святыня значима и тем, что здесь почивают святые мощи её основателя великого жупана кир Стефана Немани (преподобного Симеона Мироточивого), его супруги Анны (преподобной Анастасии), их сына благоверного крала Стефана Первовенчанного (преподобного Симона монаха). Студеница — это место, откуда святитель Савва, их сын и брат, распространял свои просветительские труды на всю Сербию. Отсюда он руководил строительством Жичи, великой Архиепископии и Царской Лавры, созидал Испостницы — два своих отшельнических скита для сугубых подвигов и уединённой молитвы, — здесь основал первое студеницкое братство и установил правила монашеской жизни, так называемый Студеницкий типикон. Святитель Савва заботился не только о душе, но и о теле, основав здесь одну из первых больниц в Сербии и определив правила лечения.

Студеница — место, где сосредоточено то, что есть самого прекрасного и самого нетленного в сербском народе. Студеница есть то, что пленяет, то, что покоряет и своей святостью и своим национальным значением, зодчеством, искусством, то, что и в мире и у нас редко можно увидеть. Студеница неповторима, и она нас подвигает ко всему, что прекрасно и благородно. Она нам, в сущности, свидетельствует, что сербы суть чада великого народа, породившего Савву, Симеона...”

И как для всего народа, для о. Иулиана великим испытанием была война 1999 года — не война, а военно-воздушная кампания 19 стран НАТО против маленького, но великого народа, не желающего встраиваться в «новый мировой порядок». 81-летний старец отдавал все свои силы, поддерживая и утешая воинов и сродников погибших, беженцев и раненых. Его видели то там, то здесь — всегда именно в том месте, где более всего требовалась пастырская помощь. Как и все духовные лица, он был того мнения, что людям война пошла на пользу, обратив его к молитве и покаянию. Он напоминал слова Священного Писания: *ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему* (Притчи 3; 12).

Это был утешительный старец, не чуждый и мягкой шутки, лишь бы не унывали чада. Его двоюродная сестра, жительница г. Кралева, рассказывает, что обнаруживая в ком-то недобрые или неправильные мысли, он слегка постукивал бедолагу пальцем по голове, гоня их вон. В последний раз сродники виделись при посещении старцем её в больнице после перелома. Видя её в таком бедственном положении, о. Иулиан прослезился, подобно Спасителю на гробе Лазаря, когда тому предлежало восстать и продолжать эту жизнь, а Ему — умереть для воскресения в Жизнь Вечную.

Между тем силы отца архимандрита были сильно подточены немислимыми человеческими скорбями и постоянным душевным напряжением последнего времени. Здоровье этого благообразного старца неполных 83 лет, выше среднего роста, сильного телосложения, когда-то черноволосого, а теперь совершенно седого, почти до последних дней весьма жизнедеятельного и подвижного, скорого на подъём и лёгкого в движениях и речи, «сдало» почти внезапно на переломе века и тысячелетия.

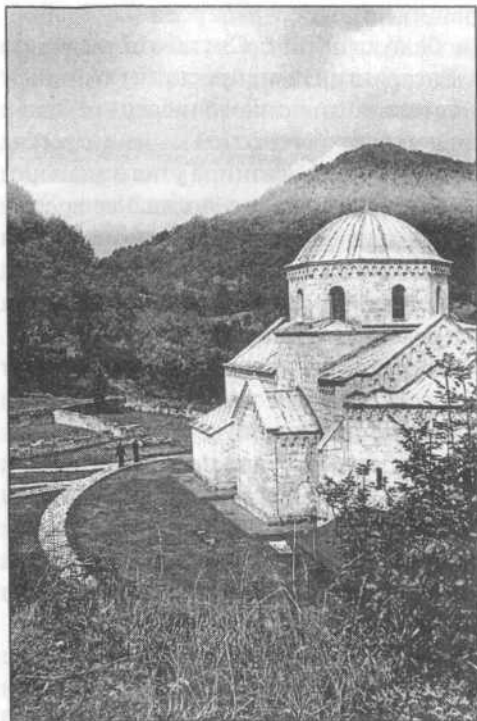
Когда Господь привёл с ним свидеться за полтора месяца до его перехода в мир иной, в нём уже явно ощущалось это приготовление к вечности. Описать словами это трудно, но больше всего почему-то запомнились совершенно белоснежные густые брови, как-то по-детски изумлённо приподнятые над мудрыми очами старца, словно он созерцал уже нечто недомысленное из Мира Горняго. Весь уже он был какой-то нездешний, и хотя во время некроткого и очевидно нелёгкого для него пути с процедур в городе до монастыря с готовностью отвечал на пытливые вопросы о посястороннем и сиюминутном и с удивительным тактом сам старался заполнить возникшую было паузу, чувствовалось, что делает он это с трудом не только по слабости телесных сил, но как бы отвлекаясь от чего-то более важного земной суеты.

В последние годы жизни он нёс также послушание строителя и восстановителя монашеской жизни в обители Градац, задушбине святой преподобной Елены Сербской, королевы Анжуйской. Руины средневекового монастыря с древним храмом, имеющим прекрасные росписи XIII в., расположенные в изумительном по красоте месте в горах Рашской области над

быстрой речкой Брвеницей, были отреставрированы. Требовалось вдохнуть жизнь и благословение Святого Духа чрез служение Божественной Евхаристии и непрестанную монашескую молитву. Здесь поселилось немногочисленное сестричество, взявшее на себя заботу о телесной жизни своего аввы, как он — о духовной стороне их жизни. Тут его меньше беспокоили, чем раньше в Студенице, куда в последнее время (как, впрочем, и в другие обители Сербии) съезжаются вереницы автобусов и машин с паломниками, и многие имеют насущные вопросы к монашествующим пастырям. Тишина же Градца нарушалась лишь трудовым шумом небольшой стройплощадки, когда потихоньку одно за другим возводились необходимые сооружения — и всё трудами и заботами старца, так же, как и асфальтовая дорога до монастыря.

...На подъезде к обители старец велел послушнику-водителю сначала подняться горé. Там с лопатами и тачками суетились рабочие. Как объяснил послушник, о. Иулиан торопится закончить устройство нового монастырского кладбища, где уже приготовил для себя могилу. С помощью послушника поднявшись из машины к кладбищу, старец долго сидел у собственной могилы...

*Монастырь Градац, основанный
преподобной Еленой Сербской*

Там он и был похоронен после отпевания в Студеницком монастыре в присутствии пятерых архиереев, множества священников и священномонахов, не говоря о многочисленных мирянах, его чадах и почитателях.

Бог сподобил совершенно чудесным образом, нежданно-негаданно побывать на парастасе в 40-й день по кончине старца Иулиана. Точная дата его представления была тогда мне неизвестна. Но уже заранее было запланировано наше очередное паломничество по монастырям

Сербии и Черногории на вторую половину августа 2001 г. Здесь неуместно да и долго описывать цепь нечаянных и «случайных» знакомств и событий, благодаря которым в один прекрасный полдень во дворе Кафедрального собора в Новом Пазаре мы встретили матушек из Градца. Кинувшись к ним с соболезнованиями, как же они теперь без старца, узнаю, что через день сороковины. Господь послал нам и машину с водителем милостью жичской игумении м. Елены. В Градац съехалось множество православного народа — семья, собранная отцом Иулианом, — все радостно приветствовали друг друга, и не было скорби. Многочисленное духовенство отслужило Литургию и парастас, замечательное слово сказал студеницкий собрат старца архим. Савва, затем помянули по сербскому обычаю усопшего вином и житом, и была предложена поминальная

трапеза. На обратном пути мы заехали в Студеницу помолиться о упокоении души старца на месте его сорокалетних подвигов. Благодаря новопреставленному старцу в этот день посчастливилось повидать много старинных и обрести новых друзей и знакомых со всей Сербии и Черногории.

Позже, уже дома при определении даты кончины старца исходя из дня сороковин выяснилось, что о. Иулиан отошёл ко Господу 4(17) июля 2001 г., в день святых благоверных Царствен-

Первый, деревянный, крест на могиле старца Иулиана

ных мучеников (как и в 1983 г. наш русский старец протоиерей Тихон Пелих, весьма почитавший святых Царя с Семьёю).

Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего схиархимандрита Иулиана и святыми его молитвами нас помилуй.

Святые благоверные Царственные мученицы Николае, Александро, Алексие, Ольго, Татиано, Марие и Анастасие, молитве Милостиваго Бога да помилует и спасет земли Русскую и Сербскую. Аминь.

ПИСЬМО ОТЦА ПАВЛА
[теперешнего Патриарха Сербского]
ЕПИСКОПУ НИКОЛАЮ ЖИЧСКОМУ

Афины 29-ХІІ-1955

Ваше Преосвященство,

Несколько дней назад я прибыл в Афины для изучения современного греческого языка и считаю первейшей своей обязанностью Вас приветствовать и от лица всех монахов и монахинь Вашей епархии поздравить с наступающим великим праздником Рождества Сына Божия — Спасителя нашего, радостным приветствием:

Христос родился!

Я являюсь клириком Жичской епархии, но Вам лично незнаком, так как пострижен в 1948 году. С тех пор сначала в братии монастыря Благовещения, а затем Рачи вместе с о. Василием (Домановичем), о. Иулианом (Кнежевичем) и Вашим земляком, послушником довоенной Жичи Милисавом Радосавлевичем — сегодня иеродиаконом о. Иоанном. До войны я закончил семинарию и Богословский факультет в Белграде. Родом сам из Славонии.

В Раче у нас семь послушников. Трое из Боснии, остальные из Сербии. Один только что вернулся из армии и, если Бог даст, скоро примет постриг; двое на будущий год пойдут в армию, и так своим чередом. Сколько возможно, мы с ними изучали Священное Писание Ветхого и Нового Завета, церковное пение, литургику, церковнославянский язык. Однако всё же мало, так как перегружены налогом, физическим трудом на примерно 15 га пахотной земли, что осталось монастырю (и 15 га леса), работой на мельнице и т.п. ради поддержания телесной жизни. За этот год налог мы уплатили, но если столько же будет и на следующий год, что будем делать, не знаю. И другие монастыри, где больше братии или сестер, и те бедствуют.

Перед отъездом сюда побывал в мон. Николе и посетил могилу моего духовного отца иеромонаха о. Макария. О. Ра-

файла тогда не застал. Посетил и другие Овчарско-Кабларские монастыри. В Благовещенском о. Даниил (Здравкович) с одним послушником; в Свято-Троицком о. Ириней, Симеон и о. Иоанн ремонтируют церковь и уже очень хорошо устроили. В Сретенском монастыре над старой трапезной рядом с башней

Святейший Павел прикладывается к мощам всецерковно прославленного Святителя Николая

возводят второй этаж для келий. Довели до крыши и кровлю положили, но беда с деньгами. Внутри придётся доделывать только в будущем году, если Бог даст. В Преображенском о. Евстафий, иерод. о. Мардарий и монах о. Митрофан. Все в добром здравии. В Вознесенском монахе о. Антоний, но туда я не успел.

Когда недавно был в Белграде, виделся и с Вашим племянником о. ректором Иоанном. Он мне дал Ваш адрес, кланялся Вам и велел передать, если буду Вам писать, что все Ваши в порядке.

Протоиерей Стефан Йоич из Баиной Башты тоже Вам кланялся. Он получил посланный Вами текст. Очень Вас благодарит; дважды писал Вам, однако письма вернулись назад. Просил меня сообщить Вам об этом.

О. Василий, наш собрат, временно в Чайниче в Боснии. Нелегко ему, обслуживает два прихода и помогает Раче материально. Теперь, поскольку я уехал, он должен возвратиться в Рачу, ведь их там мало на столько послушников, а опять же трудно справиться без той материальной помощи.

В других монастырях давно не был.

Лобызаю архиерейскую десницу Вашего Преосвященства и прошу Вашего святого благословения, уповая на Ваши молитвы.

С почетом,
Павел Стойчевич, протосинкелл.

Перевела Мария Мелькова

Антоний ДЖЮРИЧ

С БОГОМ, СВЯТОЙ ВЛАДЫКО!

Слово на проводах мощей Владыки Николая
из Либертивилля в Отчизну 27 апреля 1991 г.

Под этим роскошным небом, в сем святом храме, пред образом твоим святым, Владыко, днесь кланяюсь благоговейно и молитвенно, как и завтра, благодаря милость Божию, надеюсь поклониться в Отечестве, в гордом Леличе, долго, смиренно и терпеливо тебя ожидающем.

Вижу: приготовили тебя в дорогу, путник и путеводитель рода своего. Знаю: проводят тебя мирно и благочестиво твои честные, прямые и благородные сербы. Туда, где оставалось сердце твоё, ибо здесь, в Либертивилле, в Америке, вдали от родины было лишь твоё брненное тело, а душа твоя возвращена и воспитана в колыбели Православия, рождением и заветом предана Господу Богу.

Знаю, Владыко, что ты терновым венцом был увенчан. И знаю, сколь на тебя клеветали, сколько тебя осуждали. Судили тебя враги рода твоего, но, помилуй Боже, судили тебя и твои сербы. Судили тебя, поборника свободы, вернейшего хранителя Свято-Саввского завета и непоколебимого защитника Сербства. Осуждали тебя, Владыко, а ведь ты наряду со святителем Саввой — соль и хлеб глубинной сербской духовности и чистейшей сербской этики, столп родолюбия и честной миротворец зачастую пребывающих в раздорах братьев.

Однако знал ты лучше нас, что неправда невечна, ведал ты, что вечна единственно лишь Истина. Был ты унижен пред людьми, но возвышен пред Богом. Был ты сломлен болью о порабощенной Отчизне, из преддверия нацистского пекла попавшей в коммунистический ад. Замело все пути к свободе, правде, истине. Пресечены наши духовные и на-

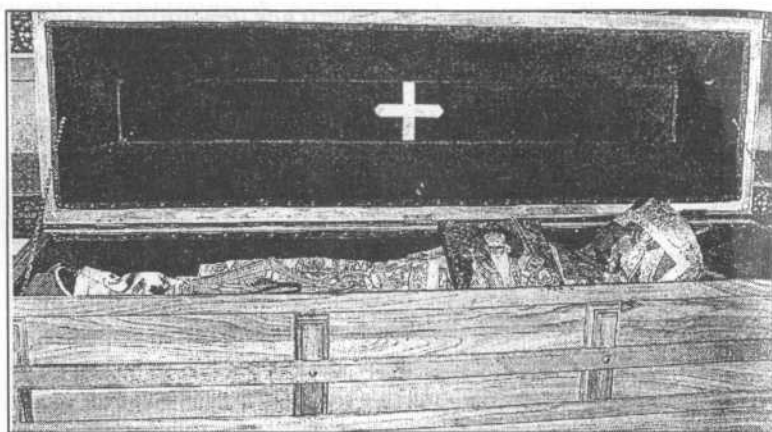
циональные корни, отравлены почти все источники нашего исторического сознания. Более глубокого падения нельзя было и помыслить.

Утаивали правду о тебе, Владыко, — даже и в тот час, когда перестало биться твоё сердце едва кое-где церковный и монастырский колокол огласил, но и то потаённо, приглушённо всхлипывая, — как бы не достигло до сильных мира сего, и тебя и народ твой злобно угнетавших. Одни лишь сердечные и мудрые монахи из Врачевшницы, что в глубине гороломного Рудника, прикровенно, благодаря добрым людям, послали за море синее горсть освящённой земли из твоей Жичи, уверены, что чужбина не будет твоим вечным домом.

И вот пришёл и столь долгожданный день. День, что запомнится, день, что полюбят, подобно как любят отчизну. День, напоённый слезой радости, исполненный молитвой и благодарностью Господу Богу.

День, в который на Родину возвращаешься, Владыко. А Родина — не кусок земли убогой и голой, это наши плодородные поля и зелёные луга, это виноградники, что деды наши насадили, а руки потомков растили. Родина — это наши заливы и заповедники, берега наших рек, это свежие утра и нежные закаты, когда слышна песня земледельца. В слове «родина» слиты все желания и все мысли, все надежды и все опасения, все радости и заботы. Родина для серба — его жена-мученица и его дети, часть его души и плоти, кровь его, раны неисцельные, это его мать-вдовица, старушка — хранительница очага сербского, каждую вечерю слезами орошённого, праздники наши, наши клятвы и молитвы, наш копоран и опанак, наша надежда и вера, что правда побеждает и что всякому насилью придёт конец.

И вот, Владыко святой, пришёл конец насилью! Возвращаешься на Родину. Целая Сербия, та непокорная, завтра будет на коленях перед тобою. Будут и те, что ещё вчера попирали наше народное знамя и наших знаменосцев. Падают на колени и те, что тебя судили! И те, кто сегодня к Богу

обращаются — вчерашние безбожники, убившие в себе Бога, а после молотами старавшиеся убить Бога и в своих противниках. К сознательности сегодня призывают те, кто десятилетиями держали без сознания род твой, Владыко. И к рассудительности зовут те, что твой народ лишали ума. О братолюбии сегодня говорят те, кто давно с братьями рассорились и братьев предали. На милосердие сегодня надеются те, кто были самыми немилосердными даже к своим самым близким, убивая их во имя мрачайшей идеологии и отворяя им врата ада в бронз-титовских казематах.

Прости им, Владыко, и молись Богу об их прозрении и спасении душ их.

С Богом, Владыко! Да даст Господь, чтобы за тобою в Отчизну двинулись сербы, разбросанные по всему свету, возвращаясь в свободную землю к своим старым очагам. Да возвратятся мёртвые и живые наши Карагеоргиевичи, да возвратятся герои свободных сербских гор, эти отважные хранители сербского племени, сербского очага, сербской веры. Да возвратятся в свободное Отечество, — а таковым оно скоро станет, — все пережившие нацистский, усташеский и коммунистический ад.

Молись Богу, Владыко, дабы так было. И да услышит Господь все наши молитвы.

Перевела Мария Мелькова

Мария МЕЛЬКОВА

МОНАСТЫРЬ ЛЕЛИЧ

Я хотел бы вместе с моими крестьянами Леличанами
построить церковь Богу во славу,
а всему народу на пользу.
Епископ Охридский Николай

Живописное село Лелич располагается южнее города Валева на северо-восточной оконечности Лесковицкого плоскогорья в отрогах Повлена. Рельеф местности здесь весьма неровный, пересечённый низинами и возвышенностями, а почва скудная, глинистая, сухая. Речка Градац, протекающая по восточному краю села сквозь каменистое неприступное ущелье, и два источника не обеспечивают жителей в достатке водой. Добрый урожай можно получить лишь в дождливое лето, притом хорошо удобрив землю и вложив в неё много труда, обильно полив потом. Лугов и пастбищ практически нет. Однако вокруг много леса.

Село это старинное, по преданию, до конца XVII века его жителями были гайдуки, гроза турок, переселившиеся после в Воеводину. Сюда же, в свою очередь, стали прибывать переселенцы из Черногории, Подринья, Боснии, Старого Влаха и из ближних мест.

Фамилии Велимировичей и Радосавлевичей ещё до восстания сотника Кочи [капетан Кочина Краина] переселились из Осата вблизи Сребреницы (Восточная Босния), куда ранее прибыли из Западной Боснии. Потому их самих и их край села, где расположен родной дом Святого Владыки Николая (Велимировича), называют Босняками [Бошняци]. Крестной Славой они, как, впрочем и большая часть остальных обитателей села, славят Святителя Николая Мир-Ликийского.

Никола Велимирович, родившийся в день святого равноапостольного Наума 23 декабря 1880 года (5 января 1881 г. по гражданскому летосчислению) в селе Леличе, был старшим ребёнком из девятерых в семье Драгомира и Каты Велимировичей. Это были небогатые крестьяне, при том почтенные и набожные люди. Отец, окончивший сельскую школу, исполнял обязанности писаря. За два года до смерти мать будущего Владыки приняла монашеский постриг с именем Екатерина.

Крещение младенца, как в своё время крещение и венчание его родителей, совершилось в приходской церкви Лелича в Челиях, или Келлиях. Так зовётся вся восточная окраина села. Под Чéлийскими Склонами и Калуджерской (т.е. Монашеской) Горой находится небольшое плато, где вблизи излучины речки Градца и расположена церковь Святых Архангелов Михаила и Гавриила, бывшая до 1837 года храмом мужского монастыря, пережившего бурную историю. С 1928 года здесь вновь монастырь, уже женский. С послевоенным временем связан расцвет монастыря, когда духовником здесь стал архимандрит Иустин (Попович). Он выбрал эту обитель из уважения к Владыке Николаю, который здесь «сначала букварь учил». При монастыре, потом приходской церкви в Челиях в 1830—1900 гг. существовала начальная школа-интернат для детей из ближних сёл. Никола Велимирович, примерно в 1887—1892 посещавший школу, был в ней лучшим учеником.

Далее желание продолжать образование привело его в валевскую гимназию и белградскую семинарию, после окончания которой он в 1903 году становится учителем в школах сёл Лесковица и Драчича, наследовавших чéлийской школе. Затем Сербская Церковь посылает его на учёбу в Европу и Россию. По возвращении он становится профессором семинарии и, в конце концов, архиереем Охридским, Битольским и Жичским. Однако прославленный епископ никогда не забывал своего села, при малейшей возможности посещал род-

ных и земляков и старался входить во все их нужды. Потому он с великой радостью откликнулся на желание своих односельчан иметь собственный храм.

О возникновении храмов сербских, как правило, имеются различные сказания. Это предания, пророчества и видения, указующие на будущие события и последующие предприятия. В *Летописи церкви леличской* есть такая повесть. По рассказу Светозара Радосавлевича (†1932), крестьянина из Лелича, когда он вместе с другими детьми пас скотину в «Велимировича Луке, на месте, где сейчас церковь», пришёл туда Милан Радосавлевич, позвал детей и сказал им: «Видите это место? Тут будет прекрасная церковь. Я этого не дождусь, но из вас некоторые доживут». Милан давно умер и многие мои друзья по детским играм, а я имел счастье видеть своими глазами то, что дядя Милан предсказал». Ранее и некая Зорка из Лелича часто видела на этом месте яркий свет.

С этого пророческого предсказания прошло довольно времени. Должно быть, и Владыка Николай в детстве часто его слышал, поскольку, приезжая в Лелич, часто говаривал землякам: «Как прекрасно, когда в селе есть церковь, и как было бы дивно, если бы и в Леличе был свой храм». И когда, после нескольких чудесных явлений, осенью 1926 года Светозарев сын Пантелиа составил письмо, подписанное 50 земляками, с просьбой Владыке Николаю о построении церкви, ответа долго ждать не пришлось:

*Настоятелю Челийского прихода
Господину Воиславу Степановичу,
ЧЕЛИЕ*

Пречестный Отче,

Прошение жителей села Лелича, которое Вы первым подписали, получил и могу ответить на него только сейчас, после получения мною одобрения Его Преосвященства Епископа Шабацкого, чтобы в Леличе была построена церковь. Сообщаю Вам:

1. Намерение Леличан построить церковь в своём селе хвалю и полностью одобряю;

2. В соответствии с просьбой, со своей стороны, принимаю на себя обязательства понести все денежные расходы по строительству церкви с колокольной и по внутренним росписям;

3. От жителей села ожидаю лишь обжига извести и необходимой переноски и подъёма материалов;

4. Был бы рад, если работы начнутся в этом году сразу после Пасхи.

Со своей стороны, прошу Вас:

1. Считать дело срочным;

2. Скорейшим образом созвать подписавших прошение, чтобы избрать исполнительный комитет из нескольких лиц для надзора за производством работ по нашему плану, и особенно, для снабжения всем необходимым и созыва народа в нужное время на переноску материала, как то: извести, камня, воды, цемента, кирпича, черепицы, дерева и остального потребного;

3. Потрудиться как можно усерднее, чтобы народ принял дело близко к сердцу и исполнял его от всего сердца;

4. Объяснить народу, что я не собираюсь строить ни какую-то свою церковь, ни лишь свою задушбину, не желаю, чтобы она звалась по моему имени, но хотел бы вместе с моими крестьянами Леличанами построить церковь Богу во славу, а всему народу на пользу. Устраните, таким образом, заранее всякую зависть, которая, возможно, могла бы появиться при неправильном толковании целей сего предприятия.

1 (14) апреля 1927 г.

В Охриде.

С Божьим благословением

Епископ Охридский

+ Николай

Земельный участок для будущего церковного двора пожертвовал отец Владыки Драгомир как первый ктитор,

и Велимировича Лука стала большой стройплощадкой. Он же производил оплату работ. Председателем комитета по строительству храма стал настоятель Челийского прихода протоиерей Воислав Степанович. На помощь пришли и жители сёл Сушицы, Стрмной Горы и Лесковица.

Специальный проект не был составлен, поскольку Владыка Николай дал переснять план церкви – задушбины воеводы Гргура 1361 года, времени Святого Царя Уроша, что на Охридском озере. Зодчих Владыка также привёз из Южной Сербии, из села Венчана в окрестностях Охрида, это были мастер Спаса Костич с помощником Костой Янковичем и десятком других. В подготовке материала, в особенности, в obtёсывании камня для фундамента и резке известняка, помогали мастера из Лелича и других сёл. Строительный материал был, в основном, местный. Камень привозился из разных мест, чаще всего из Давидовича Луки. Кирпич поступал из Валева, а мягкий песчаник добывался на правом берегу Градца в месте Прскавац. Вода доставлялась воловьими упряжками из Лекича озера в Стрмной Горе.

Владыка Николай с матерью перед их семейной задушбиной - храмом в Леличе

Время строительства пришлось на необычайно засушливые 1927 и 1928 годы, когда в безводном Леличе и остальных сёлах к югу от гор Повлена начались голод и бедствия. Несмотря на страшную засуху, народ и его духовные пастыри воздвигали свою задушбину, отдавая долг славным предкам

и родному краю, на славу и гордость будущим поколениям. Во многом благодаря Владыке, приходила помощь и из других краёв и из заграницы, от его друзей.

«Расходы», согласно *Летописи*, «были огромны». Хотя церковь строилась под бдительным надзором Владыки Николая и его отца Драгомира, в чём им помогал владыкин племянник семинарист Йово, будущий епископ Шабацко-Валевский Иоанн, трудности были чрезвычайно велики. Некоторые отказались от закупки и доставки материала. Работники требовали плату. Часто денег не хватало. Были такие, кто «не могли дать столько, сколько хотели бы», как говорил Владыка. В письме о. Воиславу он пишет: «Надеюсь, что дело пошло быстро. Нужно только непрестанно советовать народу, чтобы доставляли материалы. И вы это как священник и председатель комитета по строительству лучше всего можете. Я же, со своей стороны, потружусь платить работникам вовремя. Да исполним и Вы и я заповедь Господню: **Дѣлайте дѣла дѣже въ мірѣ сѣте**. Отец протоиерей с усердием принялся за сбор пожертвований на церковь. Всего лишь через два года церковь была готова «Богу во славу, а всему народу на пользу».

Храмовой Славой является святитель Николай, Мир Ликийских чудотворец, среди всех угодников Божьих наиболее почитаемый как в Сербском, так и среди других Православных народов. Говорят, что Николин день славят вся Сербия: половина Сербов славит свою Крестную Славу, а вторая половина у них в гостях. Это Слава и семьи Велимировичей, и Никола был назван в честь святого Николы-угодника, и в монашестве тот же святитель Николай был его покровителем.

Торжественное освящение храма было совершено милостью Божией на праздник Преображения Господня 1929 года. Накануне многочисленные богомольцы стройными рядами, осеняемыми принесёнными в дар новой церкви хоругвями, с крестами, иконами под песнопения спустились к церкви в Челиях на архиерейскую службу, возглавляемую

епископом Николаем. После богослужения перешли в Лелич заночевать и дожидаться освящения. Среди прочих приехали посланники из боснийских Баня-Луки, Тузлы, Сараева, из приморского Котора, из Южной Сербии — с Косова и из Македонии. Большое представительство Православной Народной Христианской Общины, детища Владыки Николая, прибыло с богато исполненным и украшенным Распятием. Особую честь своему епископу оказало посольство монастыря Святого Наума из Охрида, привёзшее зажжённую в монастыре свечу дабы от её пламени возжечь лампы и свечи вновь освящаемой церкви; оно также принесло и горсть земли от Святого Наума среди многих даров для нового храма. В Лелич сошлись огромные толпы народа из Валева, окрестностей и из других краёв, чтобы увидеть знаменитого сына этой земли и облобызать его десницу, посетить его прекрасную задушбину.

Ровно в 7 часов утра начался торжественный чин освящения, совершённый правящим архиереем Шабачко-Валевским Михаилом в сослужении ктитора епископа Николая Охридского и восьми священников. После освящения были отслужены архиерейская Литургия с причащением народа и водосвятный молебен. Соответствующую празднику проповедь народу и ктитору произнёс епископ Михаил. Священное торжество, в котором участвовало до 5 тысяч верующих при соблюдении образцового порядка, было завершено около 2 часов пополудни. Присутствовало и воинское подразделение, залповым огнём отдавшее почести погибшим и умершим в прошедших войнах Леличанам во время совершения парастаса.

Владычня трапеза изобиловала снедями и знаменитой рыбой из Охридского озера. Первую чашу за здравие и долгоденствие Короля Александра Кара-Георгиевича поднял владыка Михаил. После многочисленные почётные гости приносили задравные тосты в похвалу строителю Владыке Николаю, который держал в ответ благодарственную речь [см.].

Зачитав список жертвователей, о. Стеван Попович от имени тяжело больного Драгомира, отца Владыки Николая Велимировича, выразил благодарность Его Величеству Королю за оказанное внимание и присылку своего представителя.

После трапезы на церковном дворе набожные богомольцы читали и толковали духовные стихи, и “около церкви вились народные кола [хороводы] до тёмной ночи”.

Украшение храма изнутри закончено, в основном, уже позже. К освящению храма был, по-видимому, готов резной иконостас, состоящий из восьми рядов, иконы выполнены в стиле первой половины XIX века Крсто Николичем и его сыном Рафаилом в 1929 году.

Владыка с удовлетворением получал известия от о. Воислава о том, что народ “очень хорошо посещает церковь” и ему “радостнее служить в полной церкви, нежели как было в Челиях”. За три недели Апостольского поста 1930 г. причастилось 1200 душ, и Владыка писал, что церковь стала “не только украшением села, но и живой святыней, ведущей души человеческие, притом многие души, к вечному спасению... С этой целью она и построена, чтобы обратить народ Христу Богу и с Ним соединить”.

В конце марта 1930 г. Владыка послал в Лелич тех же мастеров, что писали иконы, для исполнения настенных росписей *al secco*. Стали появляться и первые похвалы: хронист из Валева пишет, что по завершению росписей церковь будет самой красивой в епархии. «Наряду с прекрасным художественным и гармоничным внешним исполнением, особенным украшением являются внутренние росписи».

В соответствии с замыслом Владыки, одновременно требовалось воздвигнуть колокольню и трапезную. На строительство колокольни он получил пожертвование в 35 тысяч динаров от некоего Радина, сербского юриста из Америки. Вместе с Владыкой Николаем этот великий жертвователь является ктитором колокольни. Владыка прислал инженерный план, присовокупив объяснение:

· *Всякая часть имеет своё евангельское толкование.*

1. *Два крайних столпа (на каждой стороне), поддерживающие свод, означают две природы Христа, содержащих всю тварь.*

2. *Семь выпусков (в виде буквы П) означают семь Таинств Божьих.*

3. *Три арочных окна — Пресвятую Троицу, от Коей свет.*

4. *Четыре малых столпа на всех четырёх углах суть четыре евангелиста.*

5. *Пять крестов под каждым окном — пять ран Иисусовых.*

В верхней части колокольни также предусмотрена так называемая Иерусалимская горница, то есть помещение для привезённых из Иерусалима святынь и вещей. Строительство колокольни могло быть начато только в 1930 году.

Всё требуемое для народной трапезной, столь необходимой для любой сербской церкви (в первую очередь, для празднования Храмовой Славы и других праздников) оплатил сам Владыка: кирпич, песок, камень, деревянные конструкции и черепицу. Она также была готова лишь после освящения храма. Но уже через неполных 25 лет трапезная не удовлетворяла потребностям приходской жизни. Тогдашний священник Живко Тодорович деятельно взялся за устройство второго этажа над трапезной. Власти в то время, естественно, не были благосклонны. С великими трудами и мучениями, подчас и под арестом из-за своей активности, о. Живко начал надстройку этажа в 1954 году, когда и материал достать было трудно, особенно цемент. По проекту архитектора Милоша Савича из Валева (никто другой не смел взяться за подобное дело) каменщики Богосав и Бели Марьяновичи и Драгиша Лазаревич с пятью помощниками начали работы. Подрядчиком был Милован Давидович.

По требованию соответствующих органов, как записано в *Летописи*, церковная община была наказана на 40 тысяч динаров (по апелляции сумма уменьшена до 20 тысяч), веро-

ятно, из-за официально незарегистрированных работников. Председатель Церковного комитета Никола Д. Радосавлевич принёс судебному приставу целый мешок динаров и полудинаров, сказав, что это кружечный и тарелочный сбор в храме. Ещё долго потом по Валеvu и окрестностям рассказывали, как пристав считал эту мелочь целых два часа. Из-за этой стройки о. Живко находился под арестом 15 суток, а потом вновь продолжил начатое. Так, благодаря упорности и неустрашимости священника и Церковного комитета в те безбожные времена надстройка второго этажа народной трапезной была успешно завершена, и приход обогатился библиотекой, гостиной и кухней.

Однако и этого оказалось недостаточно для растущих потребностей общины. Священник Драган Алексич предложил надстроить ещё один этаж. С благословения епископа Шабачко-Валевского Лаврентия работы были начаты в 1992 г. по проекту Владимира Спасоевича. На строительстве много потрудились Веролоуб Радосавлевич со своими мастерами, Бранко и Божидар Радосавлевичи, председатель Церковного комитета Вучко Радосавлевич и казначей Владета Йованович. Сейчас эта скромная постройка служит монастырским келейным корпусом.

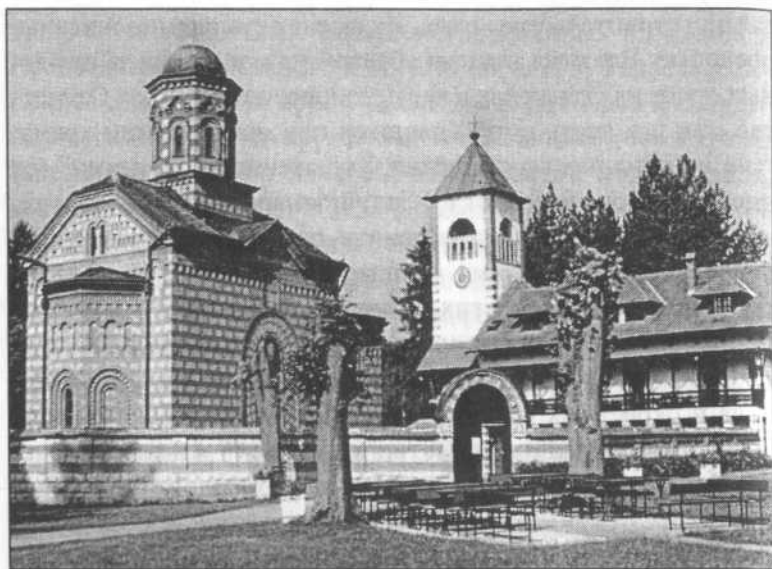
Основателем и главным благотворителем церкви является Святой Владыка Николай. Второй ктитор – владыкин отец Драгомир Велимирович, пожертвовавший землю в Велимировича Луке под храм. Не осталось сведений, насколько велика была эта Лука: *Чтò дѣтъ дѣвнїца да не оувѣтъ шѣица твоѧ.* Позже путём обмена с семьями Алексия Крстича и Милорада Велимировича добавлено ещё немного земли, так что в 1939 году площадь церковного двора составила 1 гектар и 82 ара. Таким образом, храм является задушбиной Святого Владыки Николая и его отца Драгомира Велимировичей. Были и другие известные и неизвестные благотворители. О. Воислав Степанович был правой рукой Владыки Николая, алтарник Никола Боянич с любовью трудился, во всём помо-

гая при строительстве храма. Их имена остались незаписаны, поскольку Владыка никоим образом не мог одобрить памятных досок на стенах как в честь воинов, погибших за Отечество, так и в честь потрудившихся при воздвижении храма: "сие не приличествует церкви, украшенной росписями" (из письма о. Воиславу 1931 г.). Задушбинарами являются и те, кто строил трапезную, дом причта, погребальные часовни.

В настоящее время в монастырский комплекс входят также и несколько других объектов, из которых на первом месте упомянем памятную часовню в честь воинов, павших за свободу и объединение Сербии в 1912—1918 годах, из Лелича и окрестных сёл. Автором идеи и плана был учитель Бранимир Попович, а воплотил их Радомир Андрич. Средства были собраны среди семей погибших, и почти половину необходимой суммы пожертвовал их соратник Король Александр I Карагеоргиевич. В 1933 г. часовню-памятник торжественно освятил митрополит Скоплянский Иосиф. На памятных досках записано 209 имён павших воинов.

Другую памятную часовню по проекту Драгомира Тадича в исполнении Вучко Радосавлевича вблизи церковного двора построили Душан и Ольга Недичи. Их сыновья во время и после II Мировой войны оплатили своими молодыми жизнями приверженность движению за Короля и Отечество, за Крест Честной и Свободу Золотую. Оставшиеся одиночками родители по благословению епископа Шабацко-Валевского Иоанна воздвигли и освятили семейную часовню в 1966 г. В то время невозможно было упомянуть, где и от чьих рук погибли в общей сложности семеро Недичей. Вместо их останков в часовне теперь почивает прах самих задушбинаров. Также в память павших сыновей и как дар леличской церкви за оказанную доброту Душан по завещанию Ольги в 1971 г. построил приходской дом, где теперь располагается монастырская кухня и трапезная.

В 31-ю годовщину от упокоения Владыки Николая 18 марта 1987 года в Кафедральном соборе города

Шабца произошло радостное событие: епископы Шабачко-Валевский Иоанн (племянник Владыки Николая) и Вршацко-Банатский Амфилохий в сослужении и присутствии большого числа священства, монашества и верного народа прославили Святителя Николая, епископа Охридского и Жичского, в чину местночтимых святых Шабачко-Валевской епархии. По окончании Литургии был освящён славский колач, приготовленный епархиальным журналом *Глас Церкви*, взявшим новопрославленного Святителя своей Крестной Славой.

Епископ Иоанн (Велимирович) весной 1988 г. выразил желание построить на ктиторском кладбище в 40 метрах от леличского храма часовню, посвящённую новому сербскому святому — святителю Николаю Сербскому. По проекту Бранко Пешича и под надзором Владимира Спасоевича строили Вучко Радосавлевич в сотрудничестве с Животой Радосавлевичем и Милованом Недичем из кирпича и местного песчаника, добытого Томиславом Севдаревичем с соседями. Кресты выковал Радомир Крстич.

Работы начались 28 июня, а освящение закладки фундамента состоялось 9 июля 1988 года. Благотворителями были епископ Иоанн, журнал *Глас Церкви*, валевская и леличская церкви, равно как и почитатели Святого Владыки из Сербии и заграницы. Большой вклад внесли Владыкин крестник Славко Стокович с семьёю из Америки. Строительство обошлось в тогдашних 2½ миллиарда динаров, или, как записано в Летописи, стоило “около пяти пар волов на рынке”.

Часовня была освящена 25 марта 1989 г., почти через 60 лет после церкви. Священнодействовали епископ Зворничко-Тузланский Василий и епископ Будимский Даниил в сослужении священства и монашества из всех Сербских земель. После Литургии проповедь сказал владыка Даниил в присутствии многочисленных верующих. Протодиакон Любомир Ранкович выразил единодушное желание всего народа об исполнении завещания Владыки и перенесении его мощей из Америки в родной Лелич. Состоялся литературный вечер, посвящённый имени и делу Владыки Николая. Лишь смертельно больной владыка Иоанн не мог присутствовать на торжестве и увидеть свою задушбину, он упокоился через три дня, 28 марта.

Часовня доминирует над остальными как по монументальности, так и по красоте. В ней находятся четыре памятника и две памятные доски, на которых гравированы имена покоящихся здесь членов семьи Велимировичей: родителей Святого Владыки — Драгослава и монахини Екатерины, шестерых братьев и двух сестёр, внучатого племянника, его невестки монахини Пелагии, племянников Тиосава и епископа Иоанна. Вечная им всем память!

В 1931 году каменщик Радоин Давидович построил дом причта, точнее, четырёхкомнатный дом для семьи священника. Владыка Николай, на чьи средства возводилась и эта постройка, не мог бы и предположить, что здесь будет размещаться его музей. Эта идея принадлежала епископу Шабацко-Валевскому Лаврентию, большую часть своей духовной

жизни посвящающего делу Владыки Николая. Он собирает рассеянные по многим изданиям произведения Святого Владыки, принадлежавшие ему вещи и вообще всё, связанное с его жизнью и деятельностью, издаёт *Собрания сочинений* и магнитофонные записи голоса Владыки. В музее представлены его книги, периодика тех дней, фотографии, скульптурные и живописные портреты, личные вещи, повседневная одежда и торжественные архиерейские облачения, награды, а также ковчег, в котором мощи Святого Владыки прибыли из Америки.

Желание Владыки почивать в своём Леличе наконец смогло быть исполнено. В мае 1990 года в ответ на представление епископа Лаврентия Святейший Архиерейский Собор принял решение о “перенесении мощей блаженнопочившего епископа Жичского Николая из монастыря Святителя Саввы в Либертивилле в его задушбину в родном ему селе Леличе”. В ходе переговоров между представителями церковных и светских властей было найдено решение, по которому формальная инициатива должна была исходить от кого-то из родственников Владыки Николая. То, что в своё время не удалось епископу Иоанну, выпало честью другому племяннику Владыки — Тиосаву Велимировичу, судье из Валева. В прошении от 21 февраля 1991 г., направленном в государственные органы, была изложена подробная биография Владыки с особым ударением на его заслуги перед Сербством, по освобождению и объединению, и особенно, в пропаганде против фашистской Германии. Было получено согласие генерального консульства СФРЮ в Чикаго, и выполнение остальной части сего труднейшего предприятия совершил Священный Архиерейский Синод. В Белград мощи прибыли 3-го, и далее в Жичу 4 мая.

Наконец, 12 мая 1991 года Святой Владыка Николай Велимирович вернулся в родной Лелич, в свою задушбину — храм Святителя Николая Мир-Ликийского. Встреча была торжественна и величественна, собралось до 30 000 верующих

из всех сербских краёв. Божественную Литургию под открытым небом служили Патриарх Сербский Павел с целокупным Архиерейским Собором в сослужении многочисленного духовенства со всей Сербии. Проповеди произнесли вначале епископ Жичский Стефан, а на Литургии епископ Лаврентий. "Владыка Николай к нам приходит, сказал он, когда нам наиболее необходим, когда вера наша донельзя умалилась, когда наши соборность и любовь охладели. Он приходит, чтобы нас укрепить и ободрить, чтобы нас воедино собрать и обожить. Теперь, когда и телесно присутствует среди нас, его мощи будут духовной лечебницей Сербскому народу, источником нравственной нашей силы. С необходимостью станут местом, где враждующие примирятся, простив взаимно, а охладевшие сердца наша воспылают любовью, верой и теплом Небесным". Во время братской трапезы речь держал Святейший Патриарх Павел.

Накануне и в день прибытия святых мощей в Леличе и Валева был проведён целый ряд торжественных мероприятий в честь Владыки Николая: беседы, лекции, выставки, литературные вечера и культурные программы. Само это великое событие по своему значению сопоставимо лишь с перенесением честных мощей также упокоившегося на чужбине Святителю Саввы Сербского из болгарского Тырнова в монастырь Милешеву, которое осуществил его племянник святой благоверный Владислав Сербский в 1237 году. В обоих случаях почивалище святых мощей стало великой святыней для всего Сербского народа, находящего здесь утешение скорбей, исцеление болезней, укрепление в вере и родолюбии.

Благодаря перенесению мощей Святого Владыки Николая, которые ныне почивают вдоль южной стены храма, а также прекрасному иконостасу и росписям, вновь возведённым постройкам в церковном дворе и вне его, были созданы необходимые предпосылки для изменения духовного статуса леличской святыни. В ближних сёлах восстановлены или строятся церкви. Таким образом, мысль о превращении

церкви в Леличе в монастырь, высказанная Его Преосвященством владыкой Лаврентием в мае 1993 года, требовала своего воплощения. В то время епархия не насчитывала столько лиц монашеского звания, чтобы можно было их перевести из другого монастыря. Первоначально было найдено временное решение, согласно которому братство монастыря Каона взяло на себя управление над новым монастырём. 8 февраля 1996 г. состоялась передача имущества, и церковь в Леличе пока стала храмом подворья монастыря Каона. Об этом владыка Лаврентий 7 мая известил высшую духовную власть в Белграде, и 11 мая Священный Архиерейский Синод на своём заседании подтвердил его решение, о чём Председатель Синода Патриарх Павел письменно оповестил епископа Лаврентия. Постановление Синода об открытии МОНАСТЫРЯ ЛЕЛИЧ было объявлено 12 мая 1996 года.

В тот день Лелич прославлял двойной юбилей: 40 лет со дня упокоения Святого Владыки Николая и 5 лет перенесения его святых мощей. Торжественная Литургия была совершена на монастырском дворе при стечении 6000 молящихся. Её совершил Патриарх Сербский Павел в сослужении 9 архиереев, 3 архимандритов, 1 игумена и множества священников, священномонахов и диаконов.

В рожденственские дни 2002/2003 г. по благословению епископа Лаврентия и трудами епископа Афанасия, тогдашнего местоблюстителя Жичской епархии, святые мощи Владыки пребывали в монастыре Жиче, где им поклонились свыше 100 000 почитателей. Одновременно состоялась международная научно-богословская конференция, посвящённая жизни и деятельности Святого Владыки Николая, епископа Жичского и Охридского. Её участники, представлявшие 8 сербских епархий, направили прошение Святейшему Архиерейскому Собору о соборном внесении имени Владыки Николая в Диптих Святых, то есть Зортологий и Месяцеслов поместной Сербской Церкви с последующим оповещением прочих Православных Церквей во вселенной.

*Епископ Лаврентий с первым славским колачом
в честь всецерковно прославленного святителя*

Архиерейский Собор на своём очередном заседании 19 мая 2003 года единодушным и единогласным соборным решением вписал имя епископа Охридского и Жичского Николая (Велимировича) в Месяцеслов Сербских Святых. Этой канонизацией

торжественно подтверждено общее соборное сознание его святости среди народа Божия не только Сербской Православной Церкви, но и всех остальных Поместных Церквей. Для литургического поминовения и празднования Святителя установлены день его блаженного упокоения в Господе 5 (18) марта и день перенесения его честных мощей из Америки в Сербию 20 апреля (3 мая).

Торжественная соборная архиерейская Литургия в честь всецерковно прославленного святителя Николая Охридского и Жичского отслужена на праздник святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Учителей Словенских, 24 мая 2003 года в Соборном Храме Святителя Саввы на Врачаре в Белграде во главе со Святейшим Патриархом Павлом при участии великого множества верующего народа из всех Сербских земель. Для этого дня в Храм были доставлены из Лелича честные мощи Святого Владыки Николая для всенародного поклонения.

8 мая 2004 года в Шабацко-Валевской епархии трудами и заботами её предстоятеля епископа Лаврентия был

освящён первый в мире монастырь в честь Святителя Николая Сербского и Всеправославного в Сокограде [см. первый выпуск альманаха *За Крест Честной и Свободу Золотую!*, М., 2004]. И в этом всецерковном и всенародном торжестве принимал участие и сам Святой Владыка своими честными мощами. Так по-прежнему Деда Владыка обходит свою многотрадальную паству, утешая и укрепляя её, приуготовляя для грядущей славы земной и Небесной Сербии.

В настоящее время настоятелем монастыря Лелича с храмом Святителя Николая Мир-Ликийского является священноархимандрит Аввакум. К насельникам монастыря относятся ещё двое лиц монашеского звания и двое послушников. В обитель приезжают помочь трудники, в том числе семинаристы. Епархия, как, впрочем, и вся Сербская Православная Церковь, готовится отметить 2006 год как юбилейный для Святого Владыки: 125-летие со дня рождения, 50-летие блаженной кончины и 15 лет перенесения честных мощей. На основаниях его родного дома на хуторе Босняках села Лелича возводится храм в честь нового Святителя Николая.

Веруем, что, согласно пророческим словам митрополита Черногорского Амфилохия, “подобно Студенице, Грачанице, Дечанам, Мораче, Богородице Левинской, Крушедолу, теперь и на будущее Лелич и Храм Святителя Николая Мир-Ликийского и Святителя Николая Сербского и Всеправославного станет для Сербского народа новым средоточием и кладезем духовности...”

Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович)

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ РЕЧЬ НА ОСВЯЩЕНИИ ЦЕРКВИ В ЛЕЛИЧЕ

Человек, непрестанно мыслящий о трёх понятиях: о Боге, людях и смерти, — не может принять воздаваемых ему почестей, даже и обычных, а тем более в превосходной степени. Я мёртв для похвал человеческих в моих годах живота. Один великий святой отец изрёк: “Всё, что ни делаешь, делай по двум причинам: или во славу Божию или на пользу своим ближним. Всякий другой повод недостойн”.

Этот храм потому и был построен, что годы были голодными, чтобы голодающие люди могли заработать хлеба прокормиться. Сейчас идёт уже третий год. По-королевски урожайный и плодотворный. Есть нечто таинственное, божественное и удивительное в том, что поддерживает дело нашего Короля. Это плодотворный год, когда Его Величество Король взял бразды правления в свои руки. Сия церковь освящена в этом плодотворном году. Когда бы и этот год был голодным, как предшествующие, невозможно было бы решиться её освятить, а тем более пригласить вас, дорогие братья!

Церковь не от мира сего. Она представляет невидимое, а в действительности представляет собой нечто самое вещественное из всего, что существует. Церковь являет величайшую вещественность невидимой силы, движущей всеми людьми на свете.

План для этой церкви привезён из Македонии. Многое взято из Сербии. Из Македонии я взял церковь, чтобы было что перенести в Сербию. Этот храм есть копия старой одной церкви из окрестностей Охрида, построенной в 1361 году во время Царя Уроша воеводой Гргуром. А та старая церковь — копия древних церквей, какие строили ученики Кирилла и Мефодия, первыми в нашем языке читавшие и толковавшие Евангелие.

С тех пор, как наш народ принял веру христианскую, он имеет и свою историю. Пока народ наш был многобожцем, он был подобен стаду, ничего не разумеющему. Я не сам построил эту церковь. Здесь документы, прошение крестьян Сушицы и

Стрмной Горы, которое все под- писали и просили меня помочь в строительстве храма. Я не мог не услышать и обещал им свою помощь. Они не имели возможности дать столько, сколько бы хотели. Помогли мне зато мои друзья здешние и из заграницы. Сегодня, когда Шабачкий вла- дыка освятил церковь, я должен выразить благодарность всем вам, благотворителям.

Его Величество Король не забыл и этого села и направил посланника в лице заслуженно- го генерала г. Белича. Король наш строит церковь — вели- чайший памятник в Европе — с уверенностью могу сказать: в Европе. Каждый иностранец её посещает, веровал бы в Бога или нет. Трудно сказать, что в ней прекраснее. Подобна задушби- не Императора Юстиниана храму Святой Софии в Царьграде!

Воинству, валеvским офицерам и солдатам, что прибыли ружейным залпом воздать почести павшим воинам сего края, крестьянам и горожанам, господину жупану, пославшему своим представителем г. Моловича, который нам произнёс столь пре- красивые слова, также как и другим чиновникам и должностным лицам, благочинному протоиерею и священству валеvскому, как и тем, кто из любви к Сербии и Церкви приехал из дальних Боки, Баната, Боснии и всех других наших краёв, братствам богомоль- ческим — этому здравому движению, что крепит государство изнутри, другу — начальнику Православного отделения Минис- терства юстиции Любисаву, а особенно директору г. Любе Павло- вичу, моему учителю, который был строг, но справедлив, — всем моя благодарность. Бог вас да благословит на многая лета.

Наталья ФЕОФАНОВА

МОНАСТЫРЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ НОВОГО

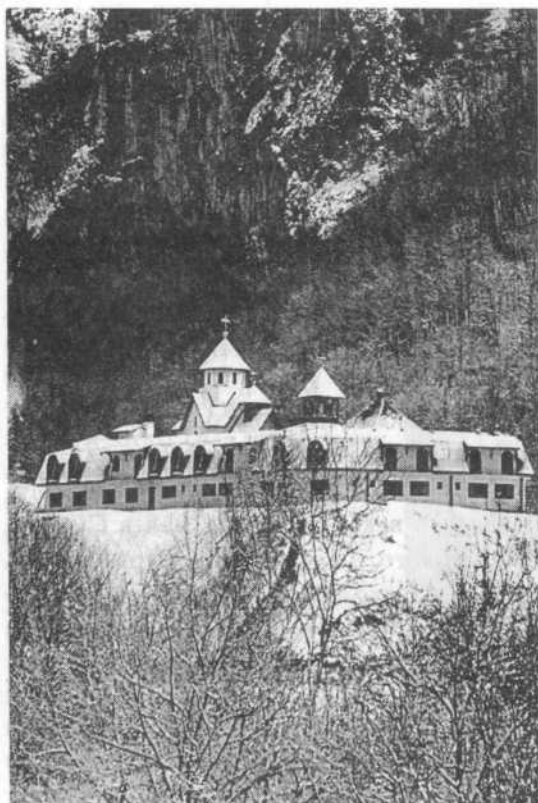
8 мая 2004 года в Сербии освящен первый в мире монастырь в честь святителя Николая Сербского.

Имя святителя Николая Сербского, величайшего проповедника и богослова, писателя и мыслителя, вдохновителя и организатора духовного возрождения Сербского народа будет увековечено в веках. В начале мая в Сербии состоится освящение первого в мире монастыря, посвященного святому владыке Николаю (Велимировичу).

Все, кому довелось читать его труды, с замиранием сердца следовали за его мыслью, то взмывающей к сияющим высотам духа, то проникающей в глубины и потемки человеческой души. С таким же трепетом душевным входим мы теперь в его монастырь, поражающий и взор и воображение.

В горах на западе Сербии, почти на границе с Боснией, где несет свои воды своенравная красавица Дрина, возник новый духовный центр. Белокаменные постройки монастыря, стилизованные под византийскую старину и современные одновременно, приютились у подножия вздымающейся к небу скалы. На вершине ее, в поднебесье, где видны развалины древней крепости, водружен величественный крест. Горы эти – молчаливые свидетели истории.

Средневековая крепость Сокол с четырнадцатого века охраняла пути во внутренние районы страны и подступы к залежам цветных металлов. Она была неприступна и считалась самым величественным стратегическим фортом на

Востоке. Когда в середине девятнадцатого века Сербия добилась независимости и скинула ярмо турецкого рабства, крепость Сокол в присутствии английского и русского консулов была передана Сербии. Однако вскоре великие державы заставили сербов взорвать крепость, и целый город на вершине горы, вмещавший до Сербского вос-

стания турецкий гарнизон в 4000 солдат, взлетел на воздух.

Крест на вершине горы Сокол был водружен 24 марта 2000 года, в день годовщины начала бомбардировок Югославии, в память о невинных сербских жертвах, павших при безумной агрессии НАТО 1999 года, как символ покаяния немецкого народа. Его пожертвовали монастырю супруги Вробел из Германии. Высота креста 14 м; вес более двух тонн. Крест стальной, с позолотой, был изготовлен на судостроительном заводе в Сербии. На вершину горы крест поднял военный вертолет Армии Югославии. Непосредственно перед подъемом крест освятил Святейший Патриарх Сербский Павел. Ночью крест подсвечивается прожек-

торами и в ясную погоду виден за десятки километров и в Сербии и в Боснии.

Монастырь святителя Николая называют «монастырем будущего». Главный храм повторяет пропорции византийских церквей средневековой Сербии. Рядом с храмом расположен музей владыки Николая. Экспозиция содержит документы и фотографии, свидетельствующие о жизни и творчестве святителя. Другая часть экспозиции посвящена истории крепости Сокол и обычаям жителей этого края.

Один необычный экспонат неизменно привлекает к себе внимание посетителей. Это – большое бронзовое распятие Спасителя, искореженное осколками снарядов. Какой-то человек во время военных столкновений середины 90-х годов в Боснии переправил распятие через Дрину в Сербию и сдал в ближайшем городке старьевщику на металлолом. Тот сохранил распятие и впоследствии подарил монастырю. В те безумные дни в тело Спасителя попали два осколка, и теперь Он, Безвинный, имеет семь ран вместо пяти. Так и Он разделил горькую судьбу Своих детей, нашего поколения. Неизмеримо жаль, что Он снова испытал муки, причем сейчас, на пороге третьего тысячелетия, когда ожидал, что люди ответят Ему благодарностью за все добро, которое Он вершил для них на протяжении двадцати веков.

Монастырь святителя Николая женский. В монашеском корпусе имеются отдельные кельи для сестер и духовенства, просторная трапезная, библиотека, комнаты для приема гостей духовного сана, мастерские. Фасад монашеского корпуса украшает большая фреска святителя Николая.

Прекрасные виды на застывшие в тишине горы и растилающуюся внизу долину располагают к созерцанию и размышлению. Недаром частыми посетителями монастыря бывают сербские прозаики, поэты, художники.

В летние месяцы в монастыре на раскопках древней крепости работают молодые люди из сербского рассеяния:

из Австралии, Западной Европы, Америки. Молодежь приобщается к вере отцов, изучает язык, историю и жизнь народа, с которым их связывают родные корни. Огромная библиотека и конференц-зал позволяют творчески работать и обмениваться мнениями.

Паломнические поездки школьников в Сербию очень популярны. По воскресеньям и выходным дням к святителю

Николаю приезжает по несколько автобусов с детьми. Школьники сразу же дружно отправляются в храм приложиться к иконам и поставить свечи. Затем все вместе поют гимн святителю Савве Сербскому. Этот гимн знают все, даже первоклассники.

С особой охотой и дети и взрослые паломники поднимаются по тропинке на вершину горы Сокол, к развалинам некогда неприступной крепости. Вдоль дороги поставлены десять часовен. Часовенки небольшие, все разные; каждая посвящена одной из десяти заповедей Господних. Рядом с часовней можно посидеть на лавочке, отдохнуть на трудном пути, поразмышлять в тишине о своей жизни и полюбоваться окрестностями. Со крутизны склонов горы Сокол срываются вниз водопады. Вокруг такая красота, что кажется: здесь зримо присутствует Господь, увидевший плоды трудов Своих и сказавший во дни мироздания: *это хорошо*.

Здесь душа обретает мир и покой, освобождаясь от суетных забот света. Монастырь святителя Николая – по-

истине духовный оазис. Идея создания монастыря и реализация проекта принадлежит Преосвященному владыке Лаврентию, епископу Валевскому. На территории Валевской епархии расположено село Лелич, родина святителя Николая Сербского, где сейчас пребывают его святые мощи. Владыка Лаврентий был первым человеком, взявшим на себя труд и смелость впервые в 1978 году опубликовать в Западной Европе десятитомное собрание творений епископа Николая (Велимировича), когда на родине, в коммунистической Югославии, его книги были запрещены. Огромное духовное наследие святителя Николая Сербского, «нового Златоуста, пятого Евангелиста, тринадцатого Апостола» питает и будет питать не только Сербское, но и Вселенское Православие. И порукой тому – этот монастырь.

2003

Епископ АФАНАСИЙ (Евтич)

КОСОВСКАЯ МЫСЛЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ

Хотел бы сказать несколько слов о Николаевой Косовской мысли и определении. Косово у нас, Сербов, всегда насущная тема, начиная от Косова вплоть до сегодняшнего дня, и особо со времени Кара-Георгия и дондесь. В нашем веке оно всё интенсивнее присутствует, особенно сегодня, хотим мы того или нет, оно нам своею трагикой всё больше возвращается и навязывается всем.

Епископ Николай (Велимирович) внёс сюда большой вклад. Иво Андрич писал в 1935 году о Негоше как о "трагическом герое Косовской мысли". Но прежде Андрича о том же говорил Владыка Николай в *Религии Негошевой*, называя Негоша "трагическим витязем Косовской мысли". Тем самым он в действительности начал писать и о себе, как о пленнике Косовской мысли и определения. Ибо для него как сербского писателя и мыслителя Косово является сложной сердцевиной духовного самоотождествления Сербского народа.

Предварительно, однако, хотел бы сказать следующее. В отношениях Владыки Николая к Косовской идее нашего народа, и к Сербскому народу вообще, и к сербской истории непременно имеются свои многомотивированные сложности и хитросплетения. Это отношение несомненно искреннего народолюбца, подобного, к примеру, пророкам Моисею или Иеремии в отношении к еврейскому народу, и его нелегко отлить в тесные опалубки наших сегодняшних представлений и закомплексованной узколобости. Всем нам известно, что в послевоенные годы, несвободные и в свободе и затемнённые во всей блистательности нашего века, в нашем обществе

проводилась оголтелая кампания против личности и произведений Владыки Николая и особенно против его любви к Сербскому народу.

Владыка, без сомнения, сильно любил свой Сербский народ, но никогда его не обожествлял. Был не слепым народопоклонником, но искренним народолюбом, трезвенным *родолюбом* [патриотом]. Из своей любви к Сербскому народу он в то же время, как некогда Моисей и Святитель Савва, бывал и критичен в отношении к нему и его слабостям. Возможно, изредка, будучи увлечён историческими обстоятельствами или соучаствуя в страданиях и муках своего народа – не забудем, он лично был свидетелем и участником Балканской и Первой мировой войн, внося в обе войны заметный духовный и национальный вклад, – и бывал иногда романтично воодушевлён своим народом, подобно, впрочем, и другим великим людям в истории. Однако это не значит, что он недостаточно знал свой Сербский народ и что не замечал и не предавал гласности его слабости и недостатки, частные и общие. Владыка знал очень хорошо, и не скрывал этого, что многие Сербы «грешили как люди по человеческой слабости, но и калялись в своих грехах и умирали как истинно раскаявшиеся». Он также говорил о Сербах и сербской истории: «Не растут на Косове только пионы – но и тернии. Однако в Грачаницу вносят только пионы».

Николаеву любовь к своему многострадальному народу, эту его, если угодно, слабость, многие сегодня не только не воспринимают, но и намеренно искажают или даже злонамеренно извращают по мере своей извращённости и отчуждения от собственного народа и настоящей человечности и родолюбия. Таковые чаще всего приписывают Владыке Николаю то, что сами имеют в своей душе и своём подсознании – ненависть к другим людям и другим народам. Владыка меж тем держался проверенной христианской практики и опыта, которые вновь в наши дни высказал и подтвердил один Достоевский: невозможно любить некоего человека или

народ вообще, если не любить своего ближайшего соседа и свой собственный народ.

Проще говоря, Владыка не чувствовал ненависти ни к кому. В нём выражался наш сербский крестьянин в своей непосредственности и непритворности. Потому его наш простой народ лучше всего и воспринимал и разумел, и до войны и сегодня. Его тексты о Сербском народе и сербской истории, особенно же о Косовской мысли и заветном определении, думаю, не менее трезвы, чем его оценки европейской и индийской мысли или его *Религия Негошева*.

Именно в *Религии Негошевой* в 1911 году Николай впервые и объявил о Косовской идее у Сербов вообще и особо у Негоша. “Косово есть, пишет он, начало всего сербского несчастья (...) Всё, что было крепко и твёрдо в вере христианской после Косова, укрылось в черногорских горах, чтобы из свободы защищаться и защищать ‘залог’ прадедовский”. Затем прибавляет, что никто так не грезил о Косове и Обиличе, как черногорские Сербь. “И, бесспорно, никто из черногорцев не грезил об Обиличе более, и никто им не жил более, нежели сам Негош. Лишь сердцем и душою можно понять Косово”. И жить им, вместе с именем Обилича. “После Косова пришло рабство. Благородная нация (сербская) облеклась в ‘гунь и опанак’ и, покрыта стыдом (из-за поражения) и угнетена варварством поработителя, стала проживать своё вавилонское пленение (...) Единственной звездой, сиявшей во тьме многовекового страдания потомков за грехи предков, была ‘святая Милошева правда’. Эта звезда бдила над порабощённым народом, поддерживая его и укрепляя в нём веру в себя и в конечную победу правды”.

Из приведённого отрывка *Религии Негошевой* видим, что Владыка Николай, как, впрочем, и Негош, говорит здесь только о Милошевой правде косовской, не упоминая Святого князя Лазаря. Лишь несколько позднее он перенесёт всю Косовскую тему и мысль о Косове на Святого князя и Великомученика Лазаря Косовского и будет говорить больше о Ла-

заревой правде на Косове, то есть о Лазаревом и всесербском Косовском определении за Царствие Небесное.

В 1912 году на Видов день накануне освобождения Косова в ходе Балканской войны Владыка Николай в проповеди *О предках и потомках* (из *Подгорных проповедей*) говорил о Косове следующее: “Центральным предметом разнообразной нашей великой народной литературы является Косовский бой (...) Наша вера увековечила видовданское поражение возведением Мучеников Косовских в чин Святых, поминаемых и почитаемых Церковью, и вознесением сегодняшнего дня (Видовдана) над обычными днями. Это самый выдающийся день в нашей истории (...) Это огромная высота, с которой просматривается вся наша история, прошлая и будущая”.

Продолжая проповедь, Владыка старается снова объяснить Сербскому народу Косовское поражение и ту духовную силу, благодаря которой пережито пятивековое турецкое рабство. “Пробным камнем, говорит он, жизнеспособности любого народа является терпение. Народ, способный терпеть, не может погибнуть (...) Наша вера, более, чем всякая другая, осватила терпение как нечто необходимое для совершенства человека и народа. Претрпéвúй же до конца, тоú спасéньè бóдетъ (Мф., XX, 22), тому принадлежит венец славы (...) Человек, как и народ, не прошедший голгофским путём, – всего лишь кандидат в люди и в народы, а не настоящий человек и истинный народ”.

Приведённые слова Николай Велимирович произнёс за несколько месяцев до вступления сербского народа в Балканскую войну за освобождение Косова. Непосредственно же после освобождения Косова, зимой 1912 года, он в проповеди *О народном пророчестве* (из книги *Над грехом и смертью*, опубликованной в 1914 г.) изрёк и следующие мысли о Косовском определении нашего народа: “Косовское поражение 1389 г. означало для Сербского народа завершение бурного дня и начало мрачной и скорбной ночи. Но народ не смог бы пережить столь долгую ночь, если бы не было хоть одного

луча света. И у него был этот единственный луч света, это было пророчество о дне среди тёмной ночи. И вот солнце того дня вошло и засияло. Косовское геройство, говорит далее Владыка, окружено ореолом Небесной правды. В нём сияет и Лазарева правда (...) Кто некогда прилепился Царствию Небесному, тот и в гибели своей нёс победу. Кто умирал за Небесную правду, правда того жила и его воскрешала. Ибо Небо земли сильнее. Земная правда уносит краткие и быстрые победы; долгожданная и окончательная победа принадлежит правде Небесной". Далее в этой важной проповеди Владыка теперь, по освобождении Косова, прямо связывает "Лазареву правду и Милошево геройство", чем указывает на праведное дело освобождения Косова, и при этом и на геройство новых ратников, освободителей Косова.

В 1913 году он пишет статью *Видовданские мысли* (в *Вестнике Сербской Церкви*) и в ней выражает следующие важные мысли о Косове и Косовском определении:

"Наша народная история – одна глубокая драма (...) В ней Церковь служила спасению народа Сербского. То символическое представление Церкви как корабля спасения нигде так ясно не оправдывается, как в нашей истории". Затем прибавляет: "В народном сознании Косово есть святая земля (...) Косово представляет собой кульминацию драматического действия в нашей истории."

Как и насколько Сербский народ из всех наших краёв почитает Косово за свою святыню и святую землю, описывает далее Владыка в той же статье: "Один человек из Лики поехал во время войны (Первой Балканской 1912 г.) на Косово поле 'облобызать святое Косово' и привести оттуда домой святой косовской земли. Говорил нам: 'Умоляли меня и все мои соседи и знакомые, чтоб и им привёз хоть по горсти святой косовской земли'." И этот случай, среди стольких других, ясно свидетельствует о народном понимании Косова как святой и скорбной сербской земли, средоточии всецелой драмы нашей народной истории. Именно это народное вос-

приятие приводит и представляет Владыка Николай и говорит далее: “Страданье косовское есть сердцевина нашей истории. А это и делает историю освящённой, драму сакральной. Ибо всякая жизнь без страдания мелка. Потому период национального рабства углубил нашу историю и придал ей драматическую высоту (...) Ничто нас в настоящее время не может сделать в такой мере оптимистами, как размышление о нашей истории, особенно о Косове. Кто имеет очи, да видит великие черты и пути нашей косовской прошлости, у того не может быть в современности ни малейшего национального пессимизма (...) Оптимизм был единственной философией всех сербских поколений, испивших видовданскую чашу от Косова вплоть до восстания (под предводительством Кара-Георгия). Оборванные и окровавленные рабы, что Видовданской ночью тайно служили в Грачанице службы Лазарю и сербским мученикам, сквозь слёзы надеялись и сквозь мрак видели рассвет.”

В 1916 году во время Первой мировой войны Владыка Николай в Нью-Йорке, куда был вместе с Югославянским комитетом послан сербским Правительством для просветительно-проповеднического служения сербскому и югославянскому делу, издал *Сербский народный календарь*, в котором Косову посвятил следующие строки:

“Косово – это поле, где растут красные пионы. Косово – это поле, где белеет церковь Грачаница. Косово – это поле, из-под которого дышит великий воевода Милош Обилич. Косовская битва есть водораздел сербской истории (...) После Косова настала невероятная скорбь в Сербском народе. Началось страшное рабство под турками, но и ожидание восхода зари и освобождения”. Так о Косове писал и говорил Владыка и во время тяжкого страдания Сербского народа под оккупацией в Первой мировой войне.

После освобождения Сербии и объединения Югославии Владыка Николай вновь часто обращался к Косовской теме и идее, как, например, в своей беседе *Павшим героям*

на Каймакчалане 1921 года или в своей знаменитой *Речи на Ловчене* 1925 г. в честь торжественного перенесения останков Негоша в обновлённую тогда часовню на Ловчене (которая, как известно, несколько десятилетий назад официально уничтожена, как и почти уничтожен сербский Каймакчалан в СР Македонии). Вообще говоря,

Владыка возвращался к Косову всякий раз, когда говорил о сербской истории и Сербском народе, и прежде всего, о Кара-Георгии, Негоше и других героях сербской славы и Косовского определения. Далее, однако, он всё более связывает Косовскую мысль и определение со Святым князем Лазарем.

Особенно значительно его религиозно-философское эссе, опубликованное в 1933 году под названием *Царёв завет* и впервые посвящённое исключительно Святому князю Лазарю, Косовскому Великомученику. Оно в действительности представляет собой мистическое и историософское толкование Владыкой Николаем народной эпической песни *Гибель Царства Сербского*, в котором он даёт своё понимание Лазарева и всесербского Косовского определения для Царствия Небесного.

Такое же восприятие, но в более доступном виде, представил Владыка в двух своих известных проповедях о Косове 1939 года, когда отмечалась 550-ая годовщина Косовского

боя. Мысль Владыки Николая о Косове и Косовском определении в этих двух текстах, которые хотелось бы несколько обширнее процитировать, важна и сегодня для нас, особенно в связи с современным трагическим положением на Косове и в Метохии и ради предстоящей 600-летней годовщины Косовской битвы в будущем году.

В знаменитой Видовданской проповеди, произнесённой в Лазаревой задушбине Раванице в 1939 году в присутствии огромного собрания Сербского народа, епископ Жичский Николай на вопрос: *Чьи вы, малые Сербы?* ответил так: «Мы дети Христовы и духовные потомки Святителя Саввы (...) потомки святителей и преподобных и святых кралей — строителей и ктиторов (...)

Мы потомки косовских героев, жертвовавших жизнью за Крест Честной и Свободу Золотую; самородные и буйные ветви народного дерева, что на Косове было обрезано по самый ствол, а ствол был срублен под корень. Не усохло то древо, ибо оживотворила его кровь крестных мучеников. Не высох срубленный ствол, ибо Царствие Небесное, избранное витязями Креста, дало ему силу зазеленеть и пустить побеги... Мы плоть от плоти, и кость от кости, и дух от духа того народа, что после Косова жил на своих огнищах без свободы, в своей земле под чужеземцем, [сколь тождественно сегодняшнему состоянию несвободы и рабства Сербов на Косове и в Метохии! — А.Е.] без земного царства и без земного великолепия (...) Эти крестьянские праотцы наши, переоблачённые из расшитых кафтанов тонкого сукна в посконину и сермягу, с воздыханием смотрели на *Косово* не как на долину, но как на вершину. С той вершины народ ожидал потоков чистой воды, что омоет ему раны и слёзы, напоит дух и душу, воодушевит небесным вдохновением дабы всё выдержать и превозмочь.

И воистину народ всё вынес и превозмог — благодаря Косову и Церкви. Церковь для него была толкователем *Косова*, а *Косово* — толкователем всего произошедшего до и после гибели земного Царства Сербского. С помощью сих двух вер-

ных толкователей народ познал сущность Свободы. Уяснил, что Свобода есть дар Божий, святыня, и что она неотделима от Честного Креста. Кто согрешит против Честного Креста – согрешит и против Свободы, и, напротив, погрешивший против Свободы погрешил и против Честного Креста. Свобода есть святыня, потому и говорят: Святая Свобода. Как чистый холст даётся Свобода людям; когда люди падут в греховную грязь, должны очиститься слезами и кровью. Или незапятнанная Свобода, или никакая. Или Святая Свобода, или никакая. Или Золотая Свобода, нераздельная от Честного Креста, или никакая. В глубоком покаянии народ веками омывал запятнанную Свободу покаянными слезами и мученической кровью. И когда её очистил, тогда она ему вновь была дана.

Мы потомки тех мучеников и кающихся, от кого родились повстанцы [Кара-Георгия] (...) Если в оценке исходить из духовного и нравственного благородства предков, тогда мы относимся к самым богатым такой аристократией народам. И если кто в мире и может гордиться великими характерами, святыми душами, славными витязями и многочисленными мучениками за Крест и Свободу, то мы можем”. Потому, завершает Владыка Николай свою Видовданскую проповедь в Раванице, “да даст нам Бог более веры, честности и родолюбия. Ибо когда сии три под вопросом, всё под вопросом. (...) Сегодняшний пятьсотпятидесятый Видов день оставляет [нам] на выбор – народное проклятье или народное благословение.”

“Княжево (Лазарево) прилепление Царствию Небесному свершилось во имя всего народа и явилось наилучшим выражением целокупного смысла нашей истории и её направляющей идеей. Ибо Косово показало, что события нашей народной истории разыгрывались в высшем плане, на трагической и возвышенной границе Небесного и земного (т.е. исторического и эсхатологического), Божьего и человеческого. Если мы как народ в неманическую эпоху в свободе со Христом имели и могущество, и блеск, и задушбины – в послекозовское время, также со Христом, в рабстве не изнемогли, не

пали, не погибли, но выразили удивительную глубину души через многообразное народное искусство и через победоносные народные восстания. Косово свидетельствовало и свидетельствует, что как народ мы никогда не боролись за мелкие и неважные вещи и никогда не могли искренне вдохновиться пустяками и преходящими ценностями.”

Так говорил Владыка Николай в 1939 году. Несомненно, он в своём видении и толковании сербской Косовской мысли и определения следовал Патриарху Даниилу III и раваницким монахам, народному характеру и народной песне, живой народной традиции и памяти о Косове и Косовском завете и определении. Он, как и Негош, воистину трагический герой Косовской мысли, более того, литург и мистагог Косовского крестного определения Сербского народа. Его историческое и эсхатологическое понимание Косова в духовной и исторической судьбе Сербского народа повлияло поэтому на многих других сербских интеллектуалов, писавших в то время о Косовской идее у Сербов, как то: Милош Джюрич, Бранко Лазаревич, Велько Петрович, Иустин Попович, Иво Андрич и после войны Зоран Мишич, поэт Миодраг Павлович и Марко Маркович. (Некоторые тексты упомянутых авторов перепечатаны в монографии *Задушбины Косова*, которая вся также зиждется на Косовской мысли и определении Сербского народа, к чему нас всё более заставляет обращаться трагическая действительность сегодняшнего Косова.)

После юбилейного 1939 года пришёл и трагический 1941. В известных мартовских событиях епископ Жичский Николай был одним из главных борцов против позорного пакта и рабства. Хочу публично высказать своё впечатление, что знаменитая речь Патриарха Гавриила, произнесённая на радио утром 27 марта Сербскому народу, в действительности составлена Владыкой Николаем и одобрена Священным Архиерейским собором. Напоминаю ключевые слова этой исторической речи Сербскому народу, переданной белградским радио: “Вновь мы прилепились Царствию Небесному, то есть

Царству Божией истины и правды, народного единения и свободы. Это вечный идеал, несомый в сердцах всех Сербов (...) Преклонимся пред Богом и восклонимся перед людьми.”

Как известно, и Патриарх Гавриил и епископ Николай провели время Второй мировой войны и немецкой оккупации в заточении по оккупированным монастырям и под конец в печально известном Дахау. Во время своего заточения в монастыре Любостыне Владыка успел написать несколько значительных текстов, некоторые из которых посвящены Косовской мысли и Косовскому историческо-эсхатологическому определению Сербского народа, переживавшего свою новую и самую скорбную во всей истории Голгофу. В одном из них, названном *Сербский народ как Теодул* [раб Божий], Владыка говорит:

“Нельзя историю Сербского народа писать лишь чернилами – но и кровью и слезами из самого сердца. (...) Не только слушая Евангелие научились Сербы правде жизни. Не из книг лишь научились. Но научились тому столь же из жизненного опыта. (...) Сербы как народ мучеников и провидцев” своей жизнью и историей подтверждали все истины Христового учения. “Судьба всех праведных народов вообще сходна судьбе Христовой, однако, может, ни одного народа настолько, насколько судьба Сербского народа”. Потому Сербы из своего жизненного и исторического опыта приобрели “ясное видение Небесного Царствия Божия как высшей цели и смысла земного странствия и бытия всех рабов Божиих, как народов, так и всякого человека.”

Наконец, хотелось бы подчеркнуть ещё нечто весьма важное касательно Николаевой Косовской мысли и определения. А именно: Владыка Николай первым написал *Службу Святым Новомученикам Сербским*, пострадавшим от геноцида, совершённого над Сербским народом во Второй мировой войне. Этот его поэтический текст мало известен. Впервые был опубликован в 1962 году, когда Священный Архиерейский собор Сербской Православной Церкви принял решение праздновать память Святых Новомучеников Сербских вре-

мени последней войны вместе с Косовскими Мучениками, на Видов день. Тогда была частично напечатана *Служба Святым Новомученикам* Владыки Николая. В ней он привёл и описал, литургически воспел страдание Сербского народа: детей, матерей, старцев, юношей и дев, монахов, владык и священников и множества других неизвестных мучеников — на всех просторах и голгофах наших от Косова до Ядовна.

Не мне здесь судить и оценивать поэтический метод и уровень этого сочинения Владыки. Для меня одно несомненно: этой *Службой Новомученикам Сербским* Владыка Николай Велимирович с необходимостью вошёл в число наших великих и славных гимнографов и песнотворцев от Святителя Саввы до новейшего времени, продолжая таким образом живую традицию нашей литургической и церковно-народной поэзии. Одна из этих его песней, *Тропарь Новомученикам*, уже давно поётся по нашим церквям и монастырям. В этих гимнографических, как и в других подобных текстах Владыки Николая о мученичестве, косовском и послекосовском, нашего православного народа, я обратил внимание на одну глубокую и сильную мысль, которую хотел бы здесь привести. Она гласит:

Ничто оубо естъ неодолимѣ живота правды радн:
точи же крѣпльши и неодолимѣйши смертъ правды радн.

В этом утверждении, одном из основных во всей сербской Косовской мысли и определении, узнаём первохристианскую истину о мученичестве, о непобедимости и неодолимости Христовых мучеников, о чём столь поразительно свидетельствует Откровение Святого Иоанна Богослова и Тайновидца и вся последующая история Христовой Церкви. Косово сербское, от Косова шесть столетий назад до Косова сегодня, ту же мысль удостоверяет и подтверждает. А свидетелем (греч. *μάρτυρος* = мученик) этого был и епископ Николай (Велимирович).

1988

Перевела Мария Мелькова

КНЯЗЬ ЛАЗАРЬ ВЫБИРАЕТ ЦАРСТВО

(сербский эпос)

Вылетает сизый сокол в небо
от святыни, от Ерусалима,
и несет он ластовицу птицу.
То не сокол вылетает сизый,
то небесный Илия-святитель;
и несет не ластовицу-птицу,
а несет он весть от Богодевы.
На Косово то письмо приносит,
опускает князю на колени,
и письмо само возговорило:
«О, князь Лазарь, благородный родом,
ты какое царство крепче любишь?
Или любишь небесное царство?
Или любишь царство ты земное?
Если любишь царство ты земное,
седлай коней, подтяни подпруги,
каждый витязь, саблей препояшься,
да на турок нападайте сразу,
турецкое все изгинет войско.
Если ж любишь небесное царство,
на Косове ты поставишь церковь,
но не мрамор в основанье нужен,
шелк и пурпур постели под камни,
все царево причасти в ней войско
перед тем, как все оно погибнет,
и ты, княже, с ним погибнешь вместе».

Деталь картины
П. Йовановича

Когда Лазарь выслушал то слово,
 стал он думу непростую думать:
 «Боже милый, что я пожелаю?
 Царство мне какое больше люблю?
 Пожелаю царства ли земного?
 Если здесь я пожелаю царства,
 пожелаю царства я земного,
 так земное короткое царство,
 а в небесном царстве век превечен».
 Лазарь выбрал небесное царство,
 а не царство краткое земное,
 на Косове он поставил церковь,
 в основанье положил не мрамор,
 шелк и пурпур настелил под камни,
 патриарха сербского позвал он
 и двенадцать тех владык великих,
 чтобы к бою причастили войско,
 так стоит он, турок поджидая.

*Памятник
на Косовом поле*

Заключение Лазаря

Гой да было тут кому послушать
 Лазарь-князя страшное заклетье:
 «Кто не выйдет на Косово биться,
 не родится ничто в его руку:
 ни пшеница белая на поле,
 ни лозица винная на склоне!»

Перевод Юрия ЛОЩИЦА

Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович)

ПРОПОВЕДЬ В МОНАСТЫРЕ РАВАНИЦЕ НА 550-Ю ГОДОВЩИНУ КОСОВСКОЙ БИТВЫ

Душа моя исполнена великого воодушевления на этом месте в этот день, когда выхожу перед вами высказать то, что словами выразить невозможно.

Когда меня ребёнком мать водила в церковь, помню, лишь с горы завидится храм, мать напоминала мне: “Перед святыней нужно молчать!” А эта царская церковь и этот велик день — столь возвышенные святыни перед лицом Бога и народа, что воистину смиренное безмолвие здесь будет большей утехой душе, нежели любое слово. Но, будучи приглашён говорить и не смея обмануть вашего ожидания, я молю Бога да будет моя речь хотя сколько-нибудь на утешение и радость всем вам, меня слушающим.

Из богатой сокровищницы тем, что нам предлагает сегодняшний день, избрал я один совсем обычный предмет, одну совсем простую тему, которая гласит: *Чей ты, маленький?*

“Чей ты, маленький?” Этот вопрос нам люди часто задавали, когда мы были детьми. И кто из нас не чувствовал досады от часто повторяемого вопроса: “Чей ты, малыш?” Особенно, когда мы читали стихи на Саввин день или получали награды на Видов день, вопрос повторялся и повторялся: “Чей ты, маленький?”

Этот вопрос задан и всей нации нашей. Во время последней семилетней войны (Первой и Второй балканской и Первой мировой), когда сербский народ проходил

мрачными дорогами несправедливости и страдания и когда сербская армия восхищала мир своими победами и подвигами самопожертвования, вопрошал весь свет: Что это за маленький народ? Кто его предки? Какого происхождения? Какова его история? Одним словом: Чей ты, малый народ Сербский?

И мы отвечали, как умели. Рассказывали историю нашу, пели песни о святых и героях наших, раскрывали мудрость народа нашего. Мы были открытием, подобно какой-то новой руде, для больших и малых народов мира. Великий Английский народ настолько был впечатлён, что в течение нескольких лет торжественно праздновался Видов день по всем школам английским, а сербский народный Гимн *Боже правды* исполнялся по всем храмам. Неизмерно благодарны мы великому Английскому народу за это и за великодушную помощь во всём в тяжёлую пору, когда мы были нападаемы с разных сторон несколькими Голиафами одновременно.

Но на сем месте и в сей день не будем отвечать чужеземцам, чьи мы, а ответим сами себе и за себя. Чтобы себя лучше узнать и через то знание утешиться и ободриться, укрепиться и объединиться. Чтобы найти историческое, непогрешимое мерило, которым будем себя определять и знать, каковы мы в сравнении с отцами нашими.

Чьи вы, малые Сербы?

Мы чада Божьи и люди арийской расы, которую судьба удостоила чести быть главным носителем Христианства в мире. Мы принадлежим большой семье славянской, на протяжении многих столетий бодро несущей стражу на вратах Европы, дабы племена менее сильной расы и низшей веры не тревожили крепённую Европу в её мирном развитии и преуспейнии. Мы — народ крещёный, народ христоносный. И таким образом,

мы по крови арии, по роду Славяне, по имени Сербы, а по сердцу и духу — Христиане.

Чьи вы, малые Сербы?

Мы дети Божии и потомки тех земледельцев и скотоводов, что вместе со своими братьями Хорватами, Болгарами и Словенцами переселились издалека на этот Балканский полуостров, просвещённый философией и поэзией эллинской и прославленный геройством эллинским. Переселились, думая, что здесь удобнее живётся, не зная, какую им участь судьба уготовала; не ведая, что судьба поставила их охранителями опаснейшего пути и стражами наисудьбоноснейших врат. Мы потомки их по всему, и по занятиям тоже. Ведь мы вот и в XX веке, в основном, землепашцы и животноводы.

Чей ты, маленький народ Сербский?

Мы дети Христовы и духовные потомки Святителя Саввы Неманича, того несравненного мужа, который сделал для своего народа всё, всё: ни то, что ни один великий человек не может сделать, но что и легионы великих людей в других народах не смогли и не сумели. Несколько столетий времени наших жупанов было проведено в колебаниях между церковной властью византийской и церковной властью римской. Каждый жупан сербский оценивал и примерял, покорить ли свой народ власти византийской или римской. Святитель Савва открыл *третью власть* — ни византийскую ни римскую: власть свободной национальной Церкви. Эта третья власть — ни чужеземная ни интернациональная — пресекала вековые колебания наших жупанов меж Византией и Римом и проложила тот совершенный исторический путь, которым Сербы и дондсь идут.

Хотя количественно Сербы не относятся к великим народам, их жизнь и их история представляют собой совершеннейшее произведение несказанной гармонии и красоты. За то должны мы быть благодарны

своему духовному родоначальнику и отцу Святителю Савве, который не позволил ни чужеземному князю ни иностранному папе управлять жизнью и судьбой Сербского народа, но установил третью власть — национальную — и для государства и для Церкви.

Чей ты, маленький Сербский народ?

Мы потомки святителей и преподобных и святых кралей — строителей и ктиторов из святого рода Неманичей. И самые могущественные самодержцы наши и убогие пустынники и странники величали себя рабами Господними и воспринимали мирную пору как службу Богу, а бранную — как жертву Богу. Отсюда и ктиторовство их и благотворительность. Своими дивными задушбинами расцвелили они и осветили всю землю нашу, а почитанием своих святых покровителей прославили Небесного Отца и Творца тех святых. Как другие правители наши — так и славный Лазарь Косовский, строитель-задушбинар сей обители Раваницы, сегодняшней нашей гостеприимной хозяйки и именинницы, привлекавшей к себе нас отовсюду своей мистической притягательностью.

И паки отвечаем на вопрошание: Чьи вы, малые Сербы?

Мы потомки косовских героев, жертвовавших жизнью за *Крест Честной и Свободу Золотую*; самородные и буйные ветви народного дерева, что на Косове было обрезано по самый ствол, а ствол был срублен под корень. Не усохло то древо, ибо оживотворила его кровь крестных мучеников. Не высох срубленный ствол, ибо Царствие Небесное, избранное витязями Креста, дало ему силу зазеленеть и пустить побеги.

И в последний раз ответим на вопрос: Чьи вы, малые Сербы?

Мы плоть от плоти, и кость от кости, и дух от духа того народа, что после Косова жил на своих огнищах

без свободы, в своей земле под чужеземцем, без земного царства и без земного великолепия; народа, проходившего пустыней рабства без своего Моисея, но с надеждою несокрушимой, что Бог отцов его, Бог Неманин и Саввин, Бог Стефанов и Милутинов, Бог Лазарев и Милошев дарует вновь землю обетованную. Эти крестьянские праотцы наши, переоблачённые из расшитых кафтанов тонкого сукна в посконину и сермягу, с воздыханием смотрели на Косово не как на долину, но как на вершину. С той вершины народ ожидал потоков чистой воды, что омоет ему раны и слёзы, напоит дух и душу, воодушевит небесным вдохновением дабы всё выдержать и превозмочь.

И воистину народ всё вынес и превозмог — благодаря Косову и Церкви. Церковь для него была толкователем Косова, а Косово — толкователем всего произошедшего до и после гибели земного Царства Сербского. С помощью сих двух верных толкователей народ познал сущность Свободы. Уяснил, что Свобода есть дар Божий, святыня, и что она неотделима от Честного Креста. Кто согрешит против Честного Креста — согрешит и против Свободы, и, напротив, погрешивший против Свободы погрешил и против Честного Креста. Свобода есть святыня, потому и говорят: Святая Свобода. Как чистый холст даётся Свобода людям; когда люди падут в греховную грязь, должны очиститься слезами и кровью. Или незапятнанная Свобода, или никакая. Или Святая Свобода, или никакая. Или Золотая Свобода, нераздельная от Честного Креста, или никакая.

В глубоком покаянии народ веками омывал запятнанную Свободу покаянными слезами и мученической кровью. И когда её очистил, тогда она ему вновь была дана.

Мы потомки тех кающихся, от кого родились повстанцы; потомки тех повстанцев, от которых родились

второе и третье поколения повстанцев, пока наконец мы не вступили на жизненное поприще завершать дело повстанческое и созерцать благое в наше время лицо Свободы на всей земле югославянской.

Вот нам ответ на вопрос, чьи мы.

Если в оценке исходить из духовного и нравственного благородства предков, тогда мы относимся к самым богатым такой аристократией народам. И если кто в мире и может гордиться великими характерами, святыми душами, славными витязями и многочисленными мучениками за Крест и Свободу, то мы можем. Не гордиться своим великими предками, но быть ниже и хуже их, значит вызывать презрение, а не удивление. Величаться освободителями и пятнать Свободу, купленную собственной кровью, непоследовательно и смешно; более того — подлежит наказанию как преступление.

И вот день, рождающий трепетнейшие чувства, и место, обязывающее нас дать клятву Святую Свободу свято блюсти. На Видов день, перед Раваницей!

Всему свету известно слабое место Славян, омрачающих свою Свободу раздорами. Под таким затмением солнца Свободы живём и мы, южные Славяне. И доколе ещё так будем?

Доколе будем притчей во языцех для тех, кто презирает Славян как низшую породу человеческую, чтобы презирали нас ещё больше? Доколе будет разноситься по свету худой слух, будто Славяне не доросли до Свободы, будто бы они добрые слуги, но дурные господа? О, дай нам, Боже, да будем добрыми слугами, но для служения друг другу во имя любви, слугами своему народу в свободной народной державе. И Сын Божий явился нам, как и изрёк, не господствовать, но послужить. Не дай, Боже, нам быть ни добрыми ни худыми господами над другими народами, на чужих огнищах. В наших предках не числим мы ни единого султана ни единого кесаря. Лучше, чтоб правителями нам были наши крестьянские князи и короли, чем султаны и императоры. Но если мы ребячливо играем нашей Свободой, может вновь появиться некий султан или кесарь и утвердить свой жезл в нашей почве. Не лучше ли представлять малую, но свободную целостность, нежели часть чужой империи? Не лучше ли с братом Хорватом жить в своём скромном доме, чем в палатах чужебных?

Подумайте, что сделали бы те молодые воины короля Петра и короля Александра, когда бы в 1918 году, воюя на снежных горах македонских, могли представить то, что будет происходить в Югославии через 20 лет? Да если бы могли видеть, скажем, в некоем фильме нестроения между Сербскими и Сербскими, Хорватскими и Хорватскими, меж Сербскими и Хорватскими? Что бы они делали? Ослабели бы их мужские руки, повывали бы из них сабли, и мы сегодня были бы все едины — рабы.

Доколе будем мы как свободные люди презирать единодушие, эту дивную добродетель рабов, за которую мы в долгу перед своей Свободой?

Доколе будет брат брата ставить под вопрос и обозначать один другого вопросительным знаком? Доколе будут подобно фальшивым монетам сыпаться речи о хорватском вопросе, о мусульманском вопросе, о сербском вопросе? То, что есть вопрос или под знаком вопроса, народ воспринимает как нечто сомнительное и нереальное. Меж тем и Хорваты и Сербы во всяком случае являются действительностью, а не вопросом.

Неужто не видите, что ставя всё под вопрос, мы всё доводим до проблем? Доводя всё до проблем, мы готовим новое Косово, однако не славное Косово, но срамное. На славном Косове благородный ктитор сей святой обители не пощадил живота своего за Крест Честной и Свободу Золотую. Срамное Косово будет означать поражение и гибель без сколько-нибудь возвышенного девиза или под неким недостойным нашей славной истории и нашего славного народа лозунгом. Не дай, Боже!

Да даст нам Бог более веры, честности и родолюбия. Ибо когда сии три под вопросом, всё под вопросом. Когда эти три невидимых двигателя ослабнут, весь видимый механизм человеческого бытия действует неправильно. Неосознанными предателями сей святой земли могут стать те, кто захочет исправить внешний механизм нашей жизни, презирая меж тем три этих невидимых двигателя: веру, честность и родолюбие. Быть может, так же бессознательно и Вук предал на Косове. Кто же предал? Не предал ни благородный князь ни благородный народ. Предал великий господин Вук. Пусть помнят то и наши господа, сербские и хорватские. Да не пребудет на них проклятье народа. Благо же им, если в духе народном послужат своему народу в настоящее время. Благословение народа пребудет на них и на

чадах их. Сегодняшний пять-сотпятидесятый Видов день оставляет им на выбор — народное проклятье или народное благословение.

Но ответственность лежит и на нас всех. Если не все имеем довольно политического ума, все обладаем двумя другими сильными средствами: молитвою и любовью. Спаситель мира учил людей не политическому разуму, а молитве и любви. Политический ум быстро истощается, молитва и любовь — неисчерпаемы; молитва, что горы передвигает и повергает в море, и любовь, что смерть побеждает и мёртвых воскрешает. Молитвою ввергнем в море гору ненависти между братьями, а любовью воскресим всех тех, кого каждодневно ненавистью убиваем. Новая, спасительная для всего Божьего мира политика не означает более сильного политического ума, но новые методы, а то суть молитва и любовь. Обманываются Славяне, когда думают помочь человечеству более сильной политической мыслью. Их миссия, своеобразная и возвышенная, молитвой и любовью, а не политикой создать и открыть новую эпоху в истории человечества.

А коль скоро речь о молитве и любви, все мы должны со всей ответственностью приняться за дело. Не господа, но все. А вообще, не господа ли и господские сыновья мы все? Не выстроил ли я только что перед вами всё это огромное войско самых настоящих вельмож Божиих, чьими детьми мы и являемся?

Те благородные предки наши не мертвы. Души их возле нас. Я весь трепещу от сознания, что души всех

присутствовавших на освящении Раваницы каких-то 560 лет назад, сегодня собрались и смешались с нами на этом месте. Здесь душа Святого Лазаря и славной Царицы Милицы. Здесь душа Милоша Обилича, Страхинича, Юговичей и остальных косовских витязей. Тут и душа Раде Боровича, зодчего сей святой задушбины, и души его трудолюбивых строителей. Тут, возле нас и души священников и духовников, освящавших сей святой храм. Здесь тысячи душ того народа, что собирался вместе с ктитором Богу помолиться и сердцем возвеселиться. Все эти святые души наполнились и переполнялись молитвою и любовью. Вечная им слава и хвала!

Если хотим хвалиться предками своими, не смеем быть меньше их в молитве и любви — в молитве, дабы нам Бог был союзник, помощник и защитник, и в любви, дабы жизнь наша была радость, и сила, и свет.

Обещаем же хранить непрестанную любовь и молитву. Чтобы с этого святого места все отправились восвояси, став добрей и чище, святей и ясней, храбрей и сильней. И да продолжим в домах своих постоянную молитву Богу:

Помоги нам, Боже,
примири всех братьев,

всех Сербов, и Хорватов, и Словенцев, и остальных почтенных подданных нашего молодого короля Петра.

А теперь, когда вы, слушая меня, уверились, что никакое слово человеческое не в силах выразить славу сего места и сего дня — Раваницы и Видова дня — я вас призываю к благоговеющему молчанию, к молитвенному безмолвию, что Бог слышит так же ясно, как и речь. И пусть в глубинах нашего молчания трепещет единственная лишь мысль:

Помоги нам, Боже,
примири всех братьев!

Перевела Мария Мелькова

Мария МЕЛЬКОВА

МОНАСТЫРЬ СВЯТЫХ АРХАНГЕЛОВ

В южной части сербского автономного края Косова и Метохии, ранее носившего историческое имя *Старая Сербия*, в долине реки Призренской Бистрицы в 3 км к юго-востоку от древнего Царского града Призрена находится монастырь в честь Святых Архангелов Михаила и Гавриила. Это задушбина могущественнейшего правителя Средневековья из сербской династии Неманичей, короля, а с 1346 г. Царя сербов, греков и арбанасов Душана Сильного.

Строителем обители, воздвигнутой, в основном, в 1343–1352 гг., явился игумен Иаков, известный книжник и поэт XIV века, впоследствии митрополит македонских Серр, которые являлись вторым по значению городом империи, что говорит о том, насколько была близка эта личность царственному ктитору. Стефан Урош IV Душан обнародовал особую грамоту, которой определил значение и общественное положение монастыря. Царь подарил Святым Архангелам 93 села, железный рудник, плодородной земли и виноградников в достатке, предоставил в распоряжение монастырю семерых призренских бояр, значительное число ремесленников — среди них и зодчих — по городам и прибыль от призренской таможни (1000 перперов) и призренского торгова. Помимо этих и других привилегий Царская Лавра безвозмездно получала оливковое масло из Бара, соль из Широкого Брода, шёлк и вино из Пилота, мёд и воск из Сириница, Неродимля и Штимля, рыбу из Скадарского и Плавского озёр...

Опоясанная массивными стенами Царская Лавра на месте старого храма того же посвящения, а, возможно, и более древних святилищ, ограничена с двух сторон берегом реки Бистрицы, с третьей стороны соединяется с находящейся на крутом возвышении крепостью Вышеград. Монастырь состоял из монументального собора с Царской усыпальни-

цей, великолепной трапезной и небольшой церкви Святителя Николая Мирликийского, свободно расположенных посередине, и находившихся вдоль стен келий, террас, подвалов, пекарен, складов, бань, больницы и других построек, предназначенных для нужд многочисленных насельников и гарнизона, охранявшего дорогу Призрен—Тетово.

После смерти Душана Сильного в 1355 г. его останки были захоронены в Царской задушбине и великой церкви Святых Архангелов. Внешняя отделка этого монументального византийского собора-усыпальницы была выполнена в романском стиле с богатым скульптурным декором фасадов, порталов, окон и капителей из мрамора и роскошным мозаичным полом. Стены толщиной 110 см сложены из кирпича и ломаного камня, а снаружи отделаны полированным мрамором. В храме был каменный иконостас, а также гробница Царя из обработанных мраморных плит голубоватого и вишневого цветов. Над нею существовала декоративная конструкция из стрельчатых аркад и столпов, под которой некогда был изваян в высоком рельефе портрет Душана Сильного. При росписи храма было использовано много золота для получения богатого колорита. Знаменитый *призренския църкве патос* (=пол), что *не обретае ся нигдеже* более, в алтаре и притворе был из мрамора, а в пространстве нефа рельефно обработан с применением мозаических плиток из камня, керамики и твёрдого дерева, изображающих кроме сложных геометрических богатство растительных орнаментов и фантастический мир животных, грифонов, львов, птиц и рыб. О церкви было также написано, что *ей нет ничего равного под солнцем*.

Храм Святителя Николая Мирликийского значительно меньших размеров был построен и украшен подобным же образом.

В обители существовала обширная трапезная крестовидного плана с апсидой, используемая также и в качестве залы для праздников и торжеств, богато украшенная стенными росписями. Она была достаточно просторна, чтобы принять одновременно около 400 человек на трапезу или

собрание. На стене сохранился фрагмент фрески с богатого колорита роскошными одеждами и многоцветной драпировкой. Несомненно, это была представительная, прекрасно расписанная и великолепно оформленная зала, в которой проходили и державные соборы.

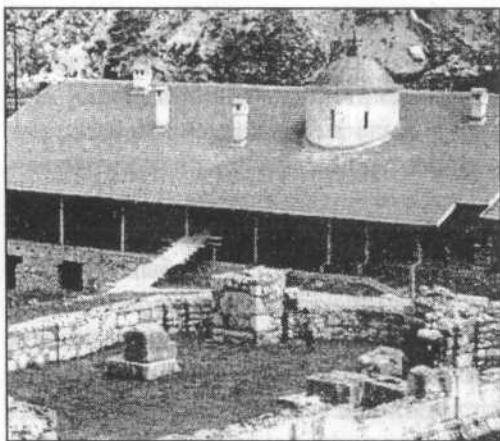
Святые Архангелы представляют собой настоящий Царский памятник, блистательно отделанный драгоценными материалами. Хотя имя и происхождение зодчего неизвестно, нет сомнения, что здания столь согласованных пропорций и вида и такой совершенной отделки мог задумать только строитель, творчески переработавший опыты царьградских архитекторов в пространственном представлении и соединивший их со средиземноморской, романо-готической утончённостью в обработке камня. Представляется, что здесь своего полного выражения достиг уже намеченный ранее синтез тех обликов сакральных сооружений Востока и Запада, которые созревали в так называемой рашской школе, с одной, и в памятниках Косова и Македонии, с другой стороны. Этот переходный характер виден и в скульптуре, многочисленные фрагменты которой ясно отражают стилевые особенности, тесно связанные с пластикой приморских мастерских Котора, Цавтата и Дубровника, перенесённые во внутренней Сербии на архитектуру монастырей Студеницы, Баньской, Дечан. Те же мотивы, похож способ обтёсывания — новые явления только в двух случаях. Первое, мраморные голова Царя Душана с гробницы и остатки его статуи, а также голова юноши суть единственные портреты в сербской средневековой скульптуре. Другое нововведение более формального порядка, когда пластическая обработка растительных орнаментов уступает место поверхностной, а стилизация столь выражена, что орнамент становится двойной геометрической полосой, что позднее найдёт своё развитие в моравской школе. Можно сказать, что Святые Архангелы в сербской архитектуре и скульптуре завершают одну великую пластическо-пространственную традицию, одновременно предвосхищая другую, новую эстетику.

О жизни в монастыре сохранилось не много данных. Известно, что после примирения Сербской и Царьградской Церквей в 1375 году их представители совершили службу над гробницей Царя Душана, и была снята анафема с него, его сына святого Царя-мученика Уроша, Патриархов святителя Иоанникия и Саввы IV. Согласно житию святителя Ефрема, он после своего первого отречения от патриаршества в 1379 (или 1380) г. поселился в Святых Архангелах, где пребывал 9 лет.

Монастырь явился неманической задушбиной с самой краткой историей: появился поздно и просуществовал всего около двух столетий. Когда в 1455 г. турки взяли Призрен, они вторглись и в монастырь, нанеся ему великий урон. По весьма редким известиям, сохранившимся в источниках, и по следам поздних перестроек видно, что весь комплекс быстро приходил в ветхость, пока со второй половины XVI века не началось его тотальное разрушение. В 1615 г. знаменитый османский архитектор Синан-паша (из янычар сербского происхождения) использовал материал уничтоженного монастыря для строительства в Призрене крупнейшей на Балканах мечети, где и по сей день бросаются в глаза детали с барабана храма Святых Архангелов, встроенные во внешние стены, и капители в интерьере.

Запустелый, порушенный до основания, затопляемый разливами памятник былой славы Царского града Призрена пребывал в таком состоянии до 1927 года, когда были проведены первые археологические раскопки, а в 1960-х годах — обширные работы по реставрации и консервации, так что были защищены фундаменты и нижние части стен. В таком виде, к сожалению, они не дают ни малейшего представления о былом величии и красоте Царской задушбины.

Возрождение Святых Архангелов было начато частичными археологическими исследованиями, произведёнными в 1990-х годах. В целом в ходе раскопок были найдены многочисленные детали (свыше 1600), в основном, фрагменты каменной пластики: голова Царя Душана, затем голова юноши, украшения порталов, остатки фресок, остатки мраморной

скульптуры Царя и другое. Все находки хранятся сейчас в музейных коллекциях.

Тогда же на старых основаниях вдоль восточной стены монастыря был выстроен жилой корпус с домовою церковью, которую в 1996 году

Его Преосвященство епископ Рашско-Призренский Артемий освятил как первый в мире храм в честь Святого Владыки Николая (Велимировича) – за семь лет до его всецерковной канонизации в 2003 году! Ставшая знаменитой храмовая икона Святого Владыки была написана игуменией также косовского монастыря Соколицы матерью Макарией.

Монашеская жизнь вновь затеплилась в 1998 г., когда сюда прибыл настоятель возрождённого монастыря в честь Святых Архангелов Михаила и Гавриила отец Герман с немногочисленной братией. Это время явилось для Косова началом одного из самых тяжёлых периодов в его истории, продолжающегося и по сию пору. Участились и достигли своего пика нападения незаконно созданной шиптарами т. наз. «Армии освобождения Косова» (УЧК) на мирное сербское население, полицию и армию. В результате ответных действий властей страна, и особенно Косово и Метохия, подверглись бомбардировкам НАТО весной 1999 г. Сразу после ухода сербских войск (согласно навязанному ООН и Черномырдиным Кумановскому соглашению) в июне практически всё православное население этого края снова подверглось теперь безнаказанным и оттого ещё более грозным нападениям и в массе своей было вынуждено покинуть родные очаги, в частности, город Призрен.

15 июня около 11 часов утра в центре города вооружёнными сторонниками УЧК был схвачен поехавший по делам населенник монастыря монах Харитон (Лукич). С тех пор о нём ничего не было известно, пока только через год его обезглавленное и со следами ранений тело не было найдено и опознано по документам и одежде. Теперь обитель Святых Архангелов имеет нового своего молитвенника и заступника.

Могила мученика Харитона

Тогда же, вечером 15 июня братия вынужденно оставила монастырь, ибо он весьма уязвим: его легко обстрелять и забросать гранатами или просто камнями прямо с дороги из любой проезжающей машины; иногда особо усердствующие в ненависти албанцы останавливаются и выливают на монахов потоки брани, сквернословия и угроз.

Натовские «миротворцы» не принесли мира измученным коренным жителям Старой Сербии, этой сердцевины сербской цивилизации, Святой Земли сербского народа. В течение 5 лет с их прихода отсюда было изгнано около 300 000 человек, или $\frac{2}{3}$ неалбанского населения; тысячи и тысячи сербов убиты или пропали без вести; разрушены или заняты пришельцами десятки тысяч сербских жилищ; порушены памятники сербской истории и культуры; осквернены десятки православных кладбищ; взорваны, подожжены и разрушены до основания 115 православных храмов, среди которых памятники архитектуры с фресками XIII-XVII веков! Одним словом, стирается всякий след всего сербского на этих землях.

Вскоре, однако, монахи вернулись, а немецкие “миротворцы” установили перед воротами обители контрольно-пропускной пункт с вышкой и колючей проволокой. Тогда и произошло одно из чудес Святого Владыки Николая – от его иконы. Военнослужащий КФОРа, вошедший в небольшой домовый храм во время службы, ясно увидел, как написанный в $\frac{3}{4}$ лик Владыки повернулся и в упор глянул прямо ему в душу. Это произвело такое впечатление на немца, что он обратился в Православие.

Монашеское делание вновь стало налаживаться, несмотря на тяжелейшие условия резервации. Кроме монахов в обители находились и послушники, ещё не дававшие обетов, но твёрдо решившие послужить Богу, своей Церкви и её народу на таком мученическом месте под покровом Святых Архангелов. Совершалось ежедневное богослужение и Божественная Литургия. В свободное время насельники занимались рукоделием и резьбой крестов и церковной утвари.

В соседнем Призрене, где ещё оставалось до ста сербов, в основном больных, старых и немощных, по воскресеньям и праздникам два священника совершали Литургию в кафедральном соборе (новом) Великомученика Георгия. Монастырская братия взяла на себя подвиг поддерживать литургическую жизнь в древнем соборе Богородицы Левишской – одной из 40 задушбин отца Царя Душана, святого благоверного крала Стефана Милутина – уникальном шедевре архитектуры и монументальной живописи XIII-XIV вв. мирового значения.

Многим казалось, что мирная жизнь постепенно сможет устроиться... Так продолжалось до 17 марта 2004 года, кануна дня памяти Святого Владыки Николая, отошедшего ко Господу 5(18) марта 1956 г. Тогда с измышленного предложения шиптары начали страшный погром сербского населения – и всего связанного с сербским именем! Вновь повторились, как на ускоренной киноплёнке, спресованные в 3 кошмарных дня картины ненависти и безумия, убийств, разрушения и осквернения. 30 сербов были зверски убиты, сотни ранены, десятки тысяч, эвакуированные и временно размещенные на базах КФОРа и в монастырях крупных сербских анклавов, остались без крова над головой. К 115 добавилось ещё 35 уничтоженных православных храмов. Только в соседнем Призрене были осквернены, сожжены, разрушены Кафедральный собор и Георгиевская церковь XIV в., храмы Святого Спаса XIV в., Святых Космы и Дамиана XIV в., Мученицы Недели XIV в., Великомученика Пантелеимона XIV в., здание Семинарии, Владычьи палаты. Пострадали безценные росписи. Подожжённая и разгромленная Богородица Левишка была превращена в место отправления нужды, а её всемирно известная фреска уникальной иконографии *Богородица с Младенцем Кормителем* начисто соскоблена на целую треть, остальные сильно закопчены...

Сейчас те последние сербы-призренцы, кто не желает или кому совсем некуда уехать после погрома, живут в комфортабельных бараках на территории немецкой базы и мо-

гут свободно передвигаться по ней (насколько это позволено гражданским лицам) и даже за её пределами, но там уже военные никаких гарантий безопасности не дают. Их 17 человек, из которых всего двое молодых: это родные сёстры, помогающие старикам справляться с жизнью. Немец-врач, уже махнувший рукой на пребывающих в постоянном состоянии сесса пожилых пациентов, с тревогой говорит о душевном здоровье старшей из девушек.

По словам монахов из Святых Архангелов, перед немецким КФОРом стояла задача сохранить лишь их физическое существование, а никак не монастырь. Доблестные “миротворцы” принудили насельников эвакуироваться вертолётom, после чего благополучно отбыли и сами. Опьянённая ненавистью и безнаказанностью толпа ворвалась в монастырь, круша и громя всё на своём пути. **Келейный корпус вместе с домовою церковью в честь Святителя Николая Жичского и Охридского был разграблен и подожжён. В пламени погрома утрачена и чудотворная икона Святого Владыки.**

Впоследствии немецкое командование, не желая брать на себя ответственность, долго чинило препятствия для возвращения монахов. Целям Германии, извечного противника сербской державы, больше отвечает чисто албанская *Kosova* (по-шиптарски) для переселения сюда наводнивших Европу

мусульман, в первую очередь, албанского криминалитета. Владыке Артемию потребовалось подключить к решению вопроса вышние эшелоны власти

в Белграде для переговоров с Берлином. Теперь немцы готовы защищать вместе со всеми материальными и духовными ценностями и территорию монастыря, который они рассматривают как часть и опорный пункт своей военной базы на Косове. То есть решили закрепиться всерьёз и надолго, и задумываешься, так уж ли это в действительности хорошо?

Итак, братия вновь вернулась, надо думать, окончательно. Сейчас их семеро. Духовное делание идёт своим чередом, принимают монашеский постриг послушники... Материальная жизнь тоже входит в обычную колею, если можно назвать обычным существование в окружении стены ненависти и агрессии, начинающейся сразу за невысокими остатками монастырских укреплений.

Летом жили в контейнерах и палатках, служили тоже в походной палаточной церкви. К зиме в юго-восточном углу монастыря был возведён новый *конак* (келейный корпус), задний фасад которого защищён крутым горным склоном. Игумен Герман, стараясь во всём находить положительные стороны, объяснял нам, что сгоревший корпус в 1990-х годах строился под контролем каких-то международных (кажется, заокеанских) радетелей о памятниках культуры, поэтому не очень-то соответствовал требованиям как эстетики, так и пригодности в качестве келий, и его требовалось бы переделать. А новое здание и проектировали и строили свои: сербы из ближайших сёл Брезовицы и Штрпца с радостью и большим подъёмом помогли завершить его в кратчайшие сроки.

Конак имеет и свою домовую церковь в честь Святого Лазаря Четверодневного. Символика очевидна: как восстал и вышел на свет Божий из гроба умерший и уже смердящий — так воскреснет, отрясёт все свои беды и скорби и возродится к новой жизни православная земля Косова и Метохии, Старая Сербия.

И восстанет из пепла и обновится и засияет во всей своей духовной красоте первый в мире храм в честь Святого Владыки Николая, святителя Сербского и Всеправославного. Буди, буди!

ЗА КРЕСТ ЧЕСТНОЙ И СВОБОДУ ЗОЛОТУЮ!

II выпуск

*Преподобный ИУСТИН (Попович). СЯТОЙ НИКОЛАЙ
ЖИЧСКИЙ — РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ ВЛАДЫКА,
СЕРБСКИЙ НОВЫЙ ЗЛАТОУСТ 4*

Епископ АРТЕМИЙ (Радосавлевич).

**КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
СЯТОГО ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ 13**

Олег КУЗЕВАНОВ. МОНАСТЫРЬ САВВИНА 32

*Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович). В МОНАСТЫРЕ
САВВИНЕ 35*

Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович).

СЛОВО О ВЕЛИКОМ ИМЕНИ 50

ПИСЬМО МИХАЙЛА ПУПИНА НИКОЛЕ ПАШИЧУ 58

Изумения АННА (Аджич). О ВЛАДЫКЕ НИКОЛАЕ 60

*Исидора СЕКУЛИЧ. ВЛАДЫКА НИКОЛАЙ - ЖИЧА -
СЕРБСКИЙ НАРОД 76*

Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович). ЖИЧА В ВЕКАХ 80

Милица ЗЁРНОВА. ОЧИ, ЧТО БОГА ВИДЕЛИ 88

Владимир МАЕВСКИЙ. СМЕРТЬ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ 90

Йован КОНТИЧ. ВЛАДЫКЕ НИКОЛАЮ НАД ГРОБОМ 109

*Святитель ИОАНН (Максимович). О СЯТОМ ВЛАДЫКЕ
НИКОЛАЕ 111*

Мария МЕЛЬКОВА. СЕРБСКИЙ СТАРЕЦ ИУЛИАН 113

ПИСЬМО ОТЦА ПАВЛА ЕПИСКОПУ НИКОЛАЮ 126

Антоний ДЖЮРИЧ. С БОГОМ, СЯТОЙ ВЛАДЫКО! 128

Мария МЕЛЬКОВА. МОНАСТЫРЬ ЛЕЛИЧ 131

*Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович). РЕЧЬ НА
ОСВЯЩЕНИИ ЦЕРКВИ В ЛЕЛИЧЕ 149*

Наталья ФЕОФАНОВА. МОНАСТЫРЬ СОКОГРАД 151

*Епископ АФАНАСИЙ (Евтич). КОСОВСКАЯ МЫСЛЬ
И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ 156*

КНЯЗЬ ЛАЗАРЬ ВЫБИРАЕТ ЦАРСТВО 168

*Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович). ПРОПОВЕДЬ
В МОНАСТЫРЕ РАВАНИЦЕ 170*

Мария МЕЛЬКОВА. МОНАСТЫРЬ АРХАНГЕЛОВ 180

**Русско-Сербское Братство в честь Святых Царя Николая и Владыки Николая
ПАПОМНИЧЕСТВА К СВЯТЫНЯМ**

**СЕРБИИ и ЧЕРНОГОРИИ, республики СЕРБСКОЙ, МАКЕДОНИИ, БОЛГАРИИ,
г. Бари (Италия), ЦАРЬграда Константинополя, Уральской ЦАРСКОЙ Голгофы**

<p>СЕРБИЯ и республика СЕРБСКАЯ с апреля по ноябрь ... 8 -12 дней</p>	<p>Святыни СЕРБИИ: место явления Божией Матери и Её чудотворные иконы Студеницкая, Скоропослушница, Чайничская и многие иные; целокунные мощи вмч. Феодора Тирона, свт. Николая Сербского, прпп. Симеона Мироточивого и Анастасии Сербской, Прохора Пчиньского Мироточца, блгвв. Стефана Первоверховного, Царя Лазаря Косовского муч., Владислава, Ангелины и прочих сербских святых; места погребения и могилы свт. Саввы, прпп. Параскевы-Петки, Елены Сербской, Иустина (Поповича)...; цельбоносные источники, византийские фрески XII-XVII вв.</p>
<p>ЧЕРНОГОРИЯ (+Бари) с июня по сентябрь 1 неделя (+возможен отдых на Адриатике)</p>	<p>Святыни ЧЕРНОГОРИИ: крест из древа Животворящего Креста Господня; чудотворные иконы Божией Матери Филеримская и Савинская; десница св. Иоанна Крестителя; стопа ап. Луки; перст вмч. Георгия; рука сщмч. Харалампия; глава прмц. Февронии; стопа первоимц. Феклы; кровь 40 мчч.; рука, жезл и гроб свт. Саввы Сербского; целокунные мощи мч. и чудотв. Трифона, свтт. Василия Острожского, Арсения Сербского и прочих святых; чудотворные источники, средневековые монастыри и древние храмы с фресками... Возможна поездка на корабле в г. Бари (Италия) для поклонения мощам свт. Николая и другим святыням.</p>
<p>Сербия + МАКЕДОНИЯ: июнь, сентябрь 2 недели (с отдыхом на Охридском озере)</p>	<p>Памятники византийского церковного искусства и архитектуры МАКЕДОНИИ; местб трудов и подвигов свтт. Николая Сербского, Иоанна (Максимовича), прп. Иустина (Поповича). Святыни: чудотворные иконы Богородицы Пречистой, св. Иоанна Предтечи "Троеручца", вмч. Георгия...; мощи равноап. Наума (целитель душевных недугов) и Климента Охридских, прпп. Гавриила Лесновского, Иоакима Осоговского... Охрид: великое множество храмов с изумительными фресками XI-XV вв. на берегах прекраснейшего Охридского озера – мйста "Молитв на озере" свт. Николая, соверщания и отдыха.</p>
<p>БОЛГАРИЯ сентябрь 2 недели (с отдыхом на Чёрном море)</p>	<p>Святыни и памятники византийского искусства БОЛГАРИИ: монастыри с фресками IX-XVII вв. в горах и городах; царская столица Велико Тырново; мощи прп. Иоанна Рыльского, его пещера с чудотворным источником; место подвигов и целебные источники свв. Космы и Дамьяна; мощи св. блгв. Милутина, короля Сербского и свт. Серафима (Соболева); могила схиигуменни Марии (Дохторовой); чудотворные иконы</p>
<p>ЦАРЬград круглый год 1 неделя (с отдыхом на островах)</p>	<p>ЦАРЬград (Стамбул): подворье русского монастыря на Афоне; многочисленные святыни Константинопольской Патриархии, Храм Святой Софии, церкви свв. Ирины, Сергия и Вакха, Феодора, Андрея, Могольской Богоматери, Паммакарistos, Богоматери Влахернской, монастыри Липса, Хора...; обилие чудотворных источников.</p>
<p>Уральская ЦАРСКАЯ Голгофа: июль 10 дней</p>	<p>Царские дни на УРАЛЬСКОЙ ГОЛГОФЕ. Ныроб – место мучения первого страстотерпца из рода Романовых; Пермь, местопребывание прмц. Елисаветы и прочих Царственных мучеников; Белогорский монастырь; Екатеринбург: ночная Литургия в Храме-на-крови, крестный ход на Ганину Яму, в монастырь Царственных страстотерпцев; Алапаевск и Литургия в монастыре Новомучеников Русских на шахте Межная; Верхотурье: домик Царевича Алексея в монастыре св. прав. Симеона, его цельбоносные мощи; чудотворные источники в Меркушине и Октае.</p>

Справки по тел.: (+7 495) 472 10 92, 403 04 97

СѢНТЕЛА НИКОЛАА СЕРБИКАГО
МОЛІТВА

Ѡ СПАСЕНІИ ПРАВОСЛАВНАГО НАРОДА НАШЕГО
Ѡ ВРАГОВЪЗ ПРАВОСЛАВІА

СѢНІ Н ГДІ НАШЪ, ІІСЕ ХРІТЕ, ЕЖЕ СПІЕНІА НАШЕГО, МЛЧНВНО ѠСЛЫШИ Н
НЫНѢ СМІРЕННОМЪ МЛТВѢ НАСЪ, НЕДОСТОЙНЫХЪ РАБЪЗ ТВОИХЪ. ГОГРѢШИХОМЪ
ТН, ПРОСТИ НАМЪ, ГДІ. ПАДОХОМЪ ВЪ КАЛЪ БЕЗЗАКОНІА, ѠЧНУТИ НЫ,
ПРЕЧТНІ. ПРОГНѢВИХОМЪ ТА, СМІЛІИСА, ПРЕБІГІИ. ОЕ ПЕКЛОМЪ
КОЛЕНА ПРѢДЪ ТОВОМЪ Н МОЛМЪ ТА СО МЪЗАНІ ПOKAЛНІА: НЕ ПОМАНИ
ГРѢХЪ НАШНХЪ Н ѠМНІ БЕЗЗАКОНІА НАША: ВОМНІ Н ѠСЛЫШИ ВОПЛЬ
ГРѢШНЫХЪ ЧАДЪЗ ТВОИХЪ. ПРНМІ НЫ ПОДЪ ДЕРЖАВНЫМЪ ПОКРѢВЪЗ СВОИ, Ѡ
ВСЕНІАНЫИ, ЗАЩИТИ ЦРКОВЬ ТВОЮ ПРАВОСЛАВНУ: ДЕРЖИ КЪ СРЕТНЦЫ,
ПРНІТИ ѠТЪВНІЦЫ ИСТИНЫ ТВОЕА, СОГІАВИША КЪВЫ Н ГРОЗНО ѠДІАВНІША
НА НАРОДЪ ТВОИ Н СЪІНЮ ПРАВОСЛАВНУ. Н ПАКИ ПРОЛІША КРѢВЪ ЧАДЪ
ТВОИХЪ: Н ПАКИ ѠВОРНІША ПОТОКИ СЛЪЗНЫА ВЪРНУХЪ ТВОИХЪ: Н ПАКИ
ѠБЛЕКОША ЦРКОВЬ ТВОЮ ВЪ РИЗЪ СКОРЕН Н ПЕЧАЛІ, Н СПЕЛОША ЕИ
ТЕРНѢВЪЗ ВЪНЦЪЗ ЛЖИ Н НАСІЛІА Н НЕПРАВДЪЗ СВОИХЪ. ПОМОЗНІ НАМЪ, ЕЖЕ
СПІЕНТЕЛУ НАШЪ, СЛАВЫ ИМЕНИ ТВОЕГО РАДН. ІІЩЕ НЪСМЪ ДОСТОЙНИ ТВОЕА
ПОМОЩИ, ВОПОМАНИ ОЦЫ НАША, ПРНІШУ ТН ВЪРНУ СЛЪЖИВШЫА,
Н ЗА ИМА ТВОЕ Н ЗА КРЪТЪ ТВОИ ЧТНЫИ МУЖИ Н ГОНЕНІА Н СМЕРТЬ
ПРЕТЕРПѢВШЫА: ИХЪЖЕ РАДН, ГДІ, ПРОСТИ РАБЪЗ ПОМОЩИ СВОЕА Н НАМЪ, Н
ПОМІЛІИ НАСЪ. РАДН ПРАВЕДНЫХЪ ОТЕЦЪЗ НАШНХЪ Н МЧНКОВЪЗ ЗА ВЪРЪ
ПРАВДИ, ИЗБАВИ НЫ ПОСТІГШИА НАСЪ НАПАСТИ. ПОМАНИ СЛОКОВАРНЫА
НЕПРНІАТЕЛИ НАРОДА ТВОЕГО: ИЗНИ СРЕТНИКИ НЗЪ СТАДА ТВОЕГО: ВРАЗЪМІ Н
ПРНВЕДІ КЪ ПОКАЛНІИ ПОМОЩНИКОВЪЗ НЪЗЪ ВЪЗЕМАНІ НАШЕЙ, ѠСЛАЩЕННЪИ
ЧТНЫМЪЗ КРЪТОМЪЗ Н МЧНЧЕСКОМЪ КРѢВІИ. НЕ ПОПУСТИ ГОНІТЕЛУ НАША ДА
ЛИКОВСТВУИТЪ, НО ДУХОМЪ ѠУТЪ ТВОИХЪ ѠЖЕННІ А ДАЛЕЧЕ: ІІЩЕ ЖЕ НЕ
РАСАЮТЪСА, СЪДІ ИМЪ ПО ВЪЧНЪИ ПРАВДѢ, ГДІ Н ЕЖЕ ОТЕЦЪЗ НАШНХЪ.
ЦРКВИ ТВОЕИ СЪЧЕИ ДАРЪИ МНЪЗ, СКОРЪЛЦЫМЪЗ ЧАДАМЪ ЕА ВОЗВРАТИ
РАДОСТЬ, БРАТИИ ЖЕ НАШЕЙ, ПОСТІАДАВШЕЙ ВЪ ЗАЩИТѢ СЪІА НАРОДНЫА
ЦРКВЕ, ѠВЕРЗІ ВРАТА РАЙСКІА ВО ЦРТВІИ ТВОЕМЪЗ БЕЗСМЕРТНЕМЪЗ. ДА ТА ВІИ
МЫ НА ЗЕМАНІ ПОЕМЪЗ Н СЛАВІМЪЗ ВЪКЪПѢ СЪЗ НЕНОМЪ ЦРКВИИ ТВОЕИ, ОЦА Н
СІА Н СЪАГО ДЪА, ННѢ Н ПРНУ Н ВО ВЪКНІ ВЪКЪВЪЗ. ІІ МІНЪ.

Сербский старец Иулиан (1918 † 2001),
сказавший:
«Лучшая помощь Сербии – сильная Россия».

